

CXX

В. В. СТАСОВЪ

МИНІАТЮРЫ

НѢКОТОРЫХЪ РУКОПИСЕЙ

ВИЗАНТІЙСКИХЪ, БОЛГАРСКИХЪ, РУССКИХЪ, ДЖАГАТАЙСКИХЪ И ПЕРСИДСКИХЪ

1902

CXX

В. В. СТАСОВЪ

МИНIАТЮРЫ

НѢКОТОРЫХЪ РУКОПИСЕЙ

ВИЗАНТIЙСКИХЪ, БОЛГАРСКИХЪ, РУССКИХЪ, ДЖАГАТАЙСКИХЪ И ПЕРСИДСКИХЪ

1902

Печатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Секретарь *П. Шефферъ*.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская. 43).

Глубокоцѣнимому

архистратигу

НАЦІОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ АРХЕОЛОГІИ

Никодиму Павловичу

Кондакову

посвящаетъ свое изслѣдованіе

Авторъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МИНІАТЮРЫ

нѣкоторыхъ византійскихъ, славянскихъ и восточныхъ рукописей.

Во время моихъ приготовленій къ изданію «Славянскаго и Восточнаго орнамента»,— приготовленій, длившихся около 30 лѣтъ, мнѣ случалось видѣть въ разныхъ большихъ европейскихъ библіотекахъ множество древнихъ рукописей, которыхъ миніатюры мало у насъ извѣстны, а иногда и вовсе неизвѣстны, а, между тѣмъ, имѣютъ очень важное значеніе для русской исторіи и этнографіи. Разсматривая ихъ, я много разъ думалъ, что онѣ могли бы значительно увеличить наши наглядныя представленія о славянской и спеціально русской древности. Мы имѣемъ о ней значительное количество свѣдѣній письменныхъ, литературныхъ—и очень мало свѣдѣній графическихъ, изображеній, рисованныхъ рисовальщикомъ или вылѣпленныхъ скульпторомъ. Рисунки въ рукописяхъ русскихъ и настѣнныя фрески старыхъ нашихъ церквей представляютъ конечно, матеріалъ обширный, очень интересный и, безъ сомнѣнія, необыкновенно важный, но онъ покуда еще слишкомъ неполонъ и содержитъ огромное количество пробѣловъ. Мнѣ казалось, что эти пробѣлы должны постепенно все болѣе и болѣе исчезать и уступать мѣсто многимъ вполнѣ достовѣрнымъ и точнымъ изображеніямъ графическимъ, которыхъ есть не мало, но, къ сожалѣнію, они мало извѣстны.

Поэтому, я старался добывать для себя, въ числѣ разнообразныхъ матеріаловъ древности, также и копіи съ тѣхъ миніатюръ иностранныхъ библіотекъ, которыя казались мнѣ особенно для насъ нужными и полезными, однѣ изъ копій въ снимкахъ фотографическихъ, покрытыхъ потомъ красками, или, когда это было недоступно, то въ рисункахъ отъ руки, въ краскахъ. Конечно, предметомъ моей особенной заботы было то, чтобы тѣ копіи, которыя дѣлались отъ руки, были какъ можно болѣе вѣрны и не уступали бы въ точности фотографіямъ. Рисунки и гравюры прежнихъ временъ, особливо XVII и XVIII вѣка, бывали въ большинствѣ случаевъ такъ мало точны, такъ произвольны, въ такой степени бывали слишкомъ часто фантастичны и капризны, до того старались «украшать» представляемый объектъ, сообразно съ современнымъ тогда представленіемъ о задачахъ «истиннаго искусства», что способны были вводить въ заблужденіе изслѣдователя: они не давали ему вѣрнаго представленія не только о типѣ лица, глазъ, носа, рта, волосъ и т. д. тѣхъ личностей, которыя изображены были на томъ или другомъ памятникѣ древности, но даже о разныхъ подробностяхъ костюма,

о вооруженіи и другихъ деталяхъ историко-этнографическихъ, и тѣмъ препятствовали достигать вѣрныхъ соображеній о національныхъ особенностяхъ всего представляемаго относительно расъ, физіономій, характеровъ и прочаго. Желая избѣжать такихъ недостатковъ, я старался слѣдовать примѣру лучшихъ современныхъ изслѣдователей и достигать въ представляемыхъ мною воспроизведеніяхъ той точности и вѣрности, которыя для нынѣшняго времени являются первымъ и безусловно необходимѣйшимъ требованіемъ. Я всегда просилъ тѣхъ, кто изготовлялъ для меня копіи, нисколько не фантазировать, ничего не прибавлять и не убавлять, а выполнять настоящія fac-simile, со всѣмъ совершенствомъ, гдѣ оно есть въ оригиналахъ, но и со всѣми несовершенствами или изъянами формъ, контуровъ, краски, пергамента или бумаги, въ рисункахъ, просуществовавшихъ иногда нѣсколько сотъ лѣтъ и перебывавшихъ въ тысячахъ рукъ, далеко не всегда бережныхъ. Въ текстѣ къ своему атласу, подъ названіемъ «Святославъ» (о которомъ рѣчь будетъ ниже), Оленинъ въ 1832 г. говорилъ одному профессору Академіи Художествъ: «Въ археологическихъ изысканіяхъ никакихъ источниковъ не должно презирать, а потому не погнѣвайтесь, если многія фигуры, приведенныя здѣсь въ доказательство, такою же мастерскою рукою написаны (по времени), какъ та, которая рисовала лубочную картину «Мыши кота погребаютъ», но на безлюдьи и Ѳома дворянинъ. Нѣкоторые изъ представленныхъ въ атласѣ рисунковъ грубостью и уродливостью рисунка покажутся недостойными сего собранія, но, за недостаткомъ хорошихъ того времени памятниковъ, и сіи, такъ сказать, каррикатуры весьма драгоцѣнны и достойны большого уваженія». Такихъ извиненій въ настоящее время уже не требуется. Требуется одна точность передачи.

I.

Какія на свѣтѣ самыя древнія изображенія славянъ? Какія самыя древнія изображенія русскихъ? Такіе вопросы появились у насъ очень еще недавно, всего съ 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Раньше того они могли бы казаться только никому не интересными. О національности, типѣ, физіономіи, одеждѣ, всей вообще жизненной обстановкѣ славянъ и русскихъ, у насъ еще не возникало заботы, всякій хлопоталъ только о классицизмѣ и европействѣ, о приближеніи къ нимъ. По капризу и примѣру Петра I, Россія впродолженіе всего XVIII вѣка въ дѣлѣ искусства всего болѣе заботилась о томъ, какъ бы казаться поменьше русскою и побольше иностранною, и для этого всегда представляла своихъ великихъ или замѣчательныхъ людей—на картинахъ и портретахъ, картинахъ и статуяхъ—въ небывалыхъ латахъ, въ выдуманныхъ костюмахъ, съ измѣненными до тла и тщательно усовершенствованными по европейскимъ модамъ лицами и позами. Всѣ три Петра, Бироны и Суворовы, а также и другіе наши государи, правители и полководцы, министры и разнообразные дѣятели, являлись со своими изображеніями, на общественныхъ площадяхъ, во дворцахъ и въ художесвенныхъ галлереяхъ, до крайней возможности нерусскими, недѣйствительными, а выдуманными и аранжированными. Какая же, при такомъ настроеніи и при такихъ привычкахъ, могла быть заботливость о воскрешеніи, для глазъ нынѣшнихъ зрителей, прежнихъ, давно прошедшихъ и давно утратившихъ близкій интересъ людей, временъ и жизни? Правда, для русской науки въ концѣ XVIII вѣка начиналъ уже просыпаться интересъ къ древней русской исторіи. Татищевъ и князь Щербатовъ занялись изданіемъ нашихъ лѣтописей, но все вниманіе ихъ было посвящено только собиранію политическихъ фактовъ и извѣстій, все остальное было имъ столько же чуждо и далеко, какъ и остальному тогдашнему русскому обществу. Императрица Екатерина II, задумавъ издать въ свѣтъ, въ 1783 году, свое сочиненіе «Выпись хронологическая изъ исторіи Россіи» и желая иллюстрировать это сочиненіе портретами древнихъ русскихъ князей и царей, не нашла подъ руками никакого другого матеріала, кромѣ медальоновъ, совершенно фантастическихъ, и выдуманныхъ французскими художниками. Въ 1791 году была издана опера Сарти: «Начальное правленіе Олега», либретто котораго было сочинено самой императрицей. Заботы объ «истинности» и «вѣрности» оперы простирались такъ далеко, что Сарти сочинялъ свою музыку въ древнихъ средневѣковыхъ (церковныхъ) тонахъ, что̀ и засвидѣтельствовано печатными надписями на страницахъ парти-

туры, но изображенія на виньеткахъ наполнены такими фигурами, физіономіями и костюмами, которые ничего не имѣютъ общаго съ какою бы то ни было древностью и являются лишь образчиками современнаго тогда стиля рококо. Французъ Леклеркъ, проживиццій 12 лѣтъ въ Россіи, для изученія ея исторіи, и пользовавшійся всѣми научными средствами, какія могла доставить сама императрица, сочинилъ «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne» (напечаталъ ее онъ въ Парижѣ, въ 1783—1784 годахъ) и украсилъ многочисленныя страницы своего изданія портретами древнихъ русскихъ владыкъ, изобрѣтенными и нарисованными какимъ-то Шевальѐ, отставнымъ французскимъ офицеромъ и военнымъ географомъ...

Какой же достовѣрности можно было искать въ этихъ портретахъ русскихъ князей въ небывалыхъ шлемахъ, кирасахъ и шубахъ, съ невиданными нигдѣ молотками, щитами, бердышами, скипетрами и мечами въ рукахъ, съ фантастическими лицами и физіономіями? Объ историчности этихъ изображеній можно судить, напримѣръ, по тому, что дочь Ярослава, Анна Ярославна, бывшая въ замужествѣ за французскимъ королемъ, Генрихомъ I, представлена въ костюмѣ временъ мадамъ Севиньѐ. И все это происходило, не взирая на то, что, по словамъ автора въ «предисловіи», главнымъ его помощникомъ и совѣтчикомъ въ трудѣ былъ лучшій тогда русскій историкъ, князь Щербатовъ. Но такіе портреты до такой степени мало оскорбляли современные вкусы и понятія, что въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій XIX вѣка всѣ иллюстрированныя русскія исторіи были украшены буквальными копіями или подражаніями этихъ самыхъ портретовъ. Довольно любопытно то, что когда въ 1805 году былъ изданъ въ Москвѣ переводъ Шлецеровскаго сочиненія: «Краткое изображеніе Россійской исторіи», то крошечныя картинки, изображавшія портреты Рюрика, Владиміра Великаго, Святополка, Всеволода III, Юрія II, Василія III, Іоанна Грознаго и т. д., являлись только повтореніемъ прежнихъ выдумокъ на медаляхъ и гравюрахъ. И такой-то печальный хламъ служилъ иллюстраціей для текста великаго нѣмецкаго историка, старавшагося внести критику и свѣтлыя, вѣрныя понятія въ изображеніе судебъ древняго русскаго народа! Этотъ порядокъ вещей продолжался у насъ очень долго. Въ 1801 году скульпторъ Козловскій поставилъ у Троицкаго моста, въ Петербургѣ, колоссальную статую Суворова, въ рыцарскихъ латахъ, въ шлемѣ съ перьями, въ претензливой и безвкусной позѣ временъ Помпадуръ. Въ 1818 году, когда уже существовало на свѣтѣ нѣсколько печатныхъ томовъ «Исторіи Россійскаго государства» Карамзина, въ Москвѣ, на Красной площади, былъ воздвигнутъ памятникъ Минину и Пожарскому, гдѣ оба эти героя русской исторіи явились въ лже-классическомъ видѣ, одѣтыми по-академически. Спустя цѣлыхъ 20 лѣтъ, фальшивыя изображенія все-таки продолжали царствовать у насъ, и великою извѣстностью, даже славою, пользовались «Медальоны въ память военныхъ событій 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ», сочиненные и вылѣпленные графомъ Өед. Петр. Толстымъ, вице-президентомъ Академіи Художествъ, а между тѣмъ эти медальоны ничего другого не представляли, кромѣ каррикатурныхъ лже-классическихъ фигуръ, позъ и лже-русскихъ древнихъ вооруженій. Чего-нибудь дѣйствительно русскаго, современнаго, принадлежащаго XIX вѣку, не было и тѣни. На эти странныя искаженія никто не жаловался, и всѣ были довольны.

Однако же, въ первой половинѣ этого вѣка начали появляться у насъ люди, которымъ было дѣло до русской древности и дѣйствительности, и которые пробовали внести ее въ творенія русскаго искусства.

Первымъ прокладывателемъ дороги надо признать А. Н. Оленина, президента Ака-

демiи Художествъ и директора Императорской Публичной библiотеки. Впродолженiе своей жизни онъ всегда былъ посредственнымъ ученымъ (археологомъ) и столько же посредственнымъ художникомъ (рисовальщикомъ-граверомъ), но подъ конецъ жизни онъ напечаталъ небольшую брошюрку, которая есть лучшая его заслуга предъ нашей наукой и искусствомъ, и которая оставила значительный слѣдъ его знанiй и плодотворныхъ намѣренiй.

Императоръ Николай I любилъ искусство, покровительствовалъ ему и съ юношескихъ еще лѣтъ своихъ наполненъ былъ мыслью, что, для чести отечества, искусство должно быть въ Россiи—русскимъ. Вслѣдствiе того онъ постоянно задавалъ нашимъ архитекторамъ, живописцамъ, скульпторамъ заказы съ сюжетами нацiональными и требовалъ исполненiя ихъ въ формахъ нацiональныхъ, русскихъ. Въ числѣ такихъ заказовъ императоръ Николай въ 1832 году поручилъ молодому живописцу Басину, только что воротившемуся изъ Италiи и подававшему большiя надежды, написать большую картину: «Крещенiе Россiи». Оленинъ стоялъ въ то время какъ бы верховнымъ опекуномъ, совѣтчикомъ и вождемъ русскаго искусства, и потому Басинъ естественнымъ образомъ обратился къ нему за совѣтомъ. Оленинъ отвѣтилъ на его просьбу двумя, въ октябрѣ 1832 года, печатными письмами, съ приложенiемъ атласа рисунковъ.

Тотъ день и часъ, когда напечатались эти письма, должны считаться поворотнымъ пунктомъ въ дѣлѣ нарожденiя народности въ русскихъ историческихъ картинахъ и статуяхъ. «Письма» и «рисунки» Оленина должны считаться первою помощью и орудiемъ, а самъ Оленинъ—первымъ дѣятелемъ въ направленiи нашего художества на настоящiй путь. Это до сихъ поръ не было еще оцѣнено у насъ. Кажется, почти никто даже не знаетъ относящихся сюда фактовъ.

«Письма» Оленина къ Басину были озаглавлены такъ: «Опытъ объ одеждѣ, оружiи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенiя словянъ отъ времени Траяна и русскихъ до нашествiя татаръ». Тутъ же въ заглавiи было прибавлено, что эти письма—«опытъ къ составленiю полнаго курса исторiи, археологiи и этнографiи для питомцевъ С.-Петербургской Императорской Академiи Художествъ». До чего это было тогда нѣчто совершенно новое, никѣмъ еще не тронутое, и съ какимъ страхомъ и недовѣрiемъ къ собственнымъ силамъ и знанiямъ приступалъ къ этому дѣлу Оленинъ, высказано имъ во «вступленiи». Въ самомъ же началѣ Оленинъ говорилъ Басину: «Вы приготовляетесь, по волѣ государя императора, къ знаменитому и трудному дѣлу... Вы обязаны, какъ просвѣщенный художникъ, представить дѣйствующiя ваши лица *въ настоящемъ русскомъ старинномъ костюмѣ,* а потому вы желаете ихъ изобразить со всею возможною точностью и отчетомъ, основывая прилежныя о семъ предметѣ изслѣдованiя на вѣрныхъ, сколько возможно, свѣдѣнiяхъ—вотъ задача, на которую вы ожидаете моего рѣшенiя! Благодарю васъ за довѣренность... Дѣло полезное—робѣть не должно, можетъ быть и самое Провидѣнiе намъ поможетъ, открывая постепенно собственные памятники стариннаго нашего искусства...» (стр. 3—4).

Несмотря, однако же, на такiя твердыя и благочестивыя надежды, Оленинъ долженъ былъ въ первомъ же своемъ «письмѣ» признаться Басину и питомцамъ Академiи Художествъ, что «отъ самой отдаленной древности до X или XI вѣка по Р. Хр. не имѣется никакихъ положительныхъ памятниковъ искусства, которыми бы можно руководствоваться въ точномъ изображенiи словянскаго костюма. Древнѣйшiе авторы о словянахъ ни слова о томъ не говорятъ. Писатели среднихъ временъ, начиная съ императора

Маврикія въ VI вѣкѣ, и послѣдователь его, императоръ Левъ Премудрый въ IX вѣкѣ, оба, описывая подробно обычаи, оружіе и образъ воеванія словянъ и антовъ, ни слова, однако-жъ, не говорятъ о костюмѣ, т.-е. объ одѣяніи сихъ двухъ народовъ... По мнѣнію моему, одинъ только безцѣнный памятникъ искусства древнихъ римлянъ можетъ намъ служить источникомъ для одѣянія и вооруженія словянскихъ племенъ до IX вѣка. Сей памятникъ есть колонна императора Траяна, показывающая упорную его войну противъ даковъ, населявшихъ нынѣшніе: Банатъ, нѣкоторую часть Венгріи, Сербіи, Валахіи и Бессарабіи на Дунаѣ, именно тѣ области, въ которыхъ по сіе время живутъ смѣшанныя словянскія племена» (стр. 28)... Въ другомъ мѣстѣ перваго своего письма Оленинъ также говоритъ: «До IX вѣка трудно съ точностью опредѣлить характеристику костюма словянъ. Но, полагая съ бо́льшою вѣроятностью, что даки временъ Траяна принадлежали къ словянскимъ племенамъ, можно, въ случаѣ нужды, руководствоваться костюмомъ даковъ... Нынѣшняя одежда нѣкоторыхъ племенъ словянскихъ, подвластныхъ Австріи и живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были обитаемы даками, напоминаетъ и по сіе время о дакскомъ древнемъ костюмѣ» (стр. 7).

Итакъ, на основаніи этихъ словъ, мы узнаемъ, что мысль о славянахъ на Траяновой колоннѣ пришла Оленину на умъ непосредственно, безъ всякихъ чужихъ вліяній, безъ всякихъ предшествовавшихъ указаній со стороны русскихъ или иностранныхъ изслѣдователей. Конечно, еще ранѣе Оленина многіе европейскіе ученые писали о барельефахъ Траяновой колонны и о варварахъ, тамъ представленныхъ. Но они называли ихъ даками и сарматами, и не пускались ни въ какія дальнѣйшія соображенія о народностяхъ, къ которымъ могли принадлежать эти варвары. Оленинъ *первый* попробовалъ указать на то, что въ числѣ разнообразныхъ національностей, изображенныхъ на барельефахъ Траяновой колонны, должны быть и—славяне. Какъ уже выше упомянуто, это открытіе Оленина опубликовано въ 1832 году, когда не появлялось на свѣтъ еще даже и знаменитое изслѣдованіе Шафарика, положившее главную основу для изученія настоящаго быта славянъ: «Slowanske starožitnosti» («Славянскія древности»): оно было напечатано только въ 1837 году. Такимъ первенствомъ Оленинъ могъ бы гордиться. Онъ доказалъ здѣсь замѣчательную свою наблюдательность и способность извлекать новые полезные результаты изъ матеріаловъ, давно прежде извѣстныхъ и давно уже находившихся во всѣхъ рукахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли было ученыхъ въ Западной Европѣ, да даже и русскихъ, которые знали Траянову колонну, знали также внѣшность и одежду, какъ народовъ, обитающихъ нынче на мѣстностяхъ прежнихъ даковъ, главнымъ образомъ, внѣшность, одежду и внѣшнюю обстановку восточныхъ славянъ, и спеціально нашихъ соотечественниковъ, русскихъ,—но все-таки не приходили къ мысли о необходимости сравнивать другъ съ дружкой эти разнообразные элементы. Оленинъ почувствовалъ необходимость такого сравненія и оттого далъ нашему знанію значительный новый и важный матеріалъ.

Уже a priori можно было бы, кажется, предполагать, что вѣроятно присутствуетъ значительная доза славянскаго элемента среди народности и жизни даковъ. Даки были народъ ѳракійско-иллирійскаго племени, съ которымъ смѣшались, въ широкихъ размѣрахъ, славяне, и это было давно извѣстно, но ни къ какому дальнѣйшему соображенію очень долго не вело. Конечно, трудно, а можетъ быть, и невозможно, разобрать теперь съ полною отчетливостью, спустя почти 2.000 лѣтъ, что у даковъ осталось собственно ѳракійско-иллирійскаго въ жизни, и что именно прибавилось у нихъ славянскаго, а

позже, и римскаго, вслѣдствіе колонизаціи римлянъ, завоевавшихъ Дакію во II вѣкѣ по Р. Хр. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что элементъ славянскій входилъ въ составъ склада, натуры, всѣхъ условій жизни и обстановки даковъ. На основаніи трудовъ Шафарика, Дринова и др., Иречекъ говоритъ, что, по всей вѣроятности, «населеніе восточныхъ и сѣверныхъ пограничныхъ провинцій Дакіи состояло изъ славянъ...», и что существуютъ нѣкоторые слѣды, доказывающіе, что славяне жили въ Венгріи во времена господства римлянъ...», наконецъ, что «сохранившіеся остатки дакійскаго языка заставляютъ думать, что этотъ могущественный народъ принадлежалъ къ ѳракійскому племени» [1]). О томъ же свидѣтельствуетъ многое на томъ несравненномъ, по своей исторической важности, совершенно единственномъ памятникѣ, который уцѣлѣлъ до нашихъ дней. Этотъ памятникъ — Траянова колонна, представляющая на своихъ барельефахъ множество сценъ изъ войнъ императора Траяна съ даками. Здѣсь, въ числѣ разнообразныхъ племенъ, воевавшихъ во II вѣкѣ по Р. Хр., вмѣстѣ съ даками, противъ римлянъ, можно много разъ замѣтить массу людей, имѣющихъ въ костюмѣ и вообще во внѣшности своей не мало общаго съ чѣмъ-то славянскимъ и даже русскимъ. Это и было впервые замѣчено Оленинымъ. Онъ не только указалъ въ текстѣ своего перваго «письма» значеніе для нашей отечественной науки барельефовъ Траяновой колонны, но въ атласѣ, сопровождавшемъ его трактатъ, помѣстилъ, для сравненія, «нѣсколько костюмовъ славянскихъ племенъ во владѣніяхъ австрійскихъ, а также въ нашей Бѣлоруссіи и Великороссіи, какъ-то: подъ литерами G и H — крестьянинъ и крестьянка изъ Германштадта, I — бѣлорусцы, K — крестьянки Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда, L и M - русняки: крестьянка изъ Мармаросскаго Палатината, а наконецъ венгерецъ, лит. N. Ихъ костюмы напоминаютъ и по сіе время костюмъ Траяновой колонны...»

Сначала указанія Оленина никому не пошли впрокъ, ни русскимъ, ни иностранцамъ (съ важными открытіями нерѣдко такъ бываетъ!). Во многихъ историческихъ, этнографическихъ и костюмныхъ сочиненіяхъ продолжали говорить о «дакахъ», «сарматахъ» и другихъ «варварахъ» Траяновой колонны, и ни единымъ словомъ не поминали о славянахъ. Оленинъ точно ничего ровно не открывалъ!

Лишь 50 лѣтъ послѣ Оленина нашелся у насъ человѣкъ, который повторилъ догадки Оленина и прибавилъ къ нимъ не мало своихъ. Это былъ В. А. Прохоровъ, человѣкъ почти вовсе не научный и даже мало образованный, а потому у насъ вовсе не замѣченный, но обладавшій тонкимъ археологическимъ и этнографическимъ чутьемъ. Его сочиненіе: «Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной» (1881), заключаетъ, правда, не мало погрѣшностей, заблужденій и ошибокъ, но тутъ же рядомъ содержитъ много очень важныхъ археологическо-этнографическихъ соображеній, указаній и замѣтокъ. Онъ обращаетъ здѣсь вниманіе читателя на то, что среди народовъ, изображенныхъ на Траяновой колоннѣ, преобладаютъ подробности одежды сходныя или тожественныя съ русскими, «которыя повторяются на нашихъ, болѣе позднихъ памятникахъ. На нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ надѣты валеныя шапки или колпаки, которые у насъ до сихъ поръ еще носятъ преимущественно юго-западные руссы; иные изъ нихъ въ легкихъ колпакахъ, вродѣ фригійскихъ или скиѳскихъ, а иные на подобіе завязанныхъ на головѣ платковъ, а другіе съ открытой головой, остриженные въ скобку, какъ у насъ въ Россіи. Подобные колпаки мы видимъ на миніатюрахъ на-

[1]) *Иречекъ*, Исторія Болгаръ, Одесса, 1878, стран. 92—93

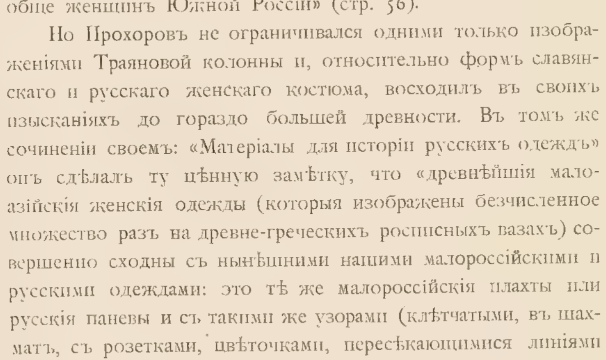
нихъ древнихъ рукописей. На фрескахъ Старо-Ладожской крѣпости и лѣстницы Кіево-Софійскаго собора изображены русскіе въ подобныхъ колпакахъ и рубашкахъ... Рубашки у однихъ съ короткими, выше локтя, или длинными и узкими рукавами... Обувь составляютъ кожаные постолы, у которыхъ спереди разрѣзы сдернуты ремешкомъ... Такіе постолы и до сихъ поръ носятъ у насъ въ юго-западной Руси, также и въ другихъ мѣстахъ. У нѣкоторыхъ фигуръ на головѣ видна повязка въ родѣ ремня...» (стр. 54—55).

Къ этимъ печатнымъ замѣткамъ В. А. Прохоровъ прибавлялъ еще въ своихъ устныхъ бесѣдахъ со мною о древне-русскомъ костюмѣ (очень мнѣ памятныхъ и по многому глубоко мною цѣнимыхъ) то соображеніе, что на кафтанахъ нѣкоторыхъ фигуръ Траяновой колонны представлены даже иногда частые и мелкіе сборы сзади, какъ на зипунахъ русскаго простонародья и въ наше время (см. нашъ рисунокъ № 1).

Относительно женской одежды Прохоровъ замѣчалъ, что на барельефахъ Траяновой колонны она «состоитъ изъ двухъ частей: нижней (рубашки) и верхней, которая короче нижней и спереди вздернута узломъ къ поясу. Головной уборъ, состоящій изъ

1. Славяне въ Дакіи. Троянова колонна.

повязанныхъ платковъ, а задняя часть ихъ спадаетъ до плечъ, напоминаетъ нынѣшніе головные уборы малороссіянокъ и вообще женщинъ Южной Россіи» (стр. 56).

Но Прохоровъ не ограничивался одними только изображеніями Траяновой колонны и, относительно формъ славянскаго и русскаго женскаго костюма, восходилъ въ своихъ изысканіяхъ до гораздо большей древности. Въ томъ же сочиненіи своемъ: «Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ» онъ сдѣлалъ ту цѣнную замѣтку, что «древнѣйшія малоазійскія женскія одежды (которыя изображены безчисленное множество разъ на древне-греческихъ росписныхъ вазахъ) совершенно сходны съ нынѣшними нашими малороссійскими и русскими одеждами: это тѣ же малороссійскія плахты или русскія паневы и съ такими же узорами (клѣтчатыми, въ шахматъ, съ розетками, цвѣточками, пересѣкающимися линіями и т. д. внутри). Такое же сходство или общій характеръ мы находимъ и въ другихъ одеждахъ и украшеніяхъ какъ женскихъ, такъ и мужскихъ. Таковы вытисненныя, или выбивныя (басьменныя) и гравированныя металлическія пластинки, или, какъ у насъ называются, дробницы... Въ числѣ недавнихъ троянскихъ раскопокъ Шлимана находятся многіе предметы, преимущественно украшенія, относящіяся къ женскимъ нарядамъ, и головные золотые уборы: они совершенно сходны съ уборами скиѳскими, и въ особенности съ открытыми въ русскихъ языческихъ могилахъ или курганахъ, и съ уборами русскихъ женщинъ періода уже христіанскаго, даже до конца XVII вѣка...» Эти соображенія Прохоровъ подкрѣплялъ несомнѣнными доказательствами—многочисленными рисунками на таблицахъ, приложенныхъ къ его тексту.

Но, несмотря на всю справедливость и важность открытій Оленина и Прохорова, ихъ голосъ остался голосомъ въ пустынѣ для нашего отечества, и не нашлось до сихъ поръ у насъ никого, кто продолжалъ бы изслѣдованіе древнѣйшей поры славянской и русской жизни и жизненной обстановки, на основаніи барельефовъ Траяновой колонны и другихъ памятниковъ древности. Въ западно-европейской наукѣ есть, правда, намекъ на возможность искать нѣчто славянское въ изображеніяхъ собственно Трая-

вой колонны: это именно въ «Kostümkunde» Вейса. Въ I-мъ томѣ этого сочиненія, трактующемъ о варварахъ, населявшихъ Европу въ первые годы нашей эры (и напечатанномъ въ 1864 году), сказано, что среди разнообразныхъ народностей, изображенныхъ на Траяновой колоннѣ, «*можетъ быть*» есть также и славяне, вслѣдствіе смѣшенія сарматовъ со славянами и заимствованій этими послѣдними разныхъ подробностей жизни у первыхъ...», и что, во всякомъ случаѣ, есть основаніе предполагать, что нѣкоторыя фигуры Траяновой колонны могутъ служить примѣрами костюма «западныхъ славянъ» [1]). Но на это нельзя не замѣтить, что тутъ, во-первыхъ, говорится: «*можетъ быть*»; во-вторыхъ, говорится только о «*западныхъ славянахъ*» и нѣтъ ни единаго слова о прочихъ славянахъ. При томъ же всѣ указанія такъ слабы и такъ нерѣшительны, до того лишены всякихъ вещевыхъ доказательствъ, что могутъ значить еще слишкомъ мало при научномъ разсмотрѣніи. Притомъ, хотя здѣсь нѣтъ никакой ссылки на Оленина, но, кажется, можно съ большимъ вѣроятіемъ утверждать, что мысль Оленина была не-безъизвѣстна Вейсу: его I-й томъ явился въ печати черезъ 28 лѣтъ послѣ брошюры Оленина, и въ этомъ интервалѣ не появлялось, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, ни одного сочиненія, гдѣ разсматривался бы, на основаніи документовъ, вопросъ о внѣшности, костюмѣ и вооруженіи древнѣйшихъ славянскихъ племенъ. — Мысли Прохорова объ этомъ предметѣ еще менѣе стали извѣстны въ Россіи и Европѣ. Такъ все это дѣло и осталось по настоящее время.

Но сколько ни были справедливы въ прежнее время, и сколько ни казались бы теперь плодотворными для будущаго времени указанія и соображенія Оленина и Прохорова, все-таки приходится замѣтить, что при извлеченіи изъ барельефовъ Траяновой колонны свѣдѣній о славянахъ, надо быть очень осторожнымъ и не преувеличивать значенія и размѣровъ даннаго матеріала. Между даками и славянами существовали въ самомъ корнѣ такія различія, которыя не позволяютъ смѣшивать одно племя съ другимъ и подставлять одно за другое.

Страна древнихъ даковъ была по преимуществу страна степей и горъ [2]), и этимъ условливалась вся жизнь ихъ. Даки были народъ не земледѣльческій, а пастушескій. Главное богатство ихъ составляли громадныя стада буйволовъ и барановъ: когда приближался непріятель, ихъ поспѣшно прятали въ пещерахъ или крѣпостцахъ. Питались даки молокомъ, сыромъ и медомъ; мясо было запрещено религіей ихъ, вино — также, и однажды, по приказанію правителей, всѣ виноградныя лозы были вырваны изъ земли и истреблены. Даки знали очень много лѣчебныхъ растеній — ихъ названія остались въ обломкахъ ихъ языка. Всего этого у славянъ мы не встрѣчаемъ.

Что касается до антропологическаго типа, то Фрёнеръ, авторъ знаменитаго и лучшаго сочиненія о Траяновой колоннѣ [3]), замѣчаетъ, что типъ даковъ — типъ настолько

[1]) *Weiss*, Kostümkunde, B. II, 1864. S. 318, 319.

[2]) *Плиній*, Panegyricum, гл. XVI; *Fröhner*, La colonne Trajane, Paris, 1874, вступленіе, стр. V.

[3]) Французы сдѣлали болѣе всѣхъ другихъ націй для изученія и ближайшаго знакомства съ Траяновой колонной. Между тѣмъ, какъ итальянцы, такъ сказать, *собственники* этого великолѣпнаго памятника древности, удовольствовались срисовываніемъ на глазъ, т.-е. дѣломъ довольно ненадежнымъ при громадности размѣровъ памятника, а потомъ — награвированіемъ и изданіемъ его въ свѣтъ, французы еще съ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV, стали озабочиваться тѣмъ, чтобъ получить точное и несомнѣнно вѣрное его воспроизведеніе. Наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ или неудачныхъ усилій, вся Траянова колонна, по желанію Наполеона III, была снята въ слѣпкахъ въ 1861—1862 годахъ, а потомъ съ этихъ слѣпковъ воспроизведена въ вѣрнѣйшихъ фототипіяхъ и издана въ 1874 г. съ превосходнымъ текстомъ Фрёнера, хранителя скульптурнаго отдѣленія Луврскаго музея въ Парижѣ.

странный, что можетъ показаться «преувеличеннымъ» въ барельефахъ римскихъ скульпторовъ. Однако же, онъ существуетъ даже и понынѣ, во всей своей чистотѣ, среди мужиковъ придунайскихъ областей. «Ихъ черные длинные волосы,—говоритъ итальянскій изслѣдователь Убичини,—спускающіеся до середины лба, ихъ густыя брови дугой могучій складъ тѣла напоминаютъ скульптуры Траяновой колонны». Плиній говоритъ даже, что даки татуировали себя. Въ музеѣ Эрмитажа въ С.-Петербургѣ находятся три мраморныя головы даковъ, еще въ XV вѣкѣ срубленныя съ Траяновой колонны, тайкомъ, ночью, по приказанію Лоренцо Медичи, и впослѣдствіи попавшія въ коллекцію Кампана, пріобрѣтенную Россіей. Эти головы не заключаютъ въ себѣ ничего славянскаго. Ихъ дикій обликъ и свирѣпый складъ не имѣютъ ничего общаго со славянскимъ типомъ, бѣлокурымъ, добродушнымъ и наивнымъ, начиная съ древнѣйшихъ изображеній. Славяне никогда не носили шерстяныхъ колпаковъ, загнутыхъ впередъ на манеръ колпаковъ фригійскихъ. Даки были народъ конный, какъ показываютъ трояновскіе барельефы, славяне были народъ пѣшій. Оружіе даковъ было разнообразно и вмѣстѣ съ прямыми мечами и ножами у нихъ были также ножи кривые, изогнутые, какъ серпъ—такихъ у славянъ никогда не бывало. У даковъ были въ употребленіи короткіе верхніе плащи, застегнутые на плечѣ аграфомъ; они носили также шкуры звѣриныя, повѣшенныя за плечами, въ накидку—ни того, ни другого, ни третьяго не было у славянъ. Свои тулупы они носили въ рукава; епанчи или корзны не были въ употребленіи у народа, а только у князей и аристократическихъ личностей, у высшаго класса, какъ чужестранное заимствованіе (объ этомъ будетъ еще говорено ниже), а потому въ числѣ собственно народныхъ славянскихъ древностей никогда не встрѣчается ни аграфовъ, ни фибулъ для плеча.

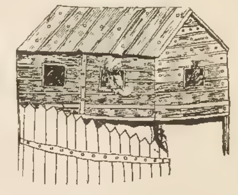
На Траяновой колоннѣ представлено, кромѣ даковъ и славянъ, также нѣсколько другихъ народностей: однѣ изъ нихъ отличаются прической, совершенно особенной и состоящей изъ длинныхъ локоновъ, лежащихъ вертикально сверху внизъ по всей головѣ [1]): это всадники, босоногіе, нагіе и безъ всякой другой одежды, кромѣ короткой рубахи, подпоясанной у таліи и застегнутой на правомъ плечѣ аграфомъ; люди другой какой-то народности, напротивъ, одѣты съ головы до ногъ [2]): они тоже конники, на головѣ у нихъ приплюснутые маленькіе шлемы, а все тѣло отъ верху и до низу покрыто чешуйными латами въ обтяжку, такъ точно, какъ и кони ихъ покрыты отъ макушки и до копытъ, чешуйчатыми же латами въ обтяжку. Какъ прозывались и та и другая народности—неизвѣстно, и лишь про вторую представляютъ предположеніе, что въ нихъ изображено племя сарматовъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти народности не имѣютъ ничего общаго ни съ даками, ни со славянами.

Существуетъ громадная разница между жилищами даковъ и жилищами славянъ, представленными на Траяновой колоннѣ. Правда, и у тѣхъ, и у другихъ главную роль играетъ, собственно въ народныхъ постройкахъ—дерево. Но при этомъ являются и свои особенности и различія. Въ доисторическія времена даки жили въ пещерахъ [3]). Но Дакія обиловала громадными лѣсами, особливо на горахъ: вспомнимъ, что даже и въ настоящее время на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ, въ теченіе цѣлой второй половины XIX вѣка, Трансильванія представляла такую громадную массу лѣсного матеріала

[1]) *Fröhner*, pl. 86, 87.
[2]) Ibid., pl. 62.
[3]) *Тацитъ*, Анналы, кн. IV; *Fröhner*, вступленіе, стр. VI.

и стволы деревьевъ, бревна, такого огромнаго, крупнаго разбора, съ которымъ могли равняться только изумительные лѣсные продукты Сибири, Австраліи и другихъ подобныхъ же, издавна знаменитыхъ лѣсистыхъ мѣстностей. Поэтому понятно, что народныя жилища должны были строиться преимущественно изъ дерева. Во время римскаго нашествія на множествѣ пунктовъ Дакіи были настроены, для военныхъ цѣлей, небольшія каменныя зданія, нѣчто въ родѣ блокгаузовъ, сложенныя изъ правильно обтесанныхъ камней и обнесенныя тыномъ (нашъ рисунокъ № 2) [1], но это были постройки чужія, постройки пришлыхъ враговъ. Свои же, дакійскія и прочія постройки, были деревянныя, и ихъ-то часто зажигали во время войны римляне: это мы видимъ на многихъ барельефахъ Траяновой колонны (нашъ рисунокъ № 3) [2]. Это были не мазанки, какъ наши малороссійскія хаты, а постройки изъ неприкрытаго ничѣмъ дерева, какъ мы это узнаемъ по гвоздямъ на изображенныхъ здѣсь повсюду стѣнахъ и кровляхъ. Этимъ дакійскія и дакійско-славянскія постройки родственны нашимъ собственно великорусскимъ избамъ, въ свою очередь, имѣющимъ наибольшее сродство съ древнимъ германскимъ домомъ и съ избами финнскими [3]. У разныхъ же другихъ славянскихъ племенъ, юго-западныхъ, болгаръ, боснійцевъ, точно такъ же, какъ у нашихъ малороссовъ, существуютъ совершенно особеннаго типа жилища, а именно: мазанки, т.-е. постройки, имѣющія основу деревянную, составленную изъ мелкаго лѣса, густо обмазаннаго потомъ, послѣ возведенія постройки, глиной и известью, и съ соломенною или камышевою крышею вверху [4]. У сербовъ были, повидимому, народныя жилища, издревле, все только—деревянныя. Такими они сохранились и по сей день [5]. У герцеговинцевъ все изъ камня [6].

2. Каменныя крѣпостцы римлянъ въ Дакіи. Траянова колонна.

3. Деревянныя избы славянъ въ Дакіи. Траянова колонна.

Но при всемъ сходствѣ дакійскихъ построекъ со славянскими все-таки существуетъ между тѣми и другими также и значительная разница. Если далеко не всѣ, то очень многія изъ дакійскихъ построекъ являются постройками «свайными», такими, которыя стоятъ не прямо на землѣ, а на высокихъ деревянныхъ подпоркахъ надъ водою (нашъ рисунокъ № 3) [7]. Еще Геродотъ разсказывалъ, правда, про подобныя постройки на Балканскомъ полуостровѣ, среди славянъ [8], но это исключенія: внѣ этого полуострова, у прочихъ славянъ такихъ построекъ не было.

---

[1]) *Fröhner*, pl. 27.

[2]) *Fröhner*, pl. 27, 28, 29, 30, 31, 69, 81.

[3]) *Генъ*, Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грецію и Италію. Спб., 1872, стран. 60—63; *Heikel*, Die Gebäude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen, Helsingfors, 1888, S. 63, 107—131. 327—332.

[4]) *Д. Мариновъ*, Градивъ за веществ. култура на Зап. България. Въ „Сборникѣ за нар. умотв. наука" и проч: София, 1901, стр. 16—19. *Asboth*, Bosnien und Herzegowina, Wien, 1888, S. 222—4

[5]) *Проф. В. Каричъ*, Србија, Бѣлградъ, 1887. Здѣсь, на стран. 135-й изображена „Куча" (домъ) князя Милоша въ Чернучѣ, по фотографіи, а на стран. 139-й—„Сельская изба" въ королевствѣ Сербскомъ

[6]) *Гильфердингъ*, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, С.П.Б., 1859, стр. 26, 27, 132.

[7]) *Fröhner*, pl. 50, 79.

[8]) Геродотъ, книга V, 16; Иречекъ, стр. 74—75. Можно полагать, что и болгарскій царскій дворецъ на Преспанскомъ озерѣ, сожженый въ XI-мъ вѣкѣ, наемниками франками, по приказанію византійцевъ (*Иречекъ*, стр. 274), былъ также деревянный на сваяхъ.

II.

Первыми, несомнѣнными и вполнѣ удовлетворительными изображеніями древнихъ славянъ должно признать фигуры двухъ болгаръ, находящіяся въ знаменитомъ «Менологіи» (Четьи-Минеѣ), хранящемся въ Ватиканской библіотекѣ, въ Римѣ.

Рукопись эта, одна изъ великолѣпнѣйшихъ по роскоши исполненія и совершеннѣйшихъ, тончайшихъ по художественности, была написана и иллюстрирована рисунками по повелѣнію византійскаго императора Василія II (975—1025), т.-е. принадлежитъ концу X-го или началу XI-го вѣка.

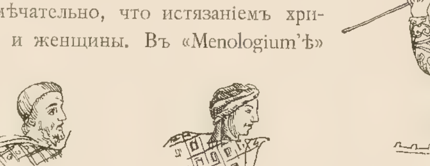
Здѣсь, на одной изъ 430 миніатюръ, изображающихъ древне-христіанскихъ мучениковъ, на 345 листѣ II-й части, представлена казнь священномучениковъ: Мануила, Георгія, Петра, Леонтія, Сіонія, Гавріила, Сисоя, Іоанна, Леонта и Парода и прочихъ, числомъ 377 [1]). Это произошло 22-го января 814 года. Болгарскій князь Крумъ, за годъ передъ тѣмъ, въ 813 году, придя со своимъ войскомъ въ Ѳракію, взялъ въ плѣнъ въ городѣ Адріанополѣ множество славянъ, которые и были всѣ казнены его военачальникомъ Цокомъ (Муртагономъ). На картинкѣ «Менологія» казнь совершаютъ три человѣка, изъ нихъ двое въ характерномъ болгарскомъ костюмѣ, какого болѣе не встрѣчается ни на одной изъ всѣхъ остальныхъ картинокъ «Минеи», такъ какъ тамъ нѣтъ ни единой другой сцены мучительства, совершенной болгарами.

Мудрено рѣшить теперь, кто именно производитъ казнь на настоящей картинкѣ: болгаре-ли профессіональные палачи, или болгаре, простые воины изъ отряда Муртагона. Прямыхъ доказательствъ ни того, ни другого нѣтъ на лицо. Но представленные на картинкѣ мучители и убійцы не имѣютъ, въ своей внѣшней обстановкѣ, ничего исключительно военнаго: на нихъ не видно ни шлемовъ, ни латъ или кольчугъ, ни какого бы то ни было военнаго убранства и подробностей; они просто являются въ общемъ національномъ своемъ костюмѣ, какъ безчисленные разнородные и разнонародные палачи всѣхъ миніатюръ «Минеи», каждый въ своемъ національномъ костюмѣ. «Менологій» императора Василія II можно, въ нѣкоторомъ родѣ, назвать иллюстрированной исторіей палачества. Палачи, ихъ безчисленные способы и орудія истязаній, ихъ изысканныя средства преданія человѣческихъ личностей смерти представляютъ

---

1) Menologium, Urbino, 1727, pars secunda, folio 345.—Мѣсяцесловъ православной каѳолической церкви. *Ив. Косолапова*, Симбирскъ, 1880, стр. 49.

какую-то изумительную по своему разнообразію галлерею ужасовъ. Но исполнители казней (къ удивленію, въ большинствѣ случаевъ все люди очень молодые, безъ бороды и усовъ) также очень разнообразны въ «Менологіи» по своимъ народностямъ: большинство ихъ носятъ общій классическо-византійскій костюмъ, голова у нихъ ничѣмъ не покрыта, на тѣлѣ короткая туника или рубашка, опоясанная кушачкомъ или тесьмой, на ногахъ сандаліи или башмаки, съ перекрещающимися по ногѣ ремнями; остальные всѣ принадлежатъ разнымъ восточнымъ національностямъ, и главное отличіе у нихъ отъ прочихъ личностей то, что у нихъ всегда голова покрыта—на ней надѣта тебетейка или ермолка, иногда платокъ съ концами, на тѣлѣ—туника изъ пестрой узорчатой матеріи (вродѣ ситца или набойки), на ногахъ—штаны изъ подобной же узорчатой пестрой матеріи, на ногахъ—башмаки или сапоги. Такимъ образомъ, мы въ «Менологіи» встрѣчаемъ, въ числѣ истязателей и убійцъ, личности изъ армянъ (нашъ рисунокъ 4, «Menologium», I, стр. 177), изъ жителей Александріи (нашъ рисунокъ 5, «Menologium», I, стр. 90), изъ евреевъ (нашъ рисунокъ 6, «Menologium», II, стр. 58), изъ мавританцевъ «Menologium», II, стр. 41), изъ жителей Синайской горы «Menologium», II, стр. 102, 103 и 104). Замѣчательно, что истязаніемъ христіанъ занимались иногда и женщины. Въ «Menologium'ѣ»

4. Палачъ армянскій. 5. Палачъ александрійскій. 6. Палачъ еврейскій. 7. Женщина-истязательница.

повѣствуется о томъ, какъ непобѣдимую, твердую духомъ христіанку Агаѳоклею, цѣлыхъ 8 лѣтъ терзала и мучила ея госпожа, христіанская ренегатка Паулина и наконецъ выколола ей глаза, а потомъ до смерти заколола раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ («Menologium», I, стр. 46, нашъ рисунокъ 7). Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болгарской исторіи мы встрѣчаемъ точное указаніе, что такія-то или такія-то личности были истязаемы или казнены спеціальными «палачами». Такъ, напр., извѣстно, что болгарскій бояринъ Войтѣхъ умеръ въ 1073 году подъ ударами бичей «византійскихъ палачей» [1]); что Чоки, сынъ хана Ногая (полководца владѣтелей Золотой Орды), былъ въ 1295 году неожиданно схваченъ въ Константинополѣ, брошенъ въ темницу и тамъ задушенъ «еврейскими палачами» [2]). При такой спеціализаціи, дозволительно, мнѣ кажется, предположеніе, что и у болгарскаго князя Крума, совершенно еще азіата, были въ обычномъ обиходѣ болгарскіе палачи, подобные палачамъ всѣхъ вообще восточныхъ владыкъ издревле. Вслѣдствіе всего этого, можно, повидимому, допустить предположеніе, что и болгаре, истязавшіе и умертвившіе въ Адріанополѣ, въ 814 году,

[1]) *Иречекъ*. Исторія болгарскаго народа, 18, стр. 273.

[2]) Тамъ же, стр. 375. Необходимо припомнить, что въ теченіе среднихъ вѣковъ евреи были многочисленны въ Болгаріи. Въ XIV вѣкѣ царь Александръ, очарованный красотою одной молодой еврейки, развелся съ женой своей Ѳеодорой, дочерью валашскаго князя, и женился на этой еврейкѣ, получившей также въ крещеніи имя Ѳеодоры. Она исповѣдывала чистую вѣру, построила много церквей и одинъ монастырь, но евреи въ Болгаріи, полагаясь на ея покровительство, становились невыносимы для вѣрующихъ, насмѣхались надъ христіанами и желали подражать болярамъ (*Иречекъ*, стр. 409).

377 мучениковъ-славянъ и изображенные на 345 страницѣ «Менологія», были болгаре-палачи.

Конечно, очень печально приходить къ убѣжденію, что древнѣйшее представленіе болгаръ мы встрѣчаемъ на картинкѣ, изображающей двухъ болгаръ, убійцъ цѣлой массы славянъ. Но сожалѣнія тутъ напрасны. Печалиться о внутреннихъ междоусобіяхъ и взаимныхъ жестокостяхъ славянскихъ племенъ на этомъ пунктѣ исторіи не приходится. Можно развѣ только замѣтить, что у древнихъ славянъ слова «палачъ» первоначально не существовало. Оно у нихъ происхожденія византійскаго, отъ глагола παλάσσειν (plectere), и уже отсюда произошли, по всей вѣроятности, старо-славянскіе «пал-ич-ьн (-ик-ъ) (lictor) и palіciti (бить плетью) [1]).

Но, что всего важнѣе для насъ въ настоящемъ костюмномъ вопросѣ, болгары древнихъ историческихъ текстовъ (въ томъ числѣ и «Менологія» Василія II), и болгары картинокъ того же самаго «Менологія»—это двѣ совершенно разныя вещи. Первые болгары принадлежали одному племени, вторые—другому.

Болгары историческихъ текстовъ являются представителями той группы монголоидной народности, которая носила имя болгаръ и, начиная съ VI вѣка, двинулась съ Волги на юго-западъ и силою водворилась на Балканскомъ полуостровѣ среди ѳракійскихъ и славянскихъ племенъ. Князь Крумъ былъ впослѣдствіи, во главѣ дикаго войска, однимъ изъ владыкъ того же волжскаго племени, свирѣпствовавшаго на чужбинѣ. Онъ преслѣдовалъ и избивалъ жителей Балканскаго полуострова, во-первыхъ, какъ своихъ враговъ вообще, насельниковъ богатой области, которою слѣдовало овладѣть, а во-вторыхъ—какъ христіанъ. Такимъ образомъ, бо́льшую массу славянъ казнили въ IX вѣкѣ, близь Адріанополя, не болгаре-славяне, а болгаре-волжскіе, монголоиды. Авторамъ «Менологія» требовалось изобразить въ своихъ иллюстраціяхъ именно этихъ послѣднихъ болгаръ и ихъ свирѣпства, но они, повидимому, этого не могли и не умѣли, у нихъ не было для того достаточныхъ матеріаловъ, и они изображали не *древнихъ* болгаръ, въ томъ видѣ и обликѣ, какой имъ принадлежалъ въ первыя времена послѣ пришествія ихъ съ Волги, а, такъ сказать, *новыхъ* болгаръ, тѣхъ, какіе существовали въ X или даже XI вѣкѣ. Иллюстраторовъ «Менологія» было нѣсколько человѣкъ—цѣлыхъ 8 [2]). Они были всѣ византійцы, конечно монахи или священники, и имѣли передъ глазами многія и различныя письменныя свѣдѣнія, но не могли, по всей вѣроятности, имѣть никакихъ свѣдѣній рисованныхъ: кто же могъ въ Византійской имперіи, съ VII по IX и X вѣка, заботиться объ этнографическомъ воспроизведеніи дикарей-враговъ, особливо во времена иконоборства, упорно противившагося дѣятельности искусства? Съ другой стороны, тѣмъ менѣе могъ кто-либо изъ среды самихъ дикарей заниматься графическими изображеніями своихъ соплеменниковъ. Такимъ образомъ, естественно то, что византійскіе рисовальщики X и XI вѣка вынуждены были давать въ своихъ рисункахъ только то, что́ имъ было доступно и что́ у нихъ передъ глазами было современнаго, существовавшаго вокругъ нихъ въ живой дѣйствительности.

По старымъ преданіямъ, древніе болгары одѣвались «по-аварски» [3]). Какой былъ костюмъ аваровъ—того вовсе неизвѣстно. Но про древнѣйшихъ болгаръ мы знаемъ,

[1]) *Горяевъ*, Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка. Тифлисъ. 1896. Слово: „палачъ".

[2]) Панталеонъ, Михаилъ влахернскій, Георгій, Симеонъ, Михаилъ Малый, Мина, Несторъ, Симеонъ влахернскій.

[3]) *Иречекъ*, стр. 162.

что ихъ мужчины и женщины носили широкія шаровары, женщины закрывали лицо чадрами, мужчины брили голову и носили на головѣ тюрбаны, которыхъ никогда не снимали, даже въ своихъ языческихъ храмахъ [1]). Все это были подробности костюма чисто-монголоидныя, монголо-тюркскія. Но византійскіе рисовальщики, повидимому, ихъ не знали и изображали болгаръ совсѣмъ иначе. На картинкѣ «Менологія» X вѣка, болгары представлены съ головами не только не бритыми, но покрытыми густыми волосами; на головѣ у иныхъ мѣховая шапка, у другихъ голова вовсе ничѣмъ не покрыта; шаровары у нихъ длинныя, но узкія. Такимъ образомъ, все здѣсь иное, чѣмъ «по-аварски». И это потому, что болгары, пришельцы съ Волги, дикіе кочевники и язычники, испытали на Балканскомъ полуостровѣ совершенный переворотъ во всѣхъ коренныхъ элементахъ своего бытія, склада, внѣшняго образа, вида и жизни. Въ новомъ своемъ отечествѣ они были, такъ сказать, затоплены славянами, которые жили тамъ прежде ихъ прихода и настолько были могучи національными своими силами, что болгары распустились среди нихъ, какъ глыба соли или льда въ водѣ. И ихъ прежній языкъ, и всѣ условія жизни ослабли и стушевались, оставивъ по себѣ лишь слабые слѣды. Кончилась кочевая жизнь, началась осѣдлая: исчезли кибитки, образовались дома, деревни, потомъ города, принята была христіанская вѣра, измѣнился самый антропологическій складъ болгарина, его внѣшность, физіономія. Монгольско-тюркскій типъ и физіономія уцѣлѣли до нѣкоторой степени,—впрочемъ, въ очень ослабленномъ видѣ, лишь въ болгарскихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, наиболѣе близкихъ къ Дунаю; въ мѣстностяхъ болѣе южныхъ, типъ и обликъ славянскій все значительнѣе преобладаютъ, по мѣрѣ удаленія отъ Дуная на югъ. Такимъ образомъ, въ числѣ всѣхъ другихъ, своеобразно сложившихся новыхъ жизненныхъ результатовъ, измѣнился и костюмъ болгарскій, и во времена X и послѣдующихъ вѣковъ представляетъ формы, уже далекія отъ первоначальнаго болгарскаго костюма, того, что былъ схожъ съ «аварскимъ». Исчезли тюрбаны мужчинъ, чадры женщинъ, исчезли широкія шаровары мужчинъ, исчезли вообще шаровары женщинъ (неизвѣстныя въ славянскомъ мірѣ, кромѣ позднихъ заимствованій отъ турковъ-османовъ XV вѣка), исчезло бритье головъ мужчинъ. Ново-болгарскій костюмъ былъ, такимъ образомъ, очень отличенъ отъ старо-болгарскаго, но также и отъ костюма сосѣдняго народа, византійскаго, въ такой степени, что изъ-за него случались даже трагическія ошибки. Въ 978 году сыновья болгарскаго царя Петра бѣжали изъ Константинополя, гдѣ содержались плѣнниками. У горнаго прохода, ведущаго въ Болгарію (близъ Траяновыхъ воротъ), старшій сынъ царскій, Борисъ, былъ убитъ, стрѣлой, встрѣтившимися болгарами, которые, «ради ихъ греческой одежды, приняли ихъ за грековъ. Другой братъ, Романъ, закричалъ имъ, кто онъ такой, болгары его приняли радушно и привели къ царю Самуилу» [2]). Можно указать здѣсь также на разсказы Льва-Діакона, Кедрина, Зонары о томъ, что византійскій императоръ Цимисхій велѣлъ своему войску провести зиму съ 970 на 971 годъ въ Адріанополѣ, и посылать оттуда въ непріятельскую землю лазутчиковъ, «одѣтыхъ въ болгарское платье и говорящихъ словенскимъ языкомъ» [3]).

Но при всемъ измѣненіи самыхъ коренныхъ формъ болгарскаго костюма, ставшаго изъ чисто-болгарскаго—болгаро-славянскимъ, въ этомъ послѣднемъ осталась извѣстная

[1]) *Иречекъ*, стр. 161.

[2]) *Иречекъ*, стр. 249.

[3]) *Чертковъ*, Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ болгаръ и грековъ. М. 1843, стр. 288.

доля подробностей монголоидныхъ, принесенныхъ первоначальными болгарами изъ ихъ древнихъ обиталищъ на Волгѣ, и эти подробности слѣдуетъ различить и обозначить.

Изъ числа трехъ палачей, изображенныхъ на картинкѣ «Менологія» Василія II, только два имѣютъ спеціально-болгарскій видъ, третій мало виденъ и, кажется, ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ другихъ византійскихъ палачей «Менологія». Изъ двухъ же собственно болгарскихъ палачей, одинъ представленъ въ зимнемъ костюмѣ, другой — въ лѣтнемъ. Тотъ, который носитъ зимній костюмъ (рисунокъ № 8), одѣтъ въ мѣховой короткій кафтанъ, національный славянскій «кожухъ», носимый по голому тѣлу (даже и до настоящаго времени въ Малороссіи). Онъ сдѣланъ изъ черной, вѣроятно овечьей, шерсти, выказывающейся на воротникѣ, на краяхъ рукавовъ и изъ-подъ подола; наружу кожухъ желтоватый, какъ настоящая кожа. На головѣ у этого человѣка шапка, съ матерчатымъ цвѣтнымъ верхомъ, черная мѣховая, вѣроятно также изъ овечьей шерсти. Такія шапки встрѣчаются на безчисленныхъ изображеніяхъ какъ славянъ вообще, такъ и русскихъ людей, въ особенности отъ XI вѣка (времени древнѣйшихъ русскихъ миніатюръ и фресокъ) и до начала XVIII вѣка; въ употребленіи такія шапки въ нашемъ отечествѣ и по сей часъ. Левъ Діаконъ говоритъ, что мисяне, или болгары, носили кожухи или шубы [1]). Но коренная родина этихъ кожуховъ и шапокъ — Азія, и именно спеціально страны монголоидныхъ народностей. Отецъ Іакинѳъ говоритъ, что зимнее одѣяніе монголовъ состоитъ изъ овчинныхъ шубъ, нагольныхъ, или крытыхъ китайкой, шапки изъ овечьяго мѣха [2]).

8. Болгаринъ. (Зимній костюмъ).

9. Болгаринъ. (Лѣтній костюмъ)

Второй болгаринъ-мучитель не носитъ уже кожуха и мѣховой шапки. На немъ, очевидно, костюмъ лѣтній. Голова у него ничѣмъ не покрыта, а самъ онъ одѣтъ въ кафтанъ изъ легкой узорчатой матеріи, покрытой орнаментами, какъ очень многіе изъ палачей «Менологія» (повидимому, византійцевъ [3]).

---

[1]) *Левъ Діаконъ*, Исторіи, книга IV, отвѣтъ византійскаго императора болгарскимъ посламъ въ 966 году: „Возвратитесь къ вашему царю, одѣтому въ тулупъ, и скажите ему...“ *Чертковъ*, стр. 225.

[2]) Отецъ *Іакинѳъ*, Записки о Монголіи, Спб., 1828, т. I, стр. 174.

[3]) Замѣтимъ, что лѣтній костюмъ изъ цвѣтной узорчатой матеріи существовалъ, повидимому, у болгаръ одновременно съ коренной общеславянской одеждой — льняной бѣлой рубахой, которая и до сихъ поръ сохранилась у болгаръ, сербовъ, русскихъ и т. д. Болгарскіе костюмы, мужскіе и женскіе, можно изучать на прекрасныхъ рисункахъ, въ краскахъ, приложенныхъ къ болгарскому „Сборнику за народни умотворения, наука и книжнина“, София, томъ VI, 1891, семь рисунковъ; нѣсколько сербскихъ (мало удовлетворительныхъ, но съ фотографій) есть въ сочиненіи г-жи *Водовозовой*: „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“, Спб., 1902. *Сербы*, стр. 140, 154, 160. Въ своемъ превосходномъ „Путешествіи въ славянскія земли“ А. Ѳ. Гильфердингъ говоритъ, что на древнихъ фрескахъ церкви въ Сопочанахъ, въ Сербіи, представлено много „костюмовъ сербскаго простонародья XIII вѣка; въ нихъ преобладаетъ длинная рубаха съ узкими штанами, тогда какъ теперь сербы носятъ преимущественно куртки и широкія шаравары, на манеръ восточныхъ народовъ (турокъ)“. Въ другомъ мѣстѣ онъ также говоритъ: „въ арнаутскомъ селѣ Шушицѣ жители носятъ бѣлыя холстяныя узкія рубахи, безъ пояса, и бѣлыя узкія штаны...“ (*Гильфердингъ*, Боснія, Герцоговина и Старая Сербія, Спб., 1859, стран. 146, 166).

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ на костюмахъ обоихъ болгарскихъ палачей при ихъ костюмѣ, и зимнемъ, и лѣтнемъ, спеціальная подробность. Это—петлицы, или аграфы изъ шнурковъ, которыми застегнуты у нихъ на груди кафтаны. Такой подробности мы не встрѣчаемъ ни на одномъ костюмѣ котораго-либо изъ всѣхъ палачей «Менологія». Но для насъ важно то, что точно такія же петлицы мы всегда видимъ на русскихъ костюмахъ, начиная отъ древнѣйшихъ, XI вѣка: на кафтанахъ сыновей великаго князя Святослава Ярославича, на знаменитой миніатюрѣ «Святославова сборника» 1073 году и, затѣмъ, на безчисленныхъ русскихъ рисункахъ въ рукописяхъ и на столько же безчисленныхъ фрескахъ русскихъ церквей, наконецъ, на еще разъ столько же безчисленныхъ народныхъ лубочныхъ картинкахъ XVII и XVIII вѣковъ и, продолжая вплоть до конца XVII и начала XVIII вѣка, когда русскій костюмъ былъ, по изобрѣтенію Петра I, замѣненъ европейскимъ. Изъ числа европейскихъ народовъ, такія петлицы мы находимъ въ настоящее время у поляковъ, у литовцевъ, у словаковъ, у хорватовъ и у венгровъ [1]). Замѣтимъ мимоходомъ, что характерныя эти петлицы или застежки на груди у такъ называемыхъ «гусарскихъ мундировъ» всей Европы, суть ничто иное, какъ принадлежность значительно измѣненнаго, а иногда и искаженнаго коренного костюма словаковъ, поляковъ и венгровъ.

Но происхожденіе этихъ петлицъ не славянское и не европейское. Оно—восточное, и принадлежитъ спеціально племенамъ монголоиднымъ, народностямъ монгольскимъ и тюркскимъ. Ихъ мы встрѣчаемъ на многочисленныхъ рисункахъ восточныхъ рукописей, когда они изображаютъ народности монгольскія и тюркскія. Какъ миніатюры уйгурскія, такъ и джагатайскія (т.-е. древне-тюркскія), въ большинствѣ случаевъ исполнялись художниками персидскими (часто въ городѣ Гератѣ, городѣ очень художественномъ въ свое время); но эти художники почти всегда дѣлали большое различіе въ изображеніи костюмовъ, и нерѣдко различали особенности національнаго покроя и склада одежды. Народности монголоидныя носятъ, у себя, петлицы на парадномъ кафтанѣ [2]); національности персидскія, вообще иранскія, и, еще общѣе, арійскія—никогда ихъ не носятъ. Замѣтимъ при этомъ двѣ вещи: первая та, что у народностей монгольскихъ и тюркскихъ петлицы для застегиванія одежды напереди, являются не только на груди, отъ шеи и до пояса, но также иногда (хотя рѣже) отъ шеи и до самого низа одежды, сплошь или съ промежутками. Сверхъ того, петлицы были, повидимому, такъ любимы народностями монгольскими и тюркскими, или же такъ были имъ необходимы, что употреблялись на кафтанахъ обоихъ сортовъ: какъ тѣхъ, *узкихъ* однобортныхъ кафтанахъ, у которыхъ разрѣзъ шелъ посерединѣ груди и до низу, такъ что полы соприкасались одна съ другою, такъ сказать «въ стычку», а равно и на тѣхъ *широкихъ* кафтанахъ, или халатахъ, которыхъ полы запахивались одна поверхъ другой. Объ этой подробности мы будемъ еще говорить ниже. У славянъ и венгровъ, петлицы являются, на рисункахъ костюмовъ, только отъ шеи и до пояса. Вторая особенность, на которую надо обратить вниманіе, та, что въ настоящее время петлицъ на кафтанахъ и халатахъ сѣверно- и средне-азіатскихъ, а также на болгарскихъ кафтанахъ, болѣе не суще-

[1]) *Pauly*, Les peuples de la Russie, 1860, таблица съ костюмами польскаго народа; *Hottenroth*, Trachten der Völker, Stuttgart, 1891, Band II, Tafeln 96, 98, 99, 100, 115; *Matejko*, Ubiory w Polsce, Krakow, 1861, листы XV, XVI, XVII в.; *Racinet*, Le costume historique, vol. VI, planches 452, 454, 458, 459; *Gerson*, Costumes Polonais, planches 4, 10, 16, 20.

[2]) *Weigel*, Trachtenbuch, 1567, Pl. 66, 76, 90, 92, 96, 98 etc.; *Kretschmer*, Trachten, 1864, табл. 76

ствуетъ. Онѣ исчезли. У болгаръ же въ древности эти петлицы составляли такую, можно предполагать, моду или привычку, что ихъ нашивали даже на кафтаны, сдѣланные изъ узорчатой матеріи. Второго палача «Менологія», лысаго (рисунокъ № 9), мы должны признать именно болгариномъ, вслѣдствіе петлицъ у него на груди, тогда какъ не видать ихъ на груди ни у одного изъ всѣхъ палачей «Менологія», одѣтыхъ часто въ такіе же узорчатые кафтаны, какъ этотъ.

Болгарскій палачъ «Менологія», въ шапкѣ и кожухѣ, подпоясанъ узенькимъ пояскомъ, на которомъ видны въ разныхъ мѣстахъ металлическія бляхи; къ этому пояску привѣшены: ножъ, какой-то мѣшочекъ и неизвѣстный предметъ въ видѣ рожка или зуба. Оленинъ объясняетъ эти предметы такъ: «На поясѣ, украшенномъ гвоздями, привѣшены, кажется: фляжка, рожокъ для питья и ножикъ столовый для кушанья. Нѣкоторыя славянскія племена въ австрійскихъ владѣніяхъ также на поясѣ носятъ: огниво и ножикъ». Прохоровъ говоритъ: «На поясѣ у этого болгарина ножъ, кошелекъ, рожокъ» [1]). Но положительное, настоящее объясненіе ихъ мы получаемъ прямо съ Востока. О. Іоакинѳъ говоритъ, что «монголы подпоясываются ремнемъ, къ которому сбоку подвѣшиваютъ ножъ и мѣшочекъ съ трубкою и табакомъ, а назади огниво съ приборомъ; иногда сбоку еще прицѣпляютъ мѣшочекъ съ чашкой, изъ которой обыкновенно пьютъ и ѣдятъ. У богатыхъ сей ремень бываетъ украшенъ стальными бляхами и корольками» [2]). Кромѣ такихъ поясовъ у монголовъ, мы встрѣчаемъ ихъ также и у тюркскихъ собственно племенъ: такъ, во всѣхъ джагатайскихъ (т.-е. древне-тюркскихъ) миніатюрахъ рукописей, а также и въ персидскихъ миніатюрахъ, изображающихъ тюрковъ, мы всегда видимъ подобный узенькій ременный поясокъ съ бляхами. Въ образецъ можно представить рисунокъ (№ 10), взятый мною изъ одной джагатайской рукописи Британскаго Музея [3]). Такіе пояски съ привѣшенными ножами до сихъ поръ въ употребленіи у всѣхъ тюркскихъ племенъ на Кавказѣ, а равно и у тѣхъ, которыя много отъ нихъ заимствовали въ своемъ обиходѣ, костюмѣ и проч.

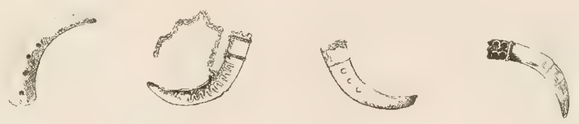
10. Тюркъ средне-азіатъ (изъ рукописи Британскаго музея).

[1]) *Оленинъ*, стр. 34; *Прохоровъ*, стр. 57.

[2]) Отецъ *Іоакинѳъ*, стр. 174.

[3]) По католугу Rieu, Oriental, № 3493, стр. 300, рукопись XVI вѣка. Текстъ—поэзія на джагатайскомъ языкѣ. Миніатюра эта не описана у Ріё, но наклеена особо, на стр. 5-й обор. Она представляетъ тюрка, сидящаго на полу, поджавъ ноги. У него на головѣ огромная чалма, съ очень высокой трубкой, выходящей изъ середины чалмы вверхъ. Черты лица этого тюрка -характернѣйшія среднеазіатскія, тупыя и звѣрскія, съ узкими косыми глазами; на подбородкѣ маленькая рѣдкая бородка· На тюркѣ надѣтъ узкій длинный кафтанъ, съ безрукавкой сверху. Петлицы пропущены, быть можетъ, по *будничности* кафтана. За пояскомъ—кинжалъ; къ пояску, съ его металлическими бляшками (золотыми, какъ у болгарина въ „Менологіи“), привѣшено сбоку два маленькихъ ножичка, на цѣпочкахъ. Этотъ рисунокъ изданъ до сихъ поръ нигдѣ не былъ.

Изъ числа предметовъ, привѣшенныхъ къ пояску болгарина въ кожухѣ и шапкѣ, одинъ былъ до сихъ поръ объясняемъ совершенно невѣрно. Это тотъ, который имѣетъ сходство съ какимъ-то большимъ зубомъ. Его называли почти всегда «рожкомъ для питья». Но такое объясненіе невѣроятно. Этотъ предметъ настолько малъ по своимъ размѣрамъ, что никоимъ образомъ не могъ служить для содержанія какой бы то ни было жидкости: кумыса, молока, меда и т. д. Настоящее его объясненіе мы находимъ въ нѣкоторыхъ предметахъ, полученныхъ изъ раскопокъ на Кавказѣ, въ древней Босніи и т. д. Близь Казбека, въ деревнѣ Степанцминда, въ числѣ многихъ другихъ древностей, было откопано нѣсколько небольшихъ бронзовыхъ предметовъ (рисунки 11, 12, 13, 14), имѣющихъ именно ту форму, какъ привѣска къ пояску болгарина «Менологія». Въ числѣ боснійскихъ раскопокъ встрѣчаются также такіе маленькіе бронзовые предметы [1]). Цѣпочка, прикрѣпленная сбоку у одного изъ этихъ кавказскихъ предметовъ (рисун. 12), и колечко вверху у боснійскаго, доказываютъ, что эти вещицы носились привѣшенными куда-то. Г. Мурьэ заявляетъ въ своемъ короткомъ текстѣ, что эти привѣски принадлежали къ конской сбруѣ женщинъ-амазонокъ [2]). Это объясненіе никакъ не можетъ считаться основательнымъ. Правда, много бывало у восточныхъ народовъ, а потомъ у римлянъ, часто подражавшихъ Востоку, фаларовъ, изогнутыхъ, какъ разсматриваемые здѣсь нами предметы, но то были просто полумѣсяцы, одинаково на обоихъ

11, 12, 13, 14. Бронзовые предметы изъ раскопокъ на Кавказѣ

своихъ концахъ завершавшіеся остріемъ, тогда какъ наши предметы имѣютъ на одномъ концѣ остріе, а на другомъ—довольно широкую поверхность, срѣзанную прямой линіей. Этотъ предметъ представляетъ намъ какъ будто подобіе ноженъ кинжала. Подобные маленькіе «кинжальчики» до сихъ поръ служатъ украшеніемъ кавказскихъ поясковъ, мужскихъ и женскихъ, устроенныхъ изъ золотого или серебрянаго галуна и орнаментированнаго иногда бирюзой, драгоцѣнными камнями и серебряными съ чернью бляхами и круглыми пуговицами. Но внѣшнее сходство здѣсь обманчиво. Дѣйствительныхъ кинжаловъ здѣсь вовсе нельзя предполагать. Древнія бронзовыя привѣски, находимыя въ могилахъ, не могли изображать настоящаго оружія, потому что: 1) всѣ онѣ лишены рукоятокъ и представляютъ собою какъ бы одни только *ножны* кинжала, что̀ для изображенія дѣйствительнаго оружія вовсе немыслимо, 2) всѣ они продыравлены насквозь, что̀ при изображеніи дѣйствительныхъ кинжаловъ или ихъ ноженъ также немыслимо. Значитъ, здѣсь не изображеніе оружія, а только, по всей вѣроятности, нечаянное съ нимъ сходство, въ новѣйшее время превращенное въ тожество, когда забыто было древнее, первоначальное назначеніе этихъ предметовъ.

Быть можетъ, всего скорѣе первообраза этого украшенія слѣдуетъ искать въ тѣхъ профилактическихъ предметахъ, еще не металлическихъ, а заимствованныхъ изъ самой природы, которыми почти всѣ дикіе и варварскіе народы пытались защищать себя отъ

[1]) *Asboth*. Bosnien und die Herzegowina. Wien. 1888, стр. 175, рисунокъ въ текстѣ.

[2]) *Mourier*. L'art au Caucase, Planche VII, №№ 67, 68, 69, 70.

всякаго вреда, болѣзни, порчи, «глаза», несчастія, и для того постоянно носили подобные предметы на своемъ тѣлѣ, на шеѣ, на рукахъ, у пояса и т. д. Въ нашемъ отечествѣ были также нерѣдко находимы подобные предметы въ древнихъ курганахъ, вмѣстѣ съ копьями, ножами и стрѣлами. Одинъ изъ лучшихъ примѣровъ—это тѣ волчьи и кабаньи зубы, которые были найдены профессоромъ Самоквасовымъ въ одномъ изъ кургановъ Полтавской губерніи и хранятся нынѣ въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ [1]). Эти зубы (впрочемъ, нѣсколько болѣе широкіе вверху, нежели бронзовыя привѣски съ Кавказа у Мурьэ), всѣ продырявлены для привѣшиванія и имѣютъ очень много сходства съ бронзовыми, имѣющими уже художественную форму. Изъ подобныхъ зубовъ составлялись иногда цѣлые ряды, нанизанные на нитку, какъ ожерелье [2]). Впослѣдствіи эти естественные предметы стали являться въ видѣ подражаній, воспроизведенными изъ обожженной глины (terre-cuite), бронзы и другихъ металловъ.

Что касается до круглаго предмета маленькихъ размѣровъ, то не трудно рѣшить, какое именно было его назначеніе. Это несомнѣнно *мѣшочекъ, кожаный*, или *холстяной*, назначенный для храненія маленькихъ предметовъ обихода, кремня, огнива, иголокъ и т. п., какъ на то̀ указываетъ отецъ Іоакинѳъ, описывая костюмъ монголовъ, и какъ это существовало даже еще и въ XIX столѣтіи у трансильванскихъ крестьянъ [3]), либо *металлическая коробочка* для подобной же цѣли. Послѣднія—тѣ коробочки, о какихъ говорятъ чешскій: профессоръ Воцель, описывая предметы, отрытые въ Чехіи, въ деревнѣ Желенки, и знаменитый германскій этнографъ Клеммъ, описывая одинъ любопытный предметъ Дрезденскаго Этнографическаго Музея [4]).

Что касается мѣшочковъ *холстяныхъ* и *кожаныхъ*, то ихъ не мало находится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ; поступили они туда въ числѣ предметовъ, полученныхъ профессоромъ Д. А. Самоквасовымъ изъ раскопокъ. Одинъ изъ нихъ, съ гребенкой внутри—изъ раскопокъ кургановъ Екатеринославской губерніи (XIV вѣка, судя по монетамъ золото-ордынскихъ хановъ Узбека и Джанибека); прочіе, холстяные и кожаные, иногда расшитые шелками, золотомъ и серебромъ, изъ кургановъ около Пятигорска, всѣ съ огнивами и кремнями, для высѣканія огня [5]).

Оленинъ, первый у насъ заговорившій о значеніи для русской науки рисунковъ съ изображеніями болгаръ-мучителей, узналъ эти рисунки совершенно случайно. До 30-хъ годовъ XIX столѣтія, въ Россіи не было, кажется, ни одного экземпляра печатнаго «Менологія». Но, послѣ окончанія польскаго возстанія 1830 года, въ Петербургъ были привезены цѣлыя библіотеки разныхъ общественныхъ польскихъ учрежденій и

[1]) *Самоквасовъ*, Основанія классификаціи... Коллекціи древностей Самоквасова. Варшава, 1892, текстъ, стр. 35, таблица VII, № 1670, 1671, 1687.

[2]) Тамъ же, таблица VI, № 3, текстъ, стр. 10, № 372.

[3]) *Kieninger*, Costumes de la Monarchie Autrichienne. Vienne, f°, № 26: „Paysan d'Hermannstadt“. У него на пояску: ножъ, мѣшочекъ, огниво.

[4]) *Wocel*, Archäologische Parallelen, Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, 1853, B. XI, S. 754. Авторъ сравниваетъ эту коробочку съ коробочками, носимыми у руссовъ на груди, по разсказу Ибнъ-Фоцлана. Замѣчательно, что, по удостовѣренію проф. Воцеля, чешская коробочка найдена рядомъ съ черенкомъ маленькаго ножа, не *на груди*, а *на боку* у остова. Клеммъ указываетъ на металлическія коробочки, носимыя сербскими женщинами рядомъ съ маленькимъ ножомъ на боку. Онѣ назначены для держанія, внутри, иголокъ и другихъ мелочей. Одна такая коробочка хранится въ Дрезденскомъ Этнографическомъ Музеѣ (*Klemm*, Werkzenge und Waffen, I, S. 138).

[5]) *Самоквасовъ*, Основанія классификаціи, стр. 88—96; рисунокъ на таблицѣ V, № 4

частныхъ лицъ. Въ числѣ другихъ, въ Императорскую Библіотеку поступила и библіотека графа Сапѣги, бывшаго литовскаго канцлера, который былъ такой ревностный любитель и собиратель рѣдкихъ книгъ и драгоцѣнныхъ древностей, что «Менологій» былъ изданъ въ Урбино въ 1727 году, а одинъ экземпляръ его поступилъ въ библіотеку Сапѣги уже въ 1730 году (какъ видно на печатномъ ex-libris этого тома). Въ качествѣ ревностнаго археолога, любителя искусства, президента Академіи Художествъ и директора Императорской Публичной Библіотеки, Оленинъ узналъ «Menologium» тотчасъ по поступленіи его въ эту библіотеку, оцѣнилъ важность его рисунковъ и остался крайне недоволенъ тою невѣрностью изображеній, которая царствовала и здѣсь, какъ въ большинствѣ изданій драгоцѣнныхъ памятниковъ древности въ XVIII вѣкѣ. Поэтому онъ обратился къ нашему посланнику въ Римѣ, князю Гр. Ив. Гагарину, съ просьбой прислать ему копіи съ особенно интересовавшихъ его рисунковъ оригинала—конечно, прежде всего, копіи съ болгаръ. Но, по какому-то странному неразумѣнію дѣла и невниканію въ него, кн. Гагаринъ прислалъ копіи, правда, въ краскахъ, скопированныхъ съ оригиналовъ, но съ контурами, скопированными изъ печатной книги. А контуры эти были очень невѣрны! Самъ Оленинъ жалуется на это въ своей брошюрѣ. «Нѣчего дѣлать,—говоритъ онъ,—за неимѣніемъ лучшаго, должно черпать въ семъ неочищенномъ источникѣ, т.-е. въ печатномъ источникѣ сей Минеи—и за то спасибо!..» Послѣдующіе издатели наши также черпали изъ «неочищеннаго источника, т.-е. изъ оленинскихъ копій 1832 года.

Первая, дѣйствительно вѣрная копія, въ краскахъ, главнаго болгарина въ кожухѣ и шапкѣ, была снята, по моей просьбѣ, въ Ватиканской Библіотекѣ, въ Римѣ, въ 1880 году, нашимъ живописцемъ Вильгельмомъ Котарбинскимъ, и принесена мною въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ. Воспроизведена она была въ краскахъ въ моемъ изданіи «Славянскій и восточный орнаментъ», 1886 года, на листѣ I-мъ, и отличается необыкновенною вѣрностью и точностью въ передачѣ какъ всего общаго вида и склада болгарина, такъ и всѣхъ подробностей его оригинальной фигуры, его одежды и оружія, его физіономіи, лица, формы и цвѣта рыжеватой его рѣдкой бородки. Одинъ только недостатокъ существуетъ въ этомъ печатномъ воспроизведеніи: это именно то, что худо или почти вовсе не вышла въ отпечаткѣ фигура того кинжальчика, на цѣпочкѣ у пояса, про который говорено здѣсь выше. Но это произошло главнѣйшимъ образомъ отъ того, что въ ватиканскомъ оригиналѣ краски на этомъ мѣстѣ сильно осыпались, почти исчезли, и потому мало были видны на копіи въ краскахъ, находящейся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Въ заключеніе, не могу не указать на то, что, разсматривая костюмъ болгарина X вѣка, наполовину славянина и наполовину тюрка, я невольно переношусь мыслью къ костюму другой личности, уже не болгарской, а русской, облеченной въ костюмъ, почти буквально тожественный съ болгарскимъ костюмомъ «Менологія». Эта личность—Петръ Великій. Сохранилось до настоящаго времени нѣсколько гравированныхъ за границей портретовъ русскаго царя, конца XVII столѣтія, гдѣ онъ представленъ въ древнерусскомъ костюмѣ. Вездѣ, на всѣхъ этихъ портретахъ, голландскихъ, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, Петръ I является точь въ точь въ той самой одеждѣ, какъ болгаринъ X вѣка (нашъ рисунокъ № 15). На немъ надѣтъ короткій кафтанъ, до колѣнъ, съ петлицами во всю грудь, станъ стянутъ тонкимъ кушачкомъ, къ которому привѣшенъ, на цѣпочкѣ, небольшой ножъ (иногда два); на головѣ мѣховая шапка (даже

съ краснымъ верхомъ, на одномъ изъ эстамповъ, отпечатанномъ красками и хранящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ). Вся разница только въ томъ, что на всѣхъ этихъ картинахъ на юномъ Петрѣ I лѣтній кафтанъ, а не зимній, и потому безъ мѣха; а еще въ томъ, что на ногахъ у царя не узкіе холстяныя штаны, какъ у болгарина, а длинные въ обтяжку сапоги (какъ бы чулки) изъ мягкой тонкой кожи, книзу зашнурованные, ноги же все-таки обуты въ башмаки. Это та самая обувь, которая была въ употребленіи у татаръ, а вслѣдь за ними у древнихъ русскихъ, и носила у этихъ послѣднихъ названіе «ичеготы», иначе «ичетоги», «ичетыги», «ичитыги», «ичотоги» и «чедыги» [1]). Но не должно считать, что такая обувь существовала въ нашемъ отечествѣ лишь со времени нашествія татаръ: она существовала гораздо ранѣе. Такую обувь мы видимъ уже на русскомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ Новгородскомъ, изображенномъ на фрескѣ Спасонередицкой церкви въ Новгородѣ, построенной въ 1199 году [2]). Итакъ, мы встрѣчаемъ одинъ и тотъ же костюмъ въ Болгаріи и въ Россіи, на разстояніи цѣлыхъ восьми столѣтій: въ эпоху перваго періода славянскаго костюма—и въ эпоху послѣдняго его періода, когда онъ долженъ былъ сойти со сцены и уступить мѣсто французскому кафтану, парику, шелковымъ чулкамъ и высокимъ каблукамъ. Въ Россіи древній коренной славянскій костюмъ сохранился сквозь всѣ столѣтія еще тверже и несокрушимѣе, чѣмъ въ Болгаріи и Сербіи, потому что не подвергся, какъ въ этихъ странахъ, турецкому вліянію. Но болгарскіе рисунки много помогли намъ въ изученіи этого древняго общаго нашего костюма.

15. Портретъ Петра Великаго XVII вѣка.

---

[1]) *Савваитовъ*, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ и т. д. Спб., 1896, стр. 43.

[2]) *Прохоровъ*, рисунокъ при стран. 78. Въ текстѣ Прохоровъ говоритъ: „На желтыхъ сапогахъ князя надѣты еще высокіе башмаки, спереди съ ушкомъ или лепесткомъ“ (стр. 77).

III.

1.

Одною изъ величайшихъ драгоцѣнностей Ватиканской Библіотеки въ Римѣ является рукопись, издревле носящая названіе «Манассіиной лѣтописи». Оригиналъ ея текста, писанный стихами, на греческомъ языкѣ, былъ сочиненъ и написанъ въ XII вѣкѣ въ Византіи, византійскимъ литераторомъ Константиномъ Манассіей. Содержаніе ея было — краткое извлеченіе изъ историческихъ сказаній библейскихъ, греческихъ, римскихъ и византійскихъ, отъ начала міра и до конца XI вѣка, именно до царствованія византійскаго императора Никифора Вотоніата. Два столѣтія позже, болгарскій царь Іоаннъ Александръ, великій ревнитель просвѣщенія, пожелалъ имѣть это сочиненіе на родномъ своемъ языкѣ и заказалъ какому-то неизвѣстному современному болгарскому писателю перевести сочиненіе Манассіи на болгарскій языкъ. Это было исполнено, книга изящно переписана, украшена множествомъ иллюстрацій и поднесена царю. Этотъ-то подлинный болгарскій экземпляръ и находится теперь въ Ватиканѣ.

«Манассіина лѣтопись», въ ея новомъ видѣ, имѣетъ необыкновенно важное значеніе для болгарской науки и искусства, потому что содержитъ не только переводъ византійскаго историческаго сочиненія на болгарскій языкъ, что имѣло бы наибольшее значеніе только для исторіи болгарской литературы и языкознанія, но также и множество новыхъ лѣтописныхъ вставокъ, не находившихся въ первоначальномъ греческомъ текстѣ и, по мнѣнію изслѣдователей, извлеченныхъ изъ древнихъ болгарскихъ лѣтописей, до сихъ поръ неизвѣстныхъ. Но, сверхъ того, иллюстраціи «Лѣтописи» даютъ огромный, новый, нигдѣ болѣе не встрѣчающійся, въ видѣ рисунковъ и живописи, матеріалъ для исторіи костюма и жизненной обстановки народностей византійской, болгарской и нѣкоторыхъ другихъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ.

Въ числѣ этихъ иллюстрацій находится множество изображеній болгарскихъ князей и царей, а также сценъ изъ болгарской исторіи. Наконецъ, эти иллюстраціи даютъ понятіе о состояніи болгарскаго искусства въ XIV вѣкѣ, о его средствахъ, способахъ и успѣхахъ. Все это до сихъ поръ еще достаточно не изучено и составляетъ задачу будущаго.

Но для насъ, русскихъ, иллюстраціи «Манассіиной лѣтописи», кромѣ общаго славянскаго интереса, представляютъ еще интересъ совершенно особенный, спеціальный. Между этими иллюстраціями есть нѣсколько такихъ, у которыхъ сюжеты взяты изъ древнѣйшей русской исторіи. А именно, здѣсь изображены: «Крещеніе Руси», и нѣсколько

сценъ изъ войны Святослава съ Цимисхіемъ. Первой сцены до сихъ поръ вовсе не встрѣчалось ни на какомъ изображеніи византійскомъ, болгарскомъ или русскомъ; вторыя были, правда, извѣстны по нѣсколькимъ миніатюрамъ византійской рукописи Іоанна Куропалаты XII—XIV вѣка, открытой профессоромъ Н. П. Кондаковымъ въ Мадридской Публичной Библіотекѣ, но эти рисунки такъ мало были характерны, специальны и подробны, что не представляли ничего выходящаго изъ общепринятыхъ рамокъ византійскихъ историческихъ иллюстрацій, и потому мало прибавляли къ нашимъ историческимъ и иконографическимъ свѣдѣніямъ.

Но, приступая къ разсмотрѣнію любопытныхъ рисунковъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ удивительный и рѣдкій фактъ нашей рукописи, что и болгаринъ-писатель, авторъ текста, и болгаринъ-живописецъ (или живописцы), авторъ (или авторы) иллюстрацій, не побоялись изображать не только торжества и побѣды, но и пораженія, неудачи и ущербы своихъ соотечественниковъ, и это гдѣ же? Въ книгѣ, поднесенной самому царю Іоанну-Александру, считающемуся по преимуществу владыкой-націоналистомъ! Въ «Манассіиной Лѣтописи» есть не мало картинокъ, гдѣ изображено, какъ византійцы и русскіе разбиваютъ на-голову болгаръ, отнимаютъ у нихъ города, угоняютъ болгарскій скотъ и проч. Болгарскій живописецъ являлся здѣсь (500 лѣтъ назадъ) чѣмъ-то вродѣ Верещагина XIV вѣка; онъ признавалъ многое хорошее и доблестное даже за врагами своего народа. Онъ изображалъ ихъ, не умаляя и не скрывая ничего, даже самаго непріятнаго для себя и своихъ соотчичей, все какъ можно вѣрнѣе и точнѣе. Наперекоръ всѣмъ почти на свѣтѣ иллюстраторамъ, обыкновенно считающимъ своею священною обязанностью рисовать только торжества и авантажи своего отечества, болгарскіе художники находили справедливымъ представлять въ своихъ рисункахъ также и бѣды, и уроны своей родины и народа, совершенно наравнѣ съ историками, разсказывающими и плюсы, и минусы. Какой урокъ XIV вѣка XX-му! Какой примѣръ прежнихъ, наивныхъ, «варварскихъ» художниковъ нынѣшнимъ, высоко «цивилизованнымъ»!

2.

Несмотря на важное значеніе рисунковъ «Манассіиной лѣтописи», на нихъ было до сихъ поръ обращено очень мало вниманія. Ихъ не только не подвергали подробному, старательному изслѣдованію, но даже ихъ почти вовсе еще не описывали. Даже изданы оттуда лишь очень немногіе образчики, да и тѣ въ высшей степени не удовлетворительные. Сравнительно говоря, лучшее и наибольшее представлено до сихъ поръ со стороны, *русскихъ* изслѣдователей. Попробуемъ показать это.

Извѣстность «Манассіиной лѣтописи» началась всего полтораста лѣтъ тому назадъ, въ 1755 году. Знаменитый итальянскій оріенталистъ Ассемани, родомъ сиріецъ, епископъ тирскій и префектъ (директоръ) Ватиканской Библіотеки въ Римѣ, раньше всѣхъ заговорилъ объ этой любопытной рукописи. Но его занималъ собственно только текстъ, объ остальномъ онъ озабоченъ былъ гораздо менѣе, и сказалъ лишь про почеркъ рукописи, что онъ «очень изященъ» (elegantissime exaratus); что же касается многочисленныхъ рисунковъ, то онъ про нихъ не сдѣлалъ ровно никакихъ замѣчаній, и только аккуратно перечислилъ ихъ [1]).

[1]) *Assemani*, Kalendaria ecclesiae universae, Romae, 1755, tomus V, p. 203 и слѣд.

Впродолженіе цѣлаго полстолѣтія послѣ того никто ни слова не говорилъ про «Манассіину лѣтопись», до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, извѣстный французскій археологъ и художественный писатель, Сэру д'Азенкуръ, авторъ «Исторіи искусства» съ начала среднихъ вѣковъ, не воспроизвелъ въ своемъ атласѣ нѣсколько рисунковъ этой рукописи въ довольно вѣрныхъ калькахъ (изъ нихъ три въ настоящую величину и четыре въ уменьшенныхъ размѣрахъ); при этомъ онъ про всѣ вообще рисунки «Лѣтописи» сказалъ, что они «представляютъ много погрѣшностей въ композиціи и исполненіи, да, сверхъ того, нѣкоторые изъ нихъ *совершенно излишніе;* таковы, наприм., рисунки: «Византійскій императоръ Филиппъ Барданъ велитъ убить Тиверія, сына Юстиніанова, у дверей храма Богородицы» (листъ 131); «Битва болгаръ съ греками» при болгарскомъ царѣ Симеонѣ (листъ 172), «Крещеніе русовъ» (листъ 166). «Вообще говоря,—замѣчалъ д'Азенкуръ,—варварскій стиль этихъ рисунковъ заставляетъ предполагать, что живописецъ или калиграфъ былъ болгаринъ родомъ. Подобно прочимъ живописцамъ времени упадка, одѣвавшимъ свои фигуры по модѣ своего народа и своего времени, рисовальщикъ нашихъ картинокъ высказываетъ самое глубокое невѣдѣніе костюма тогдашнихъ временъ и мѣстностей во всѣхъ своихъ композиціяхъ». Впрочемъ, про картину, представляющую битву болгаръ съ куманами, д'Азенкуръ замѣчаетъ, что «кони были въ большомъ употребленіи у болгаръ, а поэтому и ихъ изображенія болѣе были извѣстны живописцамъ ихъ; вслѣдствіе того, кони немного менѣе дурно выполнены тутъ, чѣмъ человѣческія фигуры» [1]).

Въ Европѣ не произвели никакого особаго впечатлѣнія ни текстъ, ни рисунки Сэру д'Азенкура, касающіеся «Манассіиной лѣтописи», и не повели ни къ какимъ новымъ результатамъ и изслѣдованіямъ. Но въ теченіе тѣхъ же 20-хъ годовъ XIX вѣка, два русскихъ высоко интеллигентныхъ человѣка много сдѣлали для узнанія и распространенія «Манассіиной лѣтописи». Это были: каноникъ брестскаго капитула профессоръ виленскаго университета М. Бобровскій, и русскій государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ.

Бобровскій имѣлъ въ Европѣ, въ началѣ XIX вѣка, уже такую значительную и солидную репутацію слависта, что, когда пріѣхалъ въ 1820 году въ Римъ, для продолженія своихъ разнообразныхъ славянскихъ изслѣдованій, онъ получилъ отъ начальства Ватиканской Библіотеки приглашеніе изслѣдовать, опредѣлить и описать тѣ 19 славянскихъ рукописей, которыя принадлежали тогда этой библіотекѣ. Онъ это выполнилъ съ великимъ знаніемъ, истинною ученостью и мастерствомъ. Его опредѣленія никѣмъ не были опровергнуты. Спустя 10 лѣтъ, его рукописныя замѣтки вошли въ составъ описанія Ватиканской Библіотеки ея префектомъ, знаменитымъ лингвистомъ, кардиналомъ Анджело Маи.

Въ 1830 году появился этотъ каталогъ, и тамъ было сказано: «Рисунки «Манассіиной лѣтописи» выполнены грубо и много потерпѣли отъ ветхости, но они представляютъ нравы и обычаи, существовавшіе въ XIV вѣкѣ по части одеждъ и военнаго снаряженія, на войнѣ и въ мирѣ, у болгаръ, грековъ, татаръ и русскихъ (usum qui fuerit in vestibus, impedimentibus bellicis et in bello et in pace, Bulgaris, Graecis, Tartaris ac Russis), и потому они не должны быть осуждаемы художниками» [2]).

---

[1]) *Séroux d'Azincourt,* Histoire de l'art par les monuments. T. III. Paris. 1823, p. 66—67. Изданіе этого сочиненія началось еще въ 1808 г., при жизни автора, скончавшагося въ 1814 году.

[2]) *Maj,* Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus. Romae. 1830. Tomus V, p. 102.

Канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, съ молодыхъ лѣтъ ревностный дѣятель на пользу русскаго просвѣщенія, былъ неистощимъ въ предпріятіяхъ своихъ въ этомъ направленіи. Онъ долгіе годы собиралъ богатыя коллекціи значительныхъ книгъ и рѣдчайшихъ древнихъ русскихъ рукописей: изъ нихъ сформировался впослѣдствіи знаменитый Румянцевскій Музей; онъ снаряжалъ на свой счетъ ученыя экспедиціи и кругосвѣтныя плаванія. Вслѣдствіе ли сношеній съ Бобровскимъ, или вслѣдствіе появленія въ свѣтъ книги д'Азенкура въ 1823 году, онъ въ 1824 году отправилъ (по всегдашнему, на свой счетъ) въ Римъ одного нѣмецкаго ученаго, доктора Штрандмана, для списанія значительнѣйшей доли текста и срисованія всѣхъ замѣчательнѣйшихъ рисунковъ «Манассіиной лѣтописи» [1]). Штрандманъ исполнилъ это порученіе въ теченіе нѣскольскихъ мѣсяцевъ 1824 года и первыхъ мѣсяцевъ 1825 года. Онъ мало былъ приготовленъ къ своей задачѣ, такъ что даже, напримѣръ, не зналъ, что̀ такое славянскіе *большой* и *малый юсъ*, и передавалъ ихъ въ видѣ буквы *ж*, однако же очень вѣрно списалъ порученный ему текстъ. По части рисованія онъ также смыслилъ очень мало и передавалъ свои копіи, правда, посредствомъ снимковъ на транспарантной бумагѣ, значительно вѣрныхъ, но робкихъ и довольно еще наивныхъ. Всѣ его рисунки, числомъ 69, выполнены у него перомъ, и лишь одинъ переданъ въ краскахъ и съ золотомъ: это именно листъ І-й, изображающій болгарскаго царя Іоанна-Александра во весь ростъ и въ болгарскомъ царскомъ одѣяніи, стоящимъ среди Христа, съ одной стороны, и автора «Лѣтописи», Константина Манассіи, съ вѣнцомъ святого вокругъ головы (по византійскому обычаю): Манассія представляетъ царю свою рукопись. Но, несмотря на многіе недостатки, копіи Штрандмана до сихъ поръ *единственныя* во всей Европѣ, и Румянцевскій Музей можетъ ими гордиться, какъ однимъ изъ главныхъ и важнѣйшихъ своихъ сокровищъ.

Въ 1839 году извѣстный русскій ученый (впослѣдствіи профессоръ) Ст. Петр. Шевыревъ, находясь въ Римѣ, изучилъ въ Ватиканской Библіотекѣ, по примѣру Бобровскаго, всѣ ея 19 славянскихъ рукописей и напечаталъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» свое о нихъ изслѣдованіе. Здѣсь онъ говорилъ про миніатюры «Манассіиной лѣтописи»: «Эти миніатюры не отличаются изяществомъ, но сохранили яркость красокъ и особенно любопытны тѣмъ, что даютъ понятіе о костюмѣ болгарскомъ и греческомъ XIV вѣка... Изъ нихъ миніатюры съ сюжетами русскими могутъ быть весьма любопытны для изученія костюма болгарскаго и греческаго въ XIV вѣкѣ; но я позволяю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ Бобровскаго, чтобы онѣ могли предложить ту же занимательность въ отношеніи къ русскому костюму XIV вѣка, потому что русскіе въ одеждѣ своей нисколько не отличены ни отъ болгаръ, ни отъ грековъ» [2]). Къ этому Шевыревъ прибавилъ: «Говорятъ, что вся эта рукопись была переписана для

---

[1]) Іоаганнъ-Густавъ-Магнусъ Штрандманъ, род. въ 1784 г. въ Эстляндіи (въ городѣ Зелликѣ), воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ, состоялъ многіе годы на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ молодыхъ годахъ изслѣдовалъ и описалъ (съ рисунками) Рюрикову крѣпость въ Старой Ладогѣ (1807), а во время бытности своей, по службѣ при русскомъ посольствѣ, въ теченіе первой четверти XIX стол., въ Стокгольмѣ и въ Римѣ, постоянно занятъ былъ списываніемъ и срисовываніемъ для канцлера, графа Н. П. Румянцева, древнихъ рукописей, славянскихъ и западно-европейскихъ, въ Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, Римѣ и Монтекассино, касающихся древней русской исторіи (Allgem. Schriftstellerlexikon der Provinzen Livland, Esthland u. Kurland. von *Recke* und *Napiersky*, Mitau. 1832. IV Band, S. 311—313).

[2]) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1839, т. XXII, статья: „О словенскихъ рукописяхъ Ватиканской Библіотеки“, стр. 110—111.

графа Н. П. Румянцева и къ нему отправлена еще при жизни его. Есть надежда, что нѣкоторыя миніатюры, болѣе для насъ любопытныя, будутъ вѣрно сняты однимъ художникомъ по порученію А. Д. Черткова»[1]).

Въ 1842 году явилась въ свѣтъ знаменитая книга профессора Ал. Хр. Востокова: «Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музея». Въ статьѣ о «Манассіиной лѣтописи» (въ копіи Штрандмана) Востоковъ вкратцѣ описалъ всѣ рисунки въ копіяхъ этого послѣдняго, въ общемъ же отозвался о нихъ, явно на основаніи словъ Бобровскаго, такъ: «Приложенныя въ подлинникѣ изображенія хотя и грубой рисовки, какъ замѣчаетъ г. Штрандманъ въ предисловіи своемъ, могутъ служить къ объясненію обычаевъ, вооруженія и одѣянія грековъ, болгаръ и другихъ народовъ XIV вѣка»[2]).

Вскорѣ послѣ напечатанія каталога Востокова, предсѣдатель Московскаго Общества Исторіи и Древностей, Ал. Дм. Чертковъ, издалъ въ 1843 году свое извѣстное сочиненіе: «Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ болгаръ и грековъ» и приложилъ къ своей книгѣ литографированные (безъ красокъ) рисунки, представляющіе тѣ картинки, гдѣ въ «Манассіиной лѣтописи» на сценѣ являются русскіе. Это были именно: 1) «Крещеніе русовъ); 2) «Входъ Святослава въ Дрьстръ (Доростолъ), послѣ разбитія болгаръ на берегу Дуная»; 3) «Сраженіе между русами и болгарами»; 4) «Вшествіе Цимисхія въ Преславъ» (Переяславъ); 5) «Послѣднее сраженіе между русами и византійцами подъ Доростоломъ». Никакого описательнаго или критическаго текста, или хотя бы замѣтки, при этихъ рисункахъ приведено не было. Было только сказано на послѣдней страницѣ книги, что приложенныя къ ней «изображенія копированы съ ватиканскаго списка перевода «Манассіиновой лѣтописи». Никто до сихъ поръ не бралъ на себя труда сличить эти русскія литографіи съ римскими подлинниками и, надо полагать, что имъ довѣряли. Но я считаю необходимымъ заявить, что эти «русскія историческія сцены» представлены въ литографіяхъ Черткова въ самомъ ужасномъ и, можно сказать, непозволительномъ видѣ: тамъ нельзя довѣрить ни единой чертѣ, тамъ все невѣрно, искажено и обезображено. Чья въ томъ вина: рисовальщика ли въ Римѣ, или литографа въ Россіи рѣшить того теперь нельзя, но этимъ рисункамъ рѣшительно ни въ чемъ вѣрить неслѣдуетъ: и контуры, и пропорціи, и движенія людей и лошадей, и одежды, и оружіе, наконецъ, и всего болѣе, лица и физіономіи—все измѣнено, испорчено. Множество подробностей пропущено, онѣ отсутствуютъ. Все исполнено съ дѣтскою неумѣлостью. Такъ и не исполнились ожиданія Шевырева.

Въ своей «Исторіи сербовъ и болгаръ» А. Ѳ. Гильфердингъ этого всего и не подозрѣвалъ и, вполнѣ довѣряя рисункамъ книги Черткова, но не входя ни въ какой о нихъ разборъ, описывалъ ихъ вкратцѣ такъ: «Переводчикъ изобразилъ намъ въ двухъ картинахъ «Рускый плѣнъ еже на Болгары»: на одной скачутъ всадники, покрытые щитами и кольчугами, съ длинными копьями, иные съ лукомъ и стрѣлами, передъ ними бѣгущіе, одинъ отстрѣливается, вокругъ мертвыя тѣла, отрубленныя головы; на другой

[1]) Тамъ же, стр. 114.

[2]) *Востоковъ*, Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музея. Спб., 1842, стран. 391. Сочиненіе Востокова выпущено въ свѣтъ въ 1842 г., но цензурный пропускъ въ ней еще отъ 13 ноября 1837 г., значитъ текстъ Востокова навѣрное писанъ еще въ первой половинѣ 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Должно замѣтить, что Востоковъ ошибочно приписалъ цитированное имъ мнѣніе о достоинствахъ рисунковъ „Манассіиной лѣтописи“ Штрандману. Это было мнѣніе Бобровскаго, печатно изложенное въ каталогѣ кардинала Анджело Маи.

картинкѣ тѣ же всадники, въ кольчугахъ, гонятъ стадо быковъ и барановъ (снимки приложены къ «Описанію войны Святослава Черткова») [1]).

Профессоръ М. Дриновъ, описывая въ 1870 году, въ числѣ разныхъ другихъ болгарскихъ рукописей, также и «Манассіину лѣтопись», говорилъ про рисунки ея: «Эти рисунки имѣютъ очень большую важность для исторіи болгарской и византійской живописи, но еще драгоцѣннѣе для изученія болгарской и византійской древности, особенно для познанія одеждъ, вооруженія, домашняго быта Болгаріи въ XIV вѣкѣ, когда были исполнены эти рисунки: нельзя сомнѣваться въ томъ, что рисовальщикъ болѣе или менѣе запечатлѣлъ въ нихъ современную и родственную ему дѣйствительность. Кромѣ того, въ изображеніяхъ, относящихся до болгарской исторіи, представлены Крумъ, Борисъ-Михаилъ и жена его, Симеонъ, Самуилъ, Іоаннъ Шишманъ, Іоаннъ Асѣнь. Безъ сомнѣнія, въ этихъ изображеніяхъ болѣе или менѣе вѣрно сохранились черты тѣхъ болгарскихъ вѣнценосцевъ, которыхъ рисовальщикъ зналъ, которыхъ былъ современникомъ» [2]).

Профессоръ Н. П. Кондаковъ говорилъ два раза про рисунки «Манассіиной лѣтописи» и ссылался лишь на копіи д'Азенкура. Въ первый разъ онъ сказалъ только: «По спеціальной привязанности къ изображенію битвъ, хотя въ самомъ дѣтскомъ рисункѣ, сходятся съ парижскимъ кодексомъ «Житія Варлаама и Іосафа», XIV в., № 1128, и съ «Жизнью Александра Македонскаго», XIV в., въ канцеляріи церкви S. Giorgio dei Greci, въ Венеціи,—иллюстрированныя хроники, изъ которыхъ болѣе всего подходитъ извѣстная болгарская, писанная около 1350 г., въ Ватиканской библіотекѣ. Начальныя миніатюры изъ Ветхаго Завѣта напоминаютъ византійскій образецъ; есть любопытные апокрифы; Марія Магдалина передъ Тиверіемъ и миніатюра, изображающая «Крещеніе Русомъ» (образцы миніатюръ въ изданіи д'Азенкура, Peintures, pl. 63) [3]). Во второй разъ профессоръ Кондаковъ повторилъ эти же свои слова во французскомъ переводѣ своей книги, но прибавилъ къ нимъ, въ примѣчаніи, слѣдующее: «Вторая миніатюра («Крещеніе Русомъ») есть только традиціонное воспроизведеніе греческихъ образцовъ и не заключаетъ ничего новаго: двѣ фигуры рѣкъ Іоръ и Данъ и проч.» [4]).

Въ своемъ истинно классическомъ сочиненіи «Исторія болгаръ», чешскій профессоръ Іос. Конст. Иречекъ заявляетъ, что ему, «къ сожалѣнію, не удалось видѣть рисунковъ «Манассіиной лѣтописи» въ краскахъ, и онъ знаетъ ихъ только по тѣмъ рисункамъ, которые изданы у Черткова». Однако онъ все-таки говоритъ, что «интересныя свѣдѣнія о вооруженіи болгарскихъ воиновъ даютъ рисунки этого кодекса» [5]). И вслѣдъ затѣмъ, профессоръ Иречекъ даетъ описаніе одеждъ и оружія болгаръ на основаніи этихъ рисунковъ, безъ всякихъ собственныхъ примѣчаній.

Въ 1891 году французскій историкъ и археологъ Шлумбергеръ (во французскомъ произношеніи Шлёмбержэ) помѣстилъ нѣсколько картинокъ изъ «Манассіиной

[1]) *Гильфердингъ*, Сочиненія. т. I, Спб., 1868, стр. 142, 144—145.

[2]) *Дриновъ*. „Нови паметници за историата на Българетѣ и на тѣхнитѣ съсѣди“. Въ изданіи: „Периодическо списание на Българското дружество“. Браила, 1870, стр. 57.

[3]) *Кондаковъ*, Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. Одесса, 1876, стр. 268—269

[4]) *Kondakoff*, Histoire de l'art byzantin, considéré principalement dans les miniatures. Paris, 1891, II, p. 175.

[5]) *Иречекъ*, Исторія болгаръ. Русскій переводъ Бруна и Палаузова. Одесса. 1878. стр. 535. Оригиналъ на чешскомъ языкѣ и нѣмецкій его переводъ напечатаны въ Прагѣ въ 1876 году.

лѣтописи» въ своемъ очень извѣстномъ сочиненіи объ императорѣ Фокѣ[1]). Въ предисловіи онъ говорилъ, что «отецъ Мартыновъ[2]) и Лежэ, профессоръ въ Collège de France, въ Парижѣ, указали ему нѣсколько очень важныхъ русскихъ и славянскихъ памятниковъ». Между этими памятниками почти самую главную роль играетъ «Манассіина лѣтопись». Шлумбергеръ взялъ оттуда пять очень важныхъ и интересныхъ рисунковъ, изображающихъ войны русскихъ съ болгарами; картинка же «Крещеніе русовъ», казалось бы столь интересная и важная, осталась у него не изданною. Изъ этихъ пяти рисунковъ четыре представлены въ контурахъ. Они обозначены у Шлумбергера такъ: 1) «Русскіе преслѣдуютъ болгаръ»; 2) «Русскіе угоняютъ скотъ у болгаръ и идутъ на Доростолъ»; 3) «Взятіе Переяславца и преслѣдованіе болгаръ русскими»; 4) «Взятіе другого города». Пятая картинка, «Битва болгарскаго царя Симеона съ греками», издана въ краскахъ. Конечно, нельзя не благодарить Шлумбергера за опубликованіе этихъ картинокъ—теперь и Западная Европа имѣетъ возможность ихъ знать, изучать и обсуждать; но невозможно относиться безъ досады къ тому, какъ рисовальщики Шлумбергера исполнили свою задачу. Эти рисунки—настоящій pendant къ совершенно негоднымъ рисункамъ книги Черткова. Всего предосудительнѣе картинка въ краскахъ, помѣщенная въ началѣ книги Шлумбергера. Тутъ все является во много разъ еще грубѣе и неумѣлѣе, чѣмъ въ болгарскомъ оригиналѣ: нельзя положиться ни на одну подробность: все нарисовано превратно, произвольно, фантастично. Краски—совершенно фальшивыя, и вмѣсто тѣхъ яркихъ, свѣтлыхъ и блестящихъ красокъ, которыми такъ часто отличались болгарскіе художники XI, XII, XIII и XIV вѣка (при всей неумѣлости контуровъ), въ книгѣ Шлумбергера являются передъ наши глазами лишь тоны мутные, сѣрые и рыжіе, производящіе впечатлѣніе очень непріятное, тусклое. Притомъ же всѣ вообще эти пять картинокъ изданы въ слишкомъ уменьшенномъ размѣрѣ, такъ что многихъ деталей вовсе нельзя разсмотрѣть. Какъ на примѣръ небрежности издателей достаточно будетъ указать на то, что одна изъ картинокъ, взятая изъ того мѣста книги, гдѣ рѣчь идетъ о войнѣ византійцевъ съ болгарами, носитъ у Шлумбергера подпись: «Пиршество, данное византійскимъ императоромъ русскому царю» (Banquet donné par le Basileus de Constantinople au Czar de Russie)[3]), между тѣмъ какъ въ текстѣ говорится не о небываломъ тогда «русскомъ царѣ», а о «болгарскомъ князѣ», что̀ и обозначено (впослѣдствіи) правильно въ общемъ спискѣ гравюръ въ концѣ книги. Можно еще указать, для поразительнаго примѣра невѣрности изображенія, на то, что въ картинкѣ, представляющей битву болгарскаго царя Симеона съ греками (въ «Манассіиной лѣтописи», листъ 172), лѣвый отрядъ нарисованъ такъ, что заднія ноги всѣхъ коней стоятъ на одной и той же горизонтальной плоскости, тогда какъ въ оригиналѣ онѣ являются въ удаляющейся отъ зрителя перспективѣ, такъ какъ образуютъ довольно обширную группу. Подобныхъ искаженій человѣческихъ и лошадиныхъ фигуръ, шлемовъ, копій, стрѣлъ, военныхъ значковъ, одеждъ и т. д.—безчисленное множество.

Къ сожалѣнію, это до сихъ поръ вовсе еще не сознано тѣми, кто занимается болгарскими изслѣдованіями, и даже въ такомъ почтенномъ, заслуживающемъ всякаго

---

[1] *Schlumberger*, Un empereur byzantin au X siècle, Paris, 1890.

[2]) Русскій ученый, принадлежащій къ ордену іезуитовъ.

[3]) *Schlumberger*, p. 343

уваженія болгарскомъ изданіи, какъ печатаемый въ Софіи «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», цѣлый рядъ рисунковъ изъ изданія Шлумбергера (въ томъ числѣ и никуда негодное изображеніе битвы болгарскаго царя Симеона съ греками) были воспроизведены парижскою хромолитографіей и французскими клише, безъ всякаго измѣненія и безъ всякихъ замѣчаній, въ V-мъ томѣ, выпущенномъ въ свѣтъ въ 1891 году. Повидимому, эти рисунки считаются у иныхъ болгарскихъ ученыхъ вполнѣ вѣрными.

Между тѣмъ, одинъ изъ этихъ послѣднихъ, докторъ Гудевъ, напечаталъ въ 1891 году, въ болгарскомъ же «Сборникѣ», подробное описаніе «Манассіиной лѣтописи», по ватиканскому подлиннику, и при этомъ передалъ во всей полнотѣ всѣ тексты, помѣщенные въ болгарской рукописи при картинкахъ ея. Собственно про эти древнія болгарскія иллюстраціи Гудевъ сказалъ: «Картинки, сопровождающія переводъ «Манассіиной лѣтописи», не могутъ равняться по своему искусству съ современною живописью. Для своего времени онѣ были весьма замѣчательны, если взять во вниманіе то, что ихъ мастерилъ «варваръ болгаринъ». Онѣ ни въ чемъ не уступаютъ константинопольскимъ иллюстраціямъ того времени—обстоятельство, говорящее въ пользу того, что это искусство стояло тогда у насъ (у болгаръ) наравнѣ съ византійскимъ. Изображенія эти рисованы красками, но время настолько уничтожило краски, что нѣтъ возможности представить точное факсимиле ихъ первоначальнаго вида. Тѣмъ не менѣе, по тому, что̀ осталось, можно заключить, что они не имѣютъ той важности, какую имъ приписывалъ Маи, который утверждалъ, что «они представляютъ одежду, вооруженіе болгаръ, грековъ, татаръ и русскихъ, такъ какъ всѣ эти народы одѣты одинаково, въ византійскій костюмъ» [1]).

Къ этимъ соображеніямъ примкнулъ профессоръ Пол. Аг. Сырку. Онъ говоритъ: «Рисунки ватиканскаго кодекса представляютъ для насъ интересъ немаловажный, тѣмъ, что они нарисованы, несомнѣнно, болгариномъ, и болгариномъ терновскимъ. Это показываетъ нынѣшнее состояніе самихъ рисунковъ. Очевидно, что живописецъ не умѣлъ хорошо приготовлять крѣпкихъ красокъ, чтобы онѣ могли остаться живыми навсегда. Кромѣ того, по своему исполненію, рисунки невысокаго качества. Кардиналъ Маи находитъ ихъ даже грубыми, хотя онъ признаетъ за ними высокое историческое значеніе именно въ томъ отношеніи, что они «представляютъ обычаи и нравы XIV вѣка, одежду и вооруженіе болгаръ, грековъ, татаръ и русскихъ и вообще домашній бытъ народовъ и способъ веденія войны» (*Mai*, Scriptorum veterum nova collectio. T. V, p. 102). Нужно замѣтить, что переводчикъ точно слѣдовалъ греческому оригиналу, и, по всей вѣроятности, и живописцемъ нѣкоторые рисунки копированы оттуда же...» [2]). «Интересны были бы сцены, гдѣ фигурируютъ русскіе, еслибъ можно было доказать, что ихъ костюмы и типы—историческіе. Къ сожалѣнію, этого въ настоящее время съ увѣренностью сказать нельзя; эти изображенія слишкомъ шаблонны, книжны, слишкомъ византійскаго издѣлія, чтобы могли представлять дѣйствительные типы и костюмы...» [3]).

При разсмотрѣніи всѣхъ этихъ мнѣній получаются слѣдующіе результаты:

а) Далеко не всѣ, высказывавшіеся о миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи», видѣли

[1]) Сборникъ, 1891. Книга VI, стран. 315—316

[2]) *Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Спб., 1890—1899, стр. 427.

[3]) Тамъ же, стр. 426.

ихъ собственными глазами. Иные видѣли только копіи, очень несовершенныя, другіе не видали даже и такихъ копій, а руководствовались только мнѣніями другихъ. Въ общемъ же, миніатюры эти не были подвергнуты разбору подробному и многостороннему, какого требуетъ ихъ разносоставная натура.

б) Всѣ писавшіе о миніатюрахъ этихъ согласны въ томъ, что миніатюры оригиналовъ грубы и неумѣлы по рисунку; д'Азенкуръ и Гудевъ даже называютъ ихъ стиль варварскимъ.

в) Никто, кромѣ Шевырева, не говоритъ про колоритъ миніатюръ. Одинъ Шевыревъ упоминаетъ о «яркости красокъ» въ нихъ.

г) Всѣ писавшіе о миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи» признаютъ ихъ интересными, любопытными; одинъ д'Азенкуръ находитъ многія изъ нихъ «излишними», и это онъ говоритъ не только про «Убіеніе Тиверія», сына Юстиніанова, у дверей храма Богородицы, но даже именно про такія крайне важныя, какъ, наприм., «Крещеніе русскихъ» и «Сраженіе болгаръ съ греками», при болгарскомъ царѣ Симеонѣ.

д) Всѣ писавшіе о миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи» признаютъ, что исполнялъ рисунки «болгаринъ XIV вѣка»; къ этому Сырку прибавляетъ, что это былъ, «несомнѣнно, болгаринъ терновскій».

е) Всѣ писавшіе о миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи» согласны въ происхожденіи рисунковъ этихъ отъ греческихъ образцовъ, такъ что даже д'Азенкуръ, считая ихъ прямо «болгарскими», по ихъ «варварству», все-таки относитъ ихъ, въ своей книгѣ, къ отдѣлу византійскому; Гудевъ находитъ, что они «ни въ чемъ не уступаютъ константинопольскимъ иллюстраціямъ XIV вѣка».

ж) Что касается костюма и вооруженія, то изъ числа писавшихъ объ этихъ миніатюрахъ, одни писатели признавали тожество изображеннаго въ нихъ костюма и вооруженія греческаго съ болгарскимъ, другіе различали ихъ и говорили, что тутъ изображены костюмы и вооруженіе—греческіе *и* болгарскіе (значитъ, находили тутъ и нѣкоторыя разницы). Но всѣ отрицали возможность находить въ этихъ рисункахъ костюмы и оружіе спеціально русскіе. Здѣсь никакихъ отличій отъ костюмовъ и оружія византійскаго и болгарскаго они не встрѣчали. Единственное исключеніе представлялъ Бобровскій, заявившій, не взирая на грубость рисунковъ, что въ миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи» присутствуютъ отдѣльные національные элементы: «болгарскій, греческій, татарскій и русскій».

Мое убѣжденіе таково, что всѣхъ правѣе въ этомъ вопросѣ вышелъ, вслѣдствіе своей истинной славянской натуры, врожденной способности пониманія и долгаго изученія славянства, именно одинъ только Бобровскій. Прочіе же изъ писавшихъ— болѣе или менѣе неправы.

Въ 1842 году Ал. Дм. Чертковъ писалъ, что Императорское Общество Исторіи и Древностей уже опредѣлило напечатать переводъ «Манассіиной лѣтописи». По всей вѣроятности, оно приложило бы и копіи съ рисунковъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые заключаютъ сюжеты собственно русскіе. Можно предполагать, что эти копіи были бы исполнены съ такою же точностью, какою должно было бы отличаться у этого высоко-солиднаго ученаго Общества воспроизведеніе текста. Къ несчастью, этого не случилось. Перевода «Лѣтописи» не было напечатано, а также не появилось и копій съ гравюръ.

Мнѣ удалось, еще 20 лѣтъ тому назадъ, получить наивѣрнѣйшія копіи съ тѣхъ картинокъ «Манассіиной лѣтописи», которыя заключаютъ сюжеты русскіе. Ихъ исполнилъ для меня, по моей просьбѣ, упомянутый здѣсь уже выше художникъ Вильгельмъ Котарбинскій. Онъ выполнилъ эти копіи, въ краскахъ, въ 1880 году, прямо съ оригиналовъ Ватиканской Библіотеки. Я ихъ тщательно провѣрялъ съ этими оригиналами, и могу заявить, что онѣ отличаются тою же совершенною вѣрностью и точностью, какою отличается рисунокъ болгарина-мучителя изъ «Менологія» XI вѣка. Я принесъ эти копіи въ даръ Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ, а ныньче издаю ихъ здѣсь въ краскахъ, въ превосходныхъ и вѣрнѣйшихъ хромолитографіяхъ мастерской А. И. Вильборга (Атласъ, таблицы I, II и III). Къ сожалѣнію, по недостатку времени, мнѣ не удалось въ 1880 году получить копію и съ той 6-й картинки «Манассіиной лѣтописи», которая изображаетъ взятіе города Преславца византійскимъ императоромъ (подпись: «Цимисхии царь прѣжть Прѣславъ». Сюжетъ этой картинки не заключаетъ ничего прямо русскаго, но казалась она мнѣ интересною тѣмъ, что представляетъ нѣсколько болгаръ, быть можетъ, средняго сословія, повидимому «горожанъ», какими, по всей вѣроятности, были во времена около XIV вѣка и русскіе горожане, изображеній которыхъ у насъ нигдѣ нѣтъ налицо. Поэтому я считалъ необходимымъ имѣть, для полноты нужныхъ намъ снимковъ изъ «Манассіиной лѣтописи», также и вѣрную копію въ краскахъ съ этого рисунка. Но, несмотря на всѣ мои старанія, впослѣдствіи, а также и на содѣйствіе бывшаго настоятеля русской посольской церкви въ Римѣ, архимандрита Пимена, мнѣ не удалось получить съ этой картинки копіи въ краскахъ, столько же вѣрной и надежной, какъ тѣ пять, что принадлежатъ теперь Императорской Публичной Библіотекѣ. Мнѣ, поэтому, пришлось довольствоваться копіями, въ контурахъ, съ кальковъ, дѣланныхъ въ 1824—1825 г. Штрандманомъ для графа Н. П. Румянцева и хранимыхъ ныньче въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Москвѣ.

Рисунки, представляемые мною для разныхъ сравненій и подробностей, сняты оттуда же.

3.

Какого происхожденія рисунки «Манассіиной лѣтописи»: греческаго или болгарскаго? Всѣ, говорившіе до сихъ поръ объ этихъ рисункахъ, считаютъ ихъ происхожденія болгарскаго. Мнѣ кажется это совершенно справедливымъ.

Исполнять рисунки въ болгарской рукописи XIV вѣка могъ только либо византіецъ, либо болгаринъ. Никого третьяго не могло быть.

У дунайскихъ болгаръ, тѣхъ, что пришли съ Волги, не было еще искусства. Это былъ народъ дикій, кочевой, и все, чѣмъ они обладали по части художественности, ограничивалось, конечно, украшеніемъ, еще очень первобытнымъ, предметовъ домашняго обихода, костюма, оружія, орудій ежедневнаго употребленія, и въ то же время изображеніемъ грубѣйшихъ предметовъ языческаго культа. Бытовыхъ и историческихъ памятниковъ, прямо доказывающихъ это, въ современной Болгаріи покуда еще нѣтъ на лицо. Археологическихъ раскопокъ въ этой странѣ, въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ, до сихъ поръ почти вовсе еще не было предпринимаемо. Попытки частныхъ лицъ были, покуда, еще рѣдки и не особенно значительны. Лишь очень немногое извѣстно изъ сообщенія чешскихъ археологовъ, братьевъ Шкорпиловъ, работавшихъ, по ихъ словамъ,

съ нѣкоторымъ содѣйствіемъ болгарскаго правительства [1]). И все-таки, то, что до сихъ поръ получено изъ раскопокъ какъ этихъ ученыхъ дѣятелей, такъ и другихъ немногихъ личностей, ограничивается образцами нѣкоторыхъ предметовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка: кремневые кинжалы, ножи и скребки; костяныя и роговыя шила, молотки, инструменты для полировки шкуръ и сосудовъ; каменные долота, топоры, молоты, жернова; глиняныя издѣлія, грузила, посуда; мѣдные и бронзовые сѣкиры, топоры; наконецъ, серебряные браслеты, орнаменты и проч. Но всѣ эти предметы, кромѣ того, что малочисленны,—еще недостаточно изучены, еще не классифицированы и не пріурочены къ мѣсту и времени. Кѣмъ всѣ эти предметы были выработаны, которымъ именно изъ племенъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, иллиро-ѳракійцами ли, или славянами, или собственно болгарами, а также, когда именно – всего этого еще вовсе не опредѣлено съ достаточною удовлетворительностью. Но нѣтъ сомнѣнія, что когда, наконецъ, начнутся основательныя археологическія изслѣдованія и раскопки по Болгаріи, то здѣсь могутъ (и должны, по всей вѣроятности) получиться столь же многочисленные и разнообразные предметы, формы и орнаменты болгарской древности, какъ до-историческихъ, такъ и историческихъ эпохъ, какіе открыты въ Босніи и Герцеговинѣ съ того времени, какъ въ этихъ послѣднихъ двухъ странахъ начались изысканія и раскопки германскихъ, и въ особенности австрійскихъ, археологовъ.

До тѣхъ же поръ, значительною помощью для опредѣленія характера художественно-промышленной дѣятельности (и даже творчества) дунайскихъ болгаръ въ первыя времена ихъ пребыванія на Балканскомъ полуоствовѣ, можетъ служить разсмотрѣніе художественно-промышленной дѣятельности болгаръ волжскихъ, болгаръ Великой Болгаріи.

Какъ тѣ, такъ и другіе болгары принадлежатъ одному и тому же монголоидному племени, заключаютъ въ своихъ произведеніяхъ много родственнаго и тожественнаго. Когда-то, во времена ранняго средневѣковья, всѣ болгарскія племена составляли одно цѣлое, но около V-го вѣка по Р. Хр. они раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ ордъ или группъ, разошлись въ разныя стороны, и у каждой изъ нихъ, съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ разнообразія мѣстностей, климатовъ, международныхъ соприкосновеній, образовался свой особый характеръ и народный колоритъ, своя физіономія, и—своя особая исторія. Такимъ образомъ, великая разница существуетъ въ характерѣ, народной физіономіи, стремленіяхъ и творческой дѣятельности болгаръ Великой или Бѣлой Болгаріи (на Волгѣ) и болгаръ Малой или Черной Болгаріи (на Дунаѣ). Болгары Великой Болгаріи оставили язычество и перешли въ мусульманство въ X вѣкѣ; болгары Малой Болгаріи покинули язычество и перешли въ христіанство гораздо ранѣе, въ IX вѣкѣ. Первые—подъ вліяніемъ арабовъ (начавшимся еще въ VII вѣкѣ) и тюрковъ, вторые—подъ вліяніемъ славянъ и византійцевъ. Первые, на своихъ волжскихъ мѣстностяхъ, были долго и постоянно окружены народностями финскими и тюркскими, вторые—славянскими и византійскими. По описанію восточныхъ путешественниковъ (начиная съ X вѣка), и русскихъ лѣтописей болгары Великой Болгаріи были народъ «смѣтливый и смышленый, склонный, къ торговлѣ, земледѣлію и промышленности; войны избѣгали, чаще терпѣли отъ грабежа сосѣдей, чѣмъ грабили сами, и если старались занять какой-нибудь городъ, то исключительно въ видахъ торговли, какъ выгодный торговый пунктъ, а не съ цѣлью

[1]) *В. Шкорпилъ*, Доисторическіе памятники Болгаріи. Одесса, 1896. Стр. 3.

грабежа. Да и въ этомъ случаѣ дѣйствовали не насиліемъ, огнемъ и кровопролитіемъ, а лестью» [1]. Болгары Малой (Дунайской) Болгаріи были, напротивъ того, всего болѣе наполнены духомъ злобы и звѣрства, войны и насилія, нападеній, битвъ и грабежей, и вся ихъ исторія наполнена безчисленными подробностями проявленія этого духа и натуры. Они постоянно заняты были все только войной, для собственныхъ своихъ цѣлей, или по найму отъ сосѣдей, византійцевъ и славянъ. Ни земледѣліе, ни промышленность, ни торговля—не были ихъ отличительною народною чертою.

Варварство было до такой степени въ ихъ характерныхъ нравахъ, что даже въ IX вѣкѣ, наканунѣ принятія христіанства, они пили вино изъ череповъ побѣжденныхъ непріятелей—ничего подобнаго неизвѣстно у болгаръ Великой Болгаріи.

Но, не взирая на такія коренныя различія, и тѣ, и другія болгары сохранили много одинакихъ, однородныхъ чертъ первоначальнаго своего племени. Такимъ образомъ, и тѣ, и другіе, были по преимуществу—*конники* (а не *пѣшіе*, какъ финны), водили табуны коней, ѣли конину, пили кумысъ, и въ религіи имѣли *культъ коня*, такъ что не только въ свои языческія времена, но даже и послѣ принятія христіанства, всѣ ихъ рисованные, гравированные, литые, чеканные, вырѣзные орнаменты и фигуры—по преимуществу наполнены изображеніемъ *коня* и *коней*. Къ характернымъ особенностямъ ихъ костюма всегда принадлежали, какъ на Волгѣ, такъ и на Дунаѣ,—высокіе сапоги конниковъ [2]. Все это были черты, указывавшія на древнѣйшія азіатско-тюркскія вліянія, присоединявшія къ коренымъ монголоидно-финскимъ основамъ народности. Эти главныя черты народнаго характера и настроенія вполнѣ выразились въ творчествѣ болгаръ Великой (Волжской) Болгаріи; надо полагать, несомнѣнно онѣ выражались, какъ можно судить по многимъ признакамъ и предметамъ христіанскаго времени,—о чемъ ниже—и въ Малой (Дунайской) Болгаріи. Нынче, на основаніи множества раскопокъ города «Булгары» и въ его окрестностяхъ, извѣстно, какъ много замѣчательнаго и разнообразнаго способна была Великая Болгарія сравнительно поздно производить по части художественно-промышленной изъ камня, бронзы, желѣза, кости, дерева, даже золота и серебра [3]. Изъ всего этого мы уже и теперь находимъ нѣчто въ Дунайской Болгаріи, какъ было выше указано.

По всему этому мы имѣемъ, кажется, неоспоримое право брать себѣ на помощь, при изученіи древнихъ болгаръ Малой (Дунайской) Болгаріи древніе бытовые памятники болгаръ Великой Болгаріи.

Ни у тѣхъ, ни у другихъ, искусства въ собственномъ смыслѣ еще не существовало въ первыя столѣтія ихъ осѣдлости на Волгѣ и на Дунаѣ. У первыхъ архитектура началась лишь съ X вѣка (прямое вліяніе мусульманское), у вторыхъ—лишь немногимъ, должно быть, ранѣе XI вѣка, т.-е. довольно долго спустя послѣ принятія христіанства. О живописи и скульптурѣ у тѣхъ и другихъ тоже долго не было помина. У первыхъ—не существовало монеты до X вѣка [4], у вторыхъ—ранѣе XI вѣка [5]; подати платились,

[1] *А. Ѳ. Лихачевъ*, Бытовые памятники Великой Булгаріи, Спб., 1876, стр. 339, 40. Полно есобраніе русскихъ лѣтописей, т. VII. стр. 126

[2] Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 36 (слова Добрыни великому князю Владиміру).—*Лихачевъ*, стр. 6.

[3] *Лихачевъ*, стр. 5—7, и затѣмъ подробно: 13—35.

[4] *Frähn*, Drei Münzen der Wolga-Bulgaren, Mémoires de l'Acad. des Sciences de St. Pétersbourg, VI série, sc. polit, t. I.—*Лихачевъ*, стр. 46.

[5] *Иречекъ*, стр. 530.

даже еще при царѣ Самуилѣ (977—1014 гг.), натуральными продуктами: просомъ, пшеницей, виномъ, и когда, даже гораздо позже, сборщики податей хотѣли переложить натуральную подать на византійскія деньги, то разразилось даже возмущеніе [1]).

И такъ, многіе факты свидѣтельствуютъ о долгомъ отсутствіи художественнаго творчества у болгаръ Малой (Дунайской Болгаріи. Но еще съ VII вѣка началось здѣсь сліяніе болгарскихъ пришельцевъ со славянскими племенами Балканскаго полуострова, и «было достаточно, говоритъ Иречекъ, 250-ти лѣтъ для смѣшенія господствующаго народа (болгарскаго) съ подчиненнымъ (славянскимъ). Господствующій народъ, финскіе болгаре, соединивъ всѣ славянскія племена въ одно могущественное государство, хотя и перенялъ ихъ языкъ и нравы, но передалъ свое названіе подчиненнымъ славянскимъ областямъ» [2]).

Любопытнымъ фактомъ, при этомъ смѣшеніи двухъ племенъ, является то, что какіе ни варвары были пришельцы болгары, какіе ни свирѣпые дикари, но уже начали обращать вниманіе на созданія болѣе цивилизованныхъ народовъ, встрѣченныхъ ими на Балканскомъ полуостровѣ, и понимали, что ихъ можно и должно цѣнить. Болгарскій князь Крумъ, тотъ самый язычникъ, что въ IX вѣкѣ пилъ «здравицу» изъ черепа побѣжденнаго врага и сидѣлъ на землѣ, поджавъ подъ себя ноги по-азіатски, повезъ съ собою въ Болгарію, изъ побѣжденнаго Царьграда, мѣднаго льва, украшавшаго константинопольскій циркъ, гидрійскаго дракона и лучшія изъ мраморныхъ изваяній, которыми были украшены окрестности Царьграда [3]). Тѣмъ легче, безъ сомнѣнія, усваивали себѣ эти монголоиды-болгаре все болѣе культурное, славянское, что̀ не было еще ничуть классическимъ, высоко-идеальнымъ и условнымъ, какъ у византійцевъ, и что̀, значитъ, скорѣе подходило къ ихъ простымъ, естественнымъ народнымъ вкусамъ, привычкамъ и понятіямъ.

Когда же, послѣ принятія христіанства, Дунайской Болгаріи понадобились церкви, живопись для церковныхъ стѣнъ, миніатюры и рисунки для богослужебныхъ и свѣтскихъ книгъ,—все это было принято (какъ впослѣдствіи и Россіею) изъ Византіи. Въ настоящее время мы знаемъ, на основаніи множества примѣровъ, что въ орнаментаціи болгарскихъ церковныхъ рукописей является не одинъ только элементъ византійскій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣсно соединенный съ нимъ элементъ національный, славяно-болгарскій, въ фигурахъ линейныхъ, геометрическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ [4]). Такъ точно, такое же смѣшеніе двухъ національностей, двухъ разнородныхъ элементовъ мы встрѣчаемъ и въ рисункахъ, содержащихъ человѣческія фигуры и представляющихъ сцены изъ человѣческой жизни и исторіи. Въ особенности это относится къ рисункамъ, украшающимъ «Манассіину лѣтопись». Если никто не сомнѣвается въ томъ, что разнообразнѣйшія, многочисленныя заставки, заглавныя буквы и разнообразные орнаменты въ болгарскихъ евангеліяхъ, апостолахъ, псалтыряхъ, стихираряхъ и прочихъ богослужебныхъ книгахъ, рисованы болгарскими рисовальщиками (всего чаще монахами, попами и дьяками), точно такъ же, какъ самый текстъ писанъ въ этихъ рукописяхъ, на болгарскомъ языкѣ, болгарскими писцами (тоже монахами, попами и дьяками),—то нельзя сомнѣваться и въ томъ, что разнообразныя сцены изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ древней и новой исторіи

[1]) Тамъ же, стр. 528.
[2]) Тамъ же, стр. 168.
[3]) *Гильфердингъ*, Исторія сербовъ и болгаръ. Спб. 1868, стр. 40.
[4]) *Стасовъ*, Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ. Спб., 1887, отдѣлъ болгарскій, таблицы I—XIII.

рисованы въ «свѣтскихъ» рукописяхъ, и особенно въ «Манассіиной лѣтописи», собственно рисовальщиками болгарскими, въ одно и то же время съ болгарскими писцами, писавшими болгарскій текстъ этихъ рукописей. Національный элементъ, со всѣмъ множествомъ его разнообразныхъ подробностей, занимаетъ вездѣ здѣсь слишкомъ видную и характерную роль.

Уже самое происхожденіе и составъ этой рукописи довольно убѣдительно указываютъ на исполненіе ея рисунковъ болгарскою рукою. Первоначальное сочиненіе и и написаніе «Лѣтописи» произошло въ XII столѣтіи. Должно быть, она очень славилась впродолженіи слѣдующихъ двухъ столѣтій, коль скоро ея оригиналъ и его болгарскій переводъ извѣстны теперь въ нѣсколькихъ спискахъ, и коль скоро болгарскій царь Іоаннъ-Александръ не только пожелалъ имѣть ея переводъ, притомъ въ видѣ великолѣпно исполненнаго и иллюстрированнаго экземпляра ея, но велѣлъ изобразить, на І-мъ листѣ сочиненія—греческаго автора, Константина Манассію, съ золотымъ ореоломъ вокругъ головы, какъ это дѣлалось на фрескахъ и миніатюрахъ только для святыхъ, царей и знаменитѣйшихъ личностей.

Но какъ ни прославлена и какъ ни пріятна была эта поэма Манассіи болгарскому царю и его переводчику, но все-таки они не были еще, повидимому, вполнѣ довольны ею и рѣшили прибавить туда многое такое, чего тамъ не было и что̀ спеціально касалось Болгаріи. Поэтому и были прибавлены къ стихотворной поэмѣ, въ ея переводѣ на болгарскую прозу, цѣлыхъ 26 новыхъ вставокъ [1]). Эти вставки были та̀къ важны и интересны царю и его литератору, что онѣ написаны въ ватиканской рукописи яркою и блестящею киноварью. П. А. Сырку говоритъ, что эти вставки взяты изъ старинныхъ болгарскихъ лѣтописей, нынѣ уже болѣе неизвѣстныхъ [2]). Въ общемъ же, А. Д. Чертковъ замѣчаетъ, что ватиканскій экземпляръ «Манассіиной лѣтописи» былъ сдѣланъ на славу, какъ нынѣшнія наши éditions illustrées, т.-е. на пергаментѣ и съ множествомъ раскрашенныхъ изображеній, изъ которыхъ многія не принадлежатъ къ тексту Манассіи—это, видимо, украшенія позднѣйшихъ переписчиковъ» [3]). Профессоръ Сырку говоритъ, что переводчикъ точно слѣдовалъ оригиналу, и «по всей вѣроятности и живописцемъ нѣкоторые рисунки скопированы оттуда же» [4]). Но это невѣрно. Совершенно наоборотъ, для такого факта не представляется никакого вѣроятія: для *новыхъ* вставокъ, конечно, нужны были и сдѣланы были *новые* рисунки, а между этими *новыми* рисунками и *старыми*, будто бы скопированными съ византійскихъ оригиналовъ, нельзя замѣтить никакой разницы. И тѣ, и другіе—совершенно одного и того же пошиба и стиля. Каждый рисунокъ изъ *болгарскихъ* вставокъ представляетъ собою точный pendant то къ одному, то къ нѣсколькимъ рисункамъ, украшающимъ текстъ, переводный съ *греческаго*. Значитъ, *всѣ* рисунки—новые, и всѣ сочинены и исполнены въ XIV вѣкѣ.

Далѣе, обратимъ еще вниманіе и на то, что всѣ главныя картинки «Лѣтописи» посвящены содержанію спеціально болгарскому, и потому всѣ имѣютъ самые большіе размѣры, во всю страницу рукописи, тогда какъ всѣ менѣе главныя картинки занимаютъ только половину или четверть страницы оригинала. Таковы, вначалѣ: «Болгарскій царь Іоаннъ-

[1]) Онѣ подробно перечислены въ статьяхъ: Шевырева, Востокова и Гудева.

[2]) *Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи, стр. 422

[3]) *Чертковъ*, О „Манассіиной лѣтописи“, стр. 14.

[4]) *Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи, стр. 427.

Александръ, во весь ростъ, стоящій среди Іисуса Христа и автора Манассіи»; «Смерть его сына, царевича Іоанна-Асѣня»; въ концѣ: «Болгарскій (древній) князь Крумъ пьетъ здравицу изъ обдѣланнаго въ серебро черепа побѣжденнаго имъ византійскаго царя Никифора»; «Царь Іоаннъ-Александръ съ тремя сыновьями своими»—все большія картинки. Сверхъ того, болгарскій рисовальщикъ до того наполненъ былъ идеею о необходимости наибольшаго «болгарства» въ книгѣ, назначенной для такого царя-націоналиста, какимъ былъ Іоаннъ-Александръ, что въ томъ мѣстѣ текста, гдѣ говорится: «И хранителя приставѣ еговоу царству еже въ синклитѣ пръвыя и мѫдрѣишѧ», онъ представилъ царя Давида, во весь ростъ, съ хартіей въ рукахъ, на которой написано: «Господи силоѫ твоеѫ», а рядомъ съ нимъ царя Іоанна-Александра, надъ которымъ ангелъ держитъ корону (л. 91). Востоковъ недоумѣвалъ: «неизвѣстно, по какому поводу,—говоритъ онъ,—писецъ вставилъ здѣсь изображеніе царя болгарскаго» [1]),—но этотъ рисунокъ легко объясняется крайнимъ патріотическимъ настроеніемъ рисовальщика-болгарина и поднесеніемъ царю великолѣпной, нарочно изготовленной для него книги.

Наконецъ, не надо забывать и того, что, въ серединѣ XIV столѣтія, отношенія между Болгаріей и Византіей были такъ враждебны, что въ 60-хъ годахъ перешли въ войну. «Ко всѣмъ тогдашнимъ бѣдствіямъ (нашествіе турокъ, внутренніе раздоры) присоединилась еще, въ 1363 году, по неизвѣстной причинѣ, война между болгарами и греками [2]). При такихъ обстоятельствахъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что болгарскій царь, заказывая переводъ, на свой отечественный языкъ, интересной для него и любимой имъ греческой поэмы, велѣлъ болгарскимъ писателямъ и художникамъ прибавить туда цѣлую массу своего, болгарскаго элемента. Предположить же вызовъ къ себѣ, въ Болгарію, вражескихъ, въ это время, византійскихъ художниковъ—мудрено.

4.

Повидимому, всѣ писавшіе о миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи» полагали, что онѣ были исполнены, отъ первой до послѣдней, *однимъ* и тѣмъ же рисовальщикомъ (подобно тому, какъ признается, что весь текстъ ея написанъ *однимъ* и тѣмъ же писцомъ). Но съ этимъ нельзя согласиться. Есть налицо факты, доказывающіе, что рисовальщиковъ было *нѣсколько*.

«Менологій» Василія II, XI вѣка, былъ иллюстрированъ восемью придворными рисовальщиками, подписавшими свои имена подъ рисунками. Разница ихъ способностей и работы опредѣлена съ достаточною точностью [3]). На рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» не стоитъ никакихъ именъ художниковъ, но разница способностей, знанія, вкусовъ и умѣлости у разныхъ рисовальщиковъ этой рукописи достаточно сама за себя говоритъ и представляется вполнѣ ясною.

Всего болѣе бросается въ глаза рисунокъ человѣческихъ фигуръ и ихъ размѣры. Въ иныхъ фигурахъ рисунокъ гораздо лучше прочихъ, въ другихъ—гораздо хуже прочихъ. Въ однѣхъ фигурахъ размѣры необыкновенно удлинненные, въ другихъ—необыкновенно укороченные, въ третьихъ—они представляются средними и умѣренными. Однѣ фигуры являются тощими, черезчуръ сухими, другія—плотными, коренастыми,

[1]) *Востоковъ*, Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музея, стр. 388.

[2]) *Иречекъ*, стр. 423.

[3]) *Labarte*, Histoire des arts industriels, vol. III, p. 62. *Кондаковъ*, Исторія византійскаго искусства, стр. 207.

приземистыми. Трудно представить себѣ, чтобы одинъ и тотъ же рисовальщикъ изображалъ свои фигуры на нѣсколько совершенно разныхъ манеровъ. Безъ сомнѣнія, даже и самый посредственный или плохой художникъ можетъ заботиться о передачѣ того различнаго сложенія у изображаемыхъ имъ личностей, какое всегда существуетъ въ природѣ; но, въ такомъ случаѣ, у него эта разница будетъ выражаться въ каждой отдѣльной картинкѣ: однѣ личности явятся у него тутъ выше, другія — ниже ростомъ, однѣ тоньше, другія толще, однѣ болѣе, другія менѣе стройными. Но если передъ нами будетъ нѣсколько картинокъ, изъ которыхъ въ одной всѣ лица одного и того же длиннаго склада, а въ другой—всѣ лица одного и того же короткаго склада и т. д., то мы принуждены придти къ заключенію, что тутъ передъ нами не разнообразіе природы, а разнообразіе художественныхъ вкусовъ, понятій и привычекъ то того, то другого художника.

Я не имѣлъ возможности въ настоящее время произвести въ Римѣ, на подлинномъ оригиналѣ «Манассіиной лѣтописи», тѣ измѣренія, которыя мнѣ казались нужными, и долженъ былъ довольствоваться произведеніемъ измѣреній этихъ на копіяхъ Штрандмана: экземпляръ Румянцовскаго музея былъ на нѣсколько времени обязательно доставленъ, для меня, въ Императорскую С.-Петербургскую Публичную Библіотеку. Полагаю, что для подобныхъ измѣреній копіи Штрандмана были вполнѣ достаточны, такъ какъ онѣ тщательно выполнены посредствомъ калькъ съ оригиналовъ, на прозрачной бумагѣ. На счетъ общихъ размѣровъ фигуры, кальки всего менѣе могутъ фальшивить.

Мои измѣренія были сдѣланы циркулемъ, принимая, въ каждой картинкѣ, за основаніе, размѣръ головы каждой изъ измѣряемыхъ главныхъ фигуръ.

№ листа въ Ватиканской рукописи.	№ листа въ рукописи Румянцовскаго Музея	Форматъ рисунка.	Содержаніе рисунка и надписи на оригиналѣ *).	Количество головъ въ главныхъ фигурахъ рисунка
	Тетрадь I.			
1 обор.	XIII	въ л.	Іѡанъ Алеѯандръ.—Ī. Х̄.—Манасии . . .	Царь и Христосъ: 8 1/2; Манассія: 8 1/4
2	XV	въ л.	[Смерть царевича Іоанна Асѣня].	священникъ: 8 3/4; ангелъ и воинъ: 8 1/2
2 обор.	XIX	въ л.	[Царевичъ у Христа въ раю].	ангелы: 7 1/4
7	XXXIII	1/2 л.	[Сотвореніе Адама]	7 1/2
10	XLI	1/2	[Адамъ и Евва въ раю]	7 1/2
11	XLIII	1/2	[Изгнаніе изъ рая]	Христосъ: 7 1/2; проч. личности: 7 1/4
14	LIII	1/2	[Ноевъ ковчегъ]	7 1/2
15	LVII	1/2	Стольпотвореніе	7 1/2

*) Надписи во всей ихъ полнотѣ напечатаны г. Гудевымъ.

№ листа въ Ватиканской рукописи.	№ листа въ рукописи Румянцовскаго Музея.	Форматъ рисунка.	Содержаніе рисунка и надписи на оригиналѣ.	Количество головъ въ главныхъ фигурахъ рисунка.
18	LXXI	1/2 л.	Цр҇тво Сарданапала	царица: 7; проч. личности: 8 1/4
20 обор.	LXXIX	1/3	Асиріане и Халдеапе и Перси и Мидѣне . .	7
24 обор.	XCVII	1/2	О цр҇тви Лидстѣмъ	8
27	CIX	1/2	Цр҇тво Александр Македѡнскаго	9
	Тетрадь II.			
28 обор.	CXIV	1/2	Алеѯандръ Македон.—Птолемей	7 1/2
29	CXIX	1/2	Цр҇ца Клеопатра.—Цр҇ь Филопонъ	9
32 обор.	CXXXV	1/2	Иисусъ Навинъ.—Моисей	Навинъ: Моисей: } 7 1/2
40	CLXVII	1/3	Алеѯандръ.—Елена (стерто).	
41	CLXIX		Рать Троа града.	7
		1/2	[Сраженіе].	
		1/2	[Сраженіе].	
41 обор.	CLXXIII		Прѣѧтие тѡгѡ града (стерто).	
	Тетрадь VI.			
62	1	1/3	О Еленѣ	около 7
62 обор.	2	1/2	Корабле.—Саракине.	6 1/2
		1/2	Троа градъ.	5 1/2
67 обор.	3	1/2	Царь Ромилъ.	Царь: 8 1/2; женщина: 8 1/4
68	4	1/3	Римъ градъ.—Цр҇тво Таркініево	около 7
75 обор.	5	1/3	Пилатъ.—Распятіе	Христосъ: 8 1/2; Іоаннъ и Богоматерь: около 8
76 обор.	6	1/2	Сошествіе во адъ.—Тиверие	Магдалина 7 1/4; женщина: 10
80	7	1/2	Црь Дометіанъ.—Клавдие.—Нерон.—Титъ.—Галвие	8
82 обор.	8	1/2	Цр҇ь Марко.—Цр҇ь Андонишь	6 1/2
83 обор.	9	1/3	Цр҇ь Комодъ.—Цр҇ь Пертинаѯъ.—Цр҇ь Иулианъ.	7 1/2

№ листа въ Ватиканской рукописи.	№ листа въ рукописи Румянцовскаго Музея.	Форматъ рисунка.	Содержаніе рисунка и надписи на оригиналѣ.	Количество головъ въ главныхъ фигурахъ рисунка.
84	10	1/2 л.	Црь Андонинъ. — Каракалъ.—Црь Севиръ	6 1/2; 6 3/4
85	11	1/2	Диоклитіанъ.-Мазиміанъ	7 1/2
86 обор.	12	1/2	Соборъ а҃.—Црь Костадинъ	6 1/2; 7 1/2
89	13	1/3	Ѹлианъ. — Иувианъ. — Ѹалъ. — Гратианъ. Ѹалентініанъ.—Ѳеодосіе.	7 1/2
90 обор.	14	1/3	Аркадие.—Онорие.—Ѳеодосие Малый	7 3/4; 7 1/2
91 обор.	15	1/2	Іѡ Алеѯандръ црь.—Двдъ пророкъ	царь: 6 1/2; Давидъ: 7 1/2
96 обор.	16	1/2	Ѳеодосие црь	царь: 7 1/2; царица: 8 1/4
100	17	1/2	Црь Маркіанъ.—Црь Леонтъ Великый	Маркіанъ: 9 1/2; Леонтъ: 8
102 обор.	18	1/3	Зинонъ црь.—Анастаси	Зинонъ: 6 1/2; Анаст.: 7
105	19	1/2	Црь Анастасие	царь и воинъ: 7 1/2; остальн.: 7
109 обор.	20	1/2	Црь Іоустиниан. —Св. Софіа	9
113 обор.	21	1/3	Іустинъ Малый	6 1/2; 7 1/2
117	22	1/2	Тиверіе црь.—Маврикіе црь. — Цртво Фокы мтелѣ	царь: 7 1/2; воинъ: 8; прочіе: 6 1/2
118	23	1/2	Фока мтель	царь: 7 1/2; войско: 6
122	24	1/2	Перси ръвжтъ Цриградъ	5
122 обор.	25	1/2	Црь Ираклие прѣдаетъ цриградци и ѿходи на Персы	царь верхомъ: 6; царь у образа: 8
123 обор.	26	1/2	Цртво Констино сна Костандинова; Црь Конста	воины: 9; царь: 8
124	27	1/2	При Костандинѣ брадатѣмъ бы стый ѕ҃ съборъ.	царь и народъ: 7
131	28	1/2	Филипикъ црь убиваетъ Тиверіа	царь: 7 1/2; воины: 7

№ листа въ Ватиканской рукописи.	№ листа въ рукописи Румянцовскаго Музея.	Форматъ рисунка.	Содержаніе рисунка и надписи на оригиналѣ.	Количество головъ въ главныхъ фигурахъ рисунка.
136 обор.	29	1/2 л.	При семъ Львѣ цр̃и Коумане нападошѫ и внидошѫ на Цр̃иградъ	царь: 7 1/2 воины: 7
139	30	1/2	Цр̃ъ Копронимъ иконоборецъ	царь: 7 воины: 6
143	31	1/3	С̃тый з̃ съборъ.—Цр̃тво Никифора Геника. .	царь: 8 прочіе: 6
145	32	1/2 1/2	Никифоръ цр̃ъ идетъ на блъгары.	войско: 6 князь Крумъ и его воины: 9
145 обор.	33	въ л.	Крумъ кнѧзъ окова главѫ Никифора цр̃ѣ и напиватъ здравицѫ бл̃гаромь	Крумъ и слуга: 8
146	34	1/2	Рать Крума кнѧза	6
147	35	1/3	Цр̃тво Льва Арменина	оба войска: 6 и 6 1/2
148 обор.	36	1/3	Львъ Арменинь разби Крума	оба войска: 6 и 6 1/2
150	37	1/3	Цр̃ство Өеофила цр̃ѣ.	оба войска: 6 и 6 1/2
155 обор.	38	1/2	Өеофилъ цр̃ъ.—Цр̃ство Михаилова сн̃а Өеофилова.	7
163 обор.	39	1/2	Кр̃щение блъгарамъ.	7 1/2 и 8
166 обор.	40	1/2	Кр̃щение роусом.	6 1/2 и 7
168	41	1/2	Льва цр̃ѣ удари ꙋꙋды.—Кꙋмане	6
172	42	1/2	При семъ Костандинѣ цр̃и Сімеѡнъ цр̃ъ блгарскыи вьниде... вь Цариградъ	5 и 6
174	43	1/2	Цр̃ство Кѡстандина Багрѣнорѡднаго сн̃а Львова.	6
	Тетрадь III.			
175	185	1/3	Зде ꙋмрѣт Симеѡнъ цр̃ъ Бл̃гаромъ и ослѣпи єі хиліадъ болгаръ	7 1/2
178	197	1/2 1/2	Рускы плѣн на блъгары	7 и 7 1/2
179	199	1/2	Плѣнъ Рускы.	7 и 7 1/2
		1/2	Идѫт вь Дръстръ.	7 и 7 1/2
183	217	1/2	Цимисхии цр̃ъ прѣѧть Прѣславъ. . . .	7 и 7 1/2
		1/2	Василіе цр̃ъ прѣѧть Плискѫ	7 и 7 1/2

№ листа въ Ватиканской рукописи.	№ листа въ рукописи Румянцовскаго Музея.	Форматъ рисунка.	Содержаніе рисунка и надписи на оригиналѣ.	Количество головъ въ главныхъ фигурахъ рисунка.
183 обор.	219	$^1/_2$ л.	Василіе цр҃ь разби Самоила цр҃ѣ блгаром . .	$7^1/_4$
		$^1/_2$	Самоилъ цр҃ъ... отъ ѧда умрѣтъ	$7^1/_4$
	Тетрадь IV.			
188 обор.	239	$^1/_2$	Михаилъ цр҃ь убитъ Романа Аргіропуло. . .	$7^1\ 2$
	Тетрадь V.			
204	288	—	Црь Мх҃илъ Пефлаго҃.—цр҃ Кѻ҃нтинъ Мономахъ. Комнѣ҃ цр҃ иса.—Мх҃илъ цр҃ь старецъ.—Кстаⷮдинъ Дука цр.—Цр҃ Мх҃илъ сн҃ъ Дучи҃—Ромⷩъ Діогенъ цр.—Никифоръ цр҃ь Вотаниіота . .	$6^1/_2$ и 7
205	291	въ л.	Іѡ҃ Алеѯандр.—Іѡ҃ Асѣ҃ь цр.—Аг҃гел Гн҃ъ.—Мх҃иль цр҃ъ.—Іѡ҃ Срамⷪ҇и цр҃.	царь: $8^3/_4$ сынъ: $9^1/_4$ другой сынъ: $8^3/_4$ ангелъ: —

Такимъ образомъ, размѣры фигуръ колеблятся здѣсь между 10-ю и 5-ю головами—разница огромная! Она представляетъ такія крайности, что меньшія фигуры могутъ считаться приземистыми карликами въ сравненіи со своею противоположностью, тощими, вытянутыми въ струнку великанами. Трудно представить себѣ, чтобы такія несообразности представлялъ, въ рядѣ своихъ композицій, все одинъ и тотъ же рисовальщикъ. Навѣрное, каждый былъ послѣдовательнѣе и выражалъ свои вкусы, взгляды, понятія и художественныя привычки относительно изображенія пропорцій человѣческаго тѣла—на одинъ постоянный манеръ, а не безразлично, какъ-то капризно и апатично—на нѣсколько. И потому приходится остановиться на томъ, что эти миніатюры дѣланы никакъ не однимъ, а непремѣнно нѣсколькими рисовальщиками.

Мнѣ кажется, разнообразныя группы этихъ рисовальщиковъ очень легко отдѣляются одна отъ другой замѣтными признаками и назначеніемъ со стороны заказчика или распорядителя работъ.

Одному художнику поручена была та часть, которая, повидимому, казалась всѣмъ самою главною и самою важною: это изображеніе заказчика, царя Іоанна-Александра, и всего, до него непосредственно касавшагося. Это были, такъ сказать, *историческія картины изъ современнаго царствованія.* И потому, онѣ особенно отличаются красками съ золотомъ,—роскошью, цвѣтистостью. Вездѣ все только изображены золотыя одежды и драгоцѣнные каменья, роскошныя матеріи и уборы. Сюда относятся картины (уже выше мною упомянутыя): 1) «Іоаннъ-Александръ среди Христа и Манассіи» (листъ 1 обор.); 2) «Смерть царевича Іоанна Асѣня» (листъ 2); 3) «Вступленіе этого царевича къ Христу въ

рай» (листъ 2 об.); 4) «Царь Іоаннъ съ тремя своими сыновьями» (листъ 205). Но къ этимъ «придворнымъ церемоніальнымъ картинамъ» присоединяется еще одна: это—громадное торжество и побѣда древнихъ болгаръ надъ ихъ всегдашними заклятыми врагами, византійцами, въ 811 году, и торжество такое рѣшительное, что древній болгаринъ, дикарь князь Крумъ, пилъ здравицу болгарамъ изъ черепа, обдѣланнаго въ серебро, византійскаго императора Никифора (листъ 145 обор.). Всѣ эти картины, самаго большого размѣра въ рукописи, въ листъ, представляютъ свои дѣйствующія лица то въ обыкновенныхъ нормальныхъ размѣрахъ въ 8 головъ, то въ удлиненныхъ, вытянутыхъ размѣрахъ въ $8^3/_4$, 9, $9^1/_4$, почти $9^1/_2$ головъ, любимыхъ византійскими художниками XIII и XIV вѣковъ. Рисунокъ этихъ фигуръ, сравнительно недурной, особенно въ лицахъ, довольно удовлетворительно нарисованныхъ, представляетъ многочисленныя и разнообразныя, тонко исполненныя подробности роскошнаго костюма болгарскихъ царей, царевичей и аристократовъ, богатую и сложную архитектуру (л. 2 об., «Смерть Іоанна Асѣня» и л. 145 обор., «Пиръ Крума»), иногда фонъ изъ густой листвы (л. 3, «Іоаннъ Асѣнь въ раю»), но все портятъ черезъ чуръ удлиненныя пропорціи.

Другую группу составляютъ картинки, изображающія царей древне-восточныхъ, римскихъ и византійскихъ и событія ихъ времени; сверхъ того, очень немногія сцены изъ Библіи и Евангелія. Здѣсь всѣ картинки—размѣромъ въ поллиста, и, лишь въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній—въ треть листа. Сюда относятся, въ $^1/_2$ листа, картинки на листахъ: 10, 11, 14, 15, 24 обор., 28 обор., 32 обор., 66 обор., 68, 76 обор., 80, 82 обор., 83 обор., 84, 85, 86 обор., 90 обор., 96 обор., 100, 102, 105, 109 обор., 117, 118, 122 обор., 123 обор,, 124, 131, 139, 155 обор., 163 обор., 166 обор., 174, 188; въ $^1/_3$ листа картинки на листахъ: 19 обор., 40, 62 обор., 67 обор., 76, 83 обор., 113 обор., 143, 174, 175. Пропорціи тѣла колеблются между размѣрами менѣе нормальныхъ, въ 6 и 7, головъ, и доходятъ иногда до нормальныхъ размѣровъ въ $7^1/_2$, иногда въ 8 головъ, а въ видѣ рѣдкихъ, особенныхъ исключеній даже до 9 и $9^1/_2$ головъ. Замѣтимъ при этомъ, что бо̀льшими размѣрами почти всегда отличаются главныя дѣйствующія лица главнѣйшихъ сценъ. Наприм., на картинкѣ листъ 27: «Царство Александра Македонскаго», фигуры царей Камбиза, Гигія и Дарія—въ 9 головъ; на картинкѣ листъ 29: Царица Клеопатра и царь Филопоменъ—въ 9 головъ; на картинкѣ № 67 Царь Ромилъ (Ромулъ)—фигуры въ $8^1/_2$ и $8^1/_4$ головъ; въ № 76 обор.: «Христосъ, Іоаннъ и Богоматерь», фигуры въ 8 и $8^1/_2$ головъ; въ «Сошествіи въ адъ», на листѣ № 77 обор., одна женщина въ 10 головъ; на листѣ № 100 Царь Маркіанъ въ $9^1/_2$ головъ; на листѣ 109 обор. царь Юстиніанъ—въ 9 головъ; на листѣ 122 царь Ираклій—въ 8 головъ; на листѣ 143 «VII-й соборъ» царь въ 8 головъ; на листѣ 164, «Крещеніе болгаръ», всѣ почти личности въ 8 головъ (тогда какъ на листѣ 166 обор., «Крещеніе Роусомъ», повидимому, уже менѣе интересномъ для болгаръ, всѣ фигуры представлены въ $6^1/_2$ и 7 головъ, какъ большинство остальныхъ фигуръ этой группы). Сцены второй группы изображаютъ событія съ дѣйствующими лицами изъ очень разнообразныхъ народностей и самыхъ разнообразныхъ сословій. Тутъ есть и византійцы, и болгаре, и русскіе, и персы, и кумане и другіе; есть и цари, и народъ, и войско, и православные священники, и еретики, и слуги, и рабочіе. Эти столько разнообразныя фигуры отличаются, въ физическомъ отношеніи, довольно удовлетворительною пропорціональностью, въ душевномъ отношеніи—выразительностью, подвижностью, разнообразіемъ позъ и движеній, иногда даже извѣстною патетичностью, что̀ все совершенно отличается отъ оффиціальной парадности,

церемоніальной неподвижности фигуръ и сценъ первой группы. Такъ, наприм., на картинкѣ № 75 обор., «Распятія», одна изъ присутствующихъ св. женъ въ отчаяніи трагически рветъ на себѣ волосы. Въ сценахъ I-го и VI-го соборовъ (листы 86 обор. и 124) присутствующіе сильно жестикулируютъ и, повидимому, горячо спорятъ. Вообще же здѣсь встрѣчаются изображенія пировъ, казней, мучительства, соборовъ противъ еретиковъ (соборовъ: I-го, VI-го и VII-го), отъѣздовъ на войну, поклоненія иконамъ, крещенія народовъ въ христіанство, постройки и разрушенія городовъ. Въ отношеніи костюма и оружія, рисунки этой группы представляютъ много интереснаго вслѣдствіе своего разнообразія и различія національностей, часто отмѣченныхъ здѣсь многими спеціальными особенностями.

Къ третьей группѣ относятся тѣ картинки, размѣромъ въ поллиста и въ треть листа, гдѣ изображаются, во-первыхъ, сраженія, а во-вторыхъ, разныя, особенно оживленныя сцены изъ исторіи разныхъ народовъ: древнихъ грековъ, византійцевъ, болгаръ, русскихъ, а также разныхъ восточныхъ народовъ. Мы замѣчали, выше, извѣстное оживленіе уже и въ сценахъ и фигурахъ второй группы, но оно далеко превзойдено оживленіемъ и стремительностью въ сценахъ и фигурахъ третьей группы; д'Азенкуръ вполнѣ былъ правъ, говоря, что конныя сцены менѣе худо выполнены въ «Манассіиной лѣтописи», чѣмъ прочія. Эти картинки всѣ малыхъ размѣровъ, а изображенныя въ нихъ человѣческія фигуры всѣ представляютъ, совершенно въ противоположность византійскимъ привычкамъ, пропорціи въ 5, 6 и 7 головъ у каждой отдѣльной личности. При этомъ нельзя не замѣтить, что очень часто человѣческія фигуры этой группы отличаются особенно большими головами (отчего остальное тѣло кажется несоразмѣрно малымъ), тогда какъ фигуры 1-й и 2-й группы часто отличаются особенно малыми головами (отчего остальное тѣло иногда кажется несоразмѣрно удлиненнымъ). Этотъ III-й отдѣлъ—самый интересный, самый важный и самый оживленный изъ всѣхъ въ «Манассіиной лѣтописи»; онъ исполненъ съ наибольшимъ, сравнительно, мастерствомъ. Здѣсь и люди, и кони представляютъ всего болѣе движенія, оживленности, порыва и стремленія, а костюмы и оружіе—наиболѣе разнообразія. Различныя внѣшнія отличія національностей особенно явственно являются здѣсь обозначенными (хотя, конечно, далеко еще не вполнѣ). Сюда относятся картинки: «Сраженіе изъ войнъ Александра Македонскаго» (л. 28 обор.), «Сраженіе грековъ у Трои» (листы 41 и 41 обор., 68 обор.), сраженія изъ войнъ византійскаго императора Никифора Фоки (листы 118, 122), сраженія изъ войнъ византійскаго императора Льва Армянина съ сарацинами и болгарскимъ княземъ Крумомъ и куманами (листы 136 обор., 146, 147, 148 обор., 168), сраженіе болгарскаго вождя Муртага противъ повстанца Ѳомы (л. 150), сраженіе болгаръ съ греками при византійскомъ императорѣ Константинѣ Багрянородномъ (л. 172).

Наконецъ, еще одну группу представляютъ изображенія византійскихъ царей, стоящихъ врядъ, неподвижно, причемъ фигуры, мало того, что изображены въ очень малыхъ размѣрахъ—постоянно отъ 5-ти до 7-ми головъ въ каждомъ дѣйствующемъ лицѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такія толстыя, что кажутся кургузыми и почти карликами (листы: 89—шесть царей, 90 обор.—четыре царя, 102—два царя, 204—семь царей).

Таковы четыре главныя группы рисовальщиковъ и рисунковъ, очень легко различаемыя въ миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи». Но очень можетъ быть, что изъ числа указанныхъ группъ 1-я и 2-я могли бы быть подраздѣлены еще на *нѣсколько* меньшихъ группъ. Однакоже, кажется, рисунки 3-й и 4-й группы были исполнены всего только

однимъ художникомъ въ каждой группѣ. Они представляютъ значительное единство общаго контура и частныхъ его подробностей.

Но, кромѣ разности рисовальщиковъ по пропорціямъ тѣла, представляется много различій въ рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» еще въ томъ отношеніи, что одинъ и тотъ же предметъ представленъ у разныхъ болгарскихъ живописцевъ на разныя манеры. Примѣры и доказательства тому встрѣтимъ ниже, въ отдѣлахъ, гдѣ будетъ трактоваться императорская «корона» и царская «шапка», «мечъ» и «сабля», разныхъ сортовъ «знамена» и т. д.

Что касается до колорита болгарскихъ миніатюръ, то онъ, по справедливому замѣчанію Шевырева, отличается яркостью, которую вполнѣ сохранилъ, несмотря на цѣлыхъ 550 лѣтъ, протекшихъ со времени исполненія этихъ рисунковъ въ Болгаріи. Рукопись вытерпѣла, конечно, впродолженіе этого громаднаго ряда годовъ, много превратностей, переѣздовъ изъ одной страны въ другую и переходовъ изъ рукъ въ руки у разныхъ племенъ и народностей; она сильно повѣтшала, ея рисунки много попортились отъ тренія и небрежности, краски во многихъ мѣстахъ отлупились и исчезли. Но, тѣмъ не менѣе, старинные болгарскіе художники такъ хорошо попользовались уроками и примѣрами своихъ византійскихъ учителей, что ихъ рисунки и до сихъ поръ блещутъ прекраснымъ, сильнымъ, цвѣтистымъ колоритомъ и доставляютъ понимающему зрителю не малое удовольствіе. Какъ и у византійцевъ, колоритъ въ миніатюрахъ стоитъ на огромную массу степеней выше рисунка и композиціи. Это прямой даръ, полученный Европой съ Востока. Орнаменты, рисунки и краски восточныхъ рукописей—это прекрасный pendant къ рисункамъ, фигурамъ, орнаментамъ и краскамъ чудныхъ восточныхъ ковровъ, эмалей, металлическихъ сосудовъ и цвѣтныхъ тканей и матерій. Въ болгарскихъ миніатюрахъ очень многое явилось слабѣе, блѣднѣе, менѣе изящно, но нѣсколько значительныхъ крупицъ сохранилось еще всего болѣе въ колоритѣ. Лучшія миніатюры разныхъ болгарскихъ рукописей, и особенно «Манассіиной лѣтописи», не уступятъ, по колориту, византійскимъ миніатюрамъ одного съ ними времени. Читатель и зритель, не имѣвшій случая собственными глазами судить о томъ въ Римѣ, въ Ватиканской Библіотекѣ, могутъ получить достаточное понятіе по тѣмъ правдимымъ воспроизведеніямъ, которыя здѣсь прилагаются на таблицахъ I, II и III. Конечно, всякій образованный, привычный глазъ ощутитъ удовольствіе отъ тѣхъ изящныхъ красочныхъ пятенъ и сочетаній, которыя присутствуютъ на этихъ пяти рисункахъ. Красокъ здѣсь немного, какъ всегда и у византійцевъ. У нихъ налицо все только простыя, первоначальныя краски: красная, синяя, желтая, черная, иногда пурпурная, коричневая и бурая, очень рѣдко зеленая. Золото, въ фонахъ и на одеждахъ, а также въ вѣнцахъ около головы (ореолахъ) употреблялось только на иллюстраціяхъ особенно роскошныхъ, царскихъ, и притомъ для личностей особенно замѣчательныхъ, исключительныхъ. Рельефность фигуръ, оттѣнки, градація красокъ, обозначеніе складокъ были довольно умѣренные. Но, при всей своей первоначальности средствъ и искусства, болгары обладали, подобно своимъ учителямъ, византійцамъ, значительнымъ чувствомъ колорита и умѣли достигать очень изящныхъ сочетаній и эффектовъ красокъ. Ихъ картинки, въ лучшихъ случаяхъ—особенно въ миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи»—производятъ, по краскамъ, впечатлѣніе чего-то свѣжаго, веселаго, яркаго и здороваго. По колориту, болгарскіе художники достигли, повидимому, гораздо бо́льшихъ успѣховъ, чѣмъ по рисунку; общій уровень въ этомъ былъ у нихъ несравненно значительнѣе, и потому

не замѣтно особыхъ отличій между мастерствомъ и умѣлостью того или другого отдѣльнаго рисовальщика.

Я не могу входить здѣсь въ разсмотрѣніе той особенной красочной гаммы, которую представляютъ собою миніатюры «Святославова Сборника», хранимаго въ Синодальной библіотекѣ, въ Москвѣ. Это явленіе совершенно исключительное и сложное, требующее особеннаго спеціальнаго разсмотрѣнія. Эта рукопись XI вѣка, переводная въ своемъ основаніи, писана и иллюстрирована была въ южной Россіи, но несомнѣнно представляетъ собою, какъ въ текстѣ, такъ и въ рисункахъ, съ ихъ любопытнымъ матеріаломъ, формами и подробностями, соединеніе элементовъ византійско-болгарскихъ, съ одной стороны, и національно-русскихъ, съ другой стороны. Исключительный, характерный колоритъ этой рукописи, оранжевый, не встрѣчаемый почти нигдѣ болѣе въ миніатюрахъ русскихъ рукописей, также требуетъ особеннаго подробнаго разсмотрѣнія.

5.

Большинство изслѣдователей, писавшихъ о византійскомъ искусствѣ, всегда склонялись къ убѣжденію, что византійцы все рисовали «по-византійски», «по-своему», всему придавали византійскій обликъ и характеръ, и потому въ ихъ картинахъ нечего искать выраженія какой бы то ни было другой національности, кромѣ ихъ собственной, византійской. Но это мнѣніе—невѣрное, поверхностное и устарѣлое. Въ послѣднее время, по мѣрѣ болѣе основательнаго изученія византійскаго искусства, изслѣдователи стали приходить къ инымъ заключеніямъ. Въ этомъ отношеніи, особенно важное сдѣлано значительнѣйшимъ византинистомъ по части искусства, профессоромъ Н. П. Кондаковымъ, который, въ разныхъ мѣстахъ своихъ многоцѣнныхъ изслѣдованій, всегда тщательно старался указывать на остроумно и глубоко различенныя имъ національныя иноземныя черты въ византійскихъ изображеніяхъ. Такъ, напр., въ своей превосходной книгѣ «Исторія византійской эмали», изданной, съ необыкновеннымъ художественнымъ совершенствомъ и небывалою роскошью, Ал. Викт. Звенигородскимъ, онъ указываетъ на семитическія, спеціально-еврейскіе черты въ изображеніи апостола Павла, на народный римскій, но грецизованный типъ апостола Петра, на національно-греческій типъ и физіономію евангелиста Матѳея, на мало-азійскій типъ св. Ѳеодора Тирона—въ эмалевыхъ медальонахъ коллекціи Звенигородскаго [1]; въ своей замѣчательной «Исторіи византійскаго искусства» онъ указываетъ на восточную милоть Иліи и на восточную тунику, семитскаго пастушьяго происхожденія, въ которую одѣтъ Авель, на миніатюрахъ ватиканской рукописи «Космы Индоплова» [2]; въ своемъ столько же замѣчательномъ сочиненіи о константинопольскихъ церквахъ онъ указываетъ на еврейскій типъ апостола Павла на мозаикѣ монастыря Дафни [3] и т. д. Вообще же, подробное изученіе византійскихъ иллюстрацій въ рукописяхъ, даетъ намъ увидѣть въ нихъ много другихъ еще національныхъ подробностей и особенностей.

Даже одинъ «Менологій» Василія II представляетъ богатѣйшій матеріалъ въ этомъ отношеніи. До сихъ поръ было обращено еще слишкомъ мало вниманія на обиліе раз-

---

[1] Исторія византійской эмали, Спб., 1886, стр. 272, 271, 97.
[2] Исторія византійской иконографіи, Одесса, 1876, стр. 97, 95.
[3] Византійскіе церкви и памятники Константинополя, Одесса, 1886, стр. 187.

нообразныхъ костюмовъ, орнаментовъ и другихъ предметовъ, изображенныхъ тамъ; но все это способно дать очень много новаго этнографическаго и національнаго матеріала. Однѣ уже ткани разнообразнаго восточнаго происхожденія, на одеждахъ, представляютъ, своими узорами, цѣлую массу такого матеріала. Головные уборы (всегда и вездѣ особенно характерные и типичные) также даютъ очень много важныхъ и любопытныхъ особенностей.

Выше были уже указаны, на рисункахъ №№ 4, 5, 6, 8, разные головные уборы на палачахъ болгарскихъ, армянскихъ, александрійскихъ и еврейскихъ. Но, кромѣ того, въ «Менологіи» легко замѣтить и много другихъ національныхъ различій въ костюмѣ, уже не на палачахъ только, но и на иныхъ еще личностяхъ. Такъ, напр., пророкъ Даніилъ (часть II, стр. 37) представленъ въ своеобразной вавилонской шапочкѣ и узорчатыхъ шараварахъ; сыновья еврейскаго царя Іезекія, Ананія, Азарія и Мисаилъ (часть II, стр. 36), представлены тоже съ оригинальными шапками на головѣ и въ матерчатыхъ одеждахъ; у еврейскаго палача, казнящаго, въ Палестинѣ, св. Вакха (ч. II, стр. 38), голова окутана платкомъ, на манеръ тюрбана; у царей-волхвовъ (часть II, стр. 57)—матерчатое платье и шаровары; у жителей Синайской горы (ч. II, стр. 102)—платье узорчатое, голова обернута небольшимъ платкомъ; у святыхъ, убитыхъ, на Синаѣ, африканскимъ народомъ блемитовъ, при Діоклетіанѣ (часть II, стр. 103—4), на головѣ—нѣчто въ родѣ чалмы, на тѣлѣ—узорчатое платье, руки голыя до плечъ; индійцы, убивающіе копьемъ св. апостола Ѳому, носятъ на головѣ чалму или какую-то повязку въ родѣ чалмы (часть I, стр. 97); мучительница св. Агаѳоклеи, Павлина, заколовшая ее въ тюрьмѣ раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ (ч. II, стр. 46), представлена одѣтою въ богатое узорчатое платье, съ красивою же узорчатою шапочкой на головѣ; персы (часть I, стр. 215) представлены въ оригинальныхъ персидскихъ шапкахъ, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, совершенно подобныхъ нынѣшнимъ персидскимъ шапкамъ (тожество на разстояніи девяти столѣтій!), и т. д.

Эти немногіе примѣры, которые можно было бы увеличить множествомъ другихъ, достаточно доказываютъ, въ какой степени византійскіе художники были внимательны къ этнографическимъ особенностямъ чужихъ національностей и насколько они старались выражать ихъ точно и вѣрно. Болгарскіе художники вполнѣ слѣдовали въ этомъ примѣру своихъ учителей,—были столько же точны въ наблюденіи и тщательны въ передачѣ національныхъ особенностей. Въ этомъ и тѣ и другіе ничуть не отстали отъ современныхъ имъ прочихъ европейскихъ художниковъ средневѣковой эпохи, итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и другихъ. У тѣхъ, точно также, въ миніатюрахъ всегда проявляется интересъ и внимательность къ чужимъ національностямъ и намѣреніе выразить, если далеко не всѣ и даже не очень многочисленныя, то все-таки разныя характеристическія черты ихъ костюма, оружія, утвари и даже иногда тѣлеснаго склада и физіономіи.

Обладая, наравнѣ съ византійскими миніатюрами, указанными хорошими качествами, болгарскія миніатюры не лишены также и нѣкоторыхъ отрицательныхъ качествъ, и именно—разныхъ пріемовъ условныхъ, въ которыхъ отсутствуетъ реальная правда.

Такъ, напр., очень часто, почти всегда, цари, князья и другія властвующія лица представлены въ размѣрахъ гораздо бо́льшихъ, чѣмъ прочія дѣйствующія лица той или другой сцены. Также, въ композиціяхъ на сюжеты изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, Саваоѳъ и Христосъ, а также нѣкоторыя наиболѣе важныя религіозныя личности (Бо-

гоматерь, евангелистъ Іоаннъ, св. Жены) представлены гораздо бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ прочія дѣйствующія лица (листы: 3, 7, 11, 76, 77). Вѣроятно, этимъ предполагалось придать этимъ личностямъ большее значеніе и важность.

Точно также, царь или князь всегда представленъ въ вѣнцѣ или коронѣ, все равно, находится-ли онъ у себя дома, во дворцѣ и палатѣ, или на войнѣ въ сраженіи, или лежитъ и спитъ на одрѣ, или только-что умеръ. Между тѣмъ совершенно невѣроятно, чтобы въ сраженіи у царя или князя было что-нибудь другое на головѣ, кромѣ прочнаго, закрытаго шлема. Корона или вѣнецъ—защита слишкомъ ненадежная. И во множествѣ текстовъ историческихъ, въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ, или же въ текстахъ поэтическихъ, въ безчисленныхъ поэмахъ, пѣсняхъ и т. д., всегда говорится про шлемъ на головѣ владыки во время сраженія. Столько же мало вѣроятія, чтобы цари и князья проводили ночь на своихъ одрахъ и ложахъ—съ короною на головѣ. Такихъ условныхъ преувеличеній «властителей» мы не встрѣчаемъ въ восточныхъ рукописяхъ — персидскихъ, турецкихъ, джагатайскихъ, индійскихъ и другихъ. Тамъ цари, шахи, султаны, герои, языческія божества, магометанскія, буддійскія религіозныя существа, дивы, чудовища и т. д., не выходятъ обыкновенно изъ предѣловъ дѣйствительныхъ человѣческихъ размѣровъ и изъ общаго подобія реальности.

Затѣмъ, условность или малая правдивость болгарскихъ художниковъ простиралась иногда такъ далеко, что въ сценахъ изъ временъ древнѣйшаго идолопоклонства или язычества они рисовали «христіанскій крестъ» въ числѣ предметовъ общаго обиходнаго употребленія. Такъ, напр., на картинкѣ, изображающей египетскую царицу Клеопатру и царя Филопомена, сзади этого послѣдняго стоитъ прислужникъ, держащій большой воздвизальный крестъ; на картинкѣ, представляющей царей Навуходоносора, Валтасара и Дарія, подъ кровлею храма, изображеннаго въ видѣ византійской базилики, нарисованъ 6-ти-конечный крестъ [1]).

Есть въ «Лѣтописи» не мало и другихъ подобныхъ же условностей.

6.

При той зависимости болгарскаго искусства отъ византійскаго, при той исторической преемственности, въ которой первое изъ нихъ всегда стояло въ отношеніи ко второму, о чемъ я говорилъ уже выше, ничего нѣтъ удивительнаго, если между этими двумя искусствами есть много общаго, и если въ болгарскихъ иллюстраціяхъ рукописей встрѣчаешь не мало композицій, фигуръ и подробностей византійскихъ.

Но на одномъ этомъ фактѣ нельзя остановиться. Надо обращать вниманіе также и на разные другіе. Самые существенные между ними—два. Первый тотъ, что въ болгарскихъ иллюстраціяхъ мы встрѣчаемъ много такихъ своеобразныхъ предметовъ и характерныхъ подробностей, которыхъ нѣтъ въ византійскихъ рисункахъ, и которые несомнѣнно должны считаться происхожденія болгарскаго. Другой фактъ тотъ, что если болгары представляли многое болгарское въ византійскихъ формахъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, они многое иноземное (въ томъ числѣ и византійское) представляли въ формахъ болгарскихъ.

Первый фактъ—это обычный ходъ исторіи. Когда существуютъ близкія и частыя

[1]) „Манассіина лѣтопись", листы 24, 40.

сношенія у двухъ народовъ, сношенія не только дружественныя, но и враждебныя, каждый изъ нихъ многое получаетъ отъ другого, но также и много своего ему отдаетъ. И это во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ жизни, въ нравахъ, обычаяхъ, религіи и вѣрованіяхъ, во всѣхъ предметахъ жизненнаго употребленія и обстановки. Въ языкѣ и народной литературѣ болгарской это уже достаточно разсмотрѣно и доказано. Въ прочихъ жизненныхъ областяхъ и проявленіяхъ, это почти вовсе еще не разсмотрѣно, но, конечно, будетъ однажды разсмотрѣно и выяснено.

Второй фактъ — изображеніе жизни и ея внѣшнихъ формъ изъ чужой исторіи и событій въ своихъ собственныхъ народныхъ формахъ, въ произведеніяхъ своего искусства, тоже довольно обыченъ въ исторіи. Обращаясь спеціально хотя бы только къ европейской миніатюрной живописи, мы видимъ, что со времени среднихъ вѣковъ всегда такъ было. Въ Италіи—Джотто и вся его школа, въ Нидерландахъ Рогиръ ванъ-деръ-Вейда, Мемлингъ, Лука Лейденскій, въ Германіи—Лука Кранахъ, Альбертъ Дюреръ и ихъ школы, наконецъ, точно также, итальянцы, французы, нѣмцы, нидерландцы XVII столѣтія — всѣ рисовали сцены Ветхаго и Новаго Завѣта, древней и новой исторіи, въ костюмахъ и во всей обстановкѣ флорентинской, венеціанской, голландской, фламандской, нюренбергской. Но не только въ средніе вѣка, а даже и въ настоящее время, многіе художники, часто уже вовсе не въ миніатюрахъ, а въ большихъ картинахъ (Гебгардтъ, Удэ, Эдельфельдтъ, Беро и другіе), пробовали представлять сцены Ветхаго и Новаго Завѣтасъ съ типами и костюмами нѣмецкими, французскими, финляндскими и т. д.

7.

Сравненіе элемента болгарскаго съ византійскимъ, въ рисункахъ «Манассіиной лѣтописи», я начну съ одежды и вооруженія, какъ играющихъ особенно значительную роль въ рисункахъ этой рукописи.

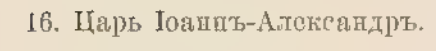
Иречекъ говоритъ: «Болгарское царское одѣяніе было, подобно сербскому, большею частью, копіей съ византійскаго императорскаго наряда». Это извѣстно уже и изъ многихъ историческихъ свидѣтельствъ. Такъ, напр., въ 1185 году, архіепископъ Василъ короновалъ болгарскаго возмутившагося болярина Ѳеодора золотою короною, какъ царя болгаръ и грековъ, и надѣлъ на него багряницу и красные башмаки, какъ знаки императорскаго достоинства» [1]). Это подтверждается также и множествомъ рисунковъ «Манассіиной лѣтописи». Здѣсь болгарскіе древніе князья, а впослѣдствіи цари, облечены въ обычный византійскій императорскій кафтанъ или зипунъ, длинный и узкій, съ матерчатымъ ожерельемъ (маникіемъ), съ широкимъ бортомъ посерединѣ, спереди, отъ шеи и до низу, а также по всему подолу, съ обычнымъ лоромъ и съ матерчатыми браслетами на рукавахъ выше локтя, все это усѣянное драгоцѣнными камнями [2]). На головѣ они носятъ точь въ точь такую же корону, какая является въ этой рукописи на головѣ всѣхъ византійскихъ императоровъ. Она состоитъ изъ золотого обруча, охватывающаго голову и увѣнчаннаго вверху нѣсколькими вертикальными пластинками съ рѣзными фигурами; пластинки же эти соединены одна съ другою металлическими стѣнками, иногда выгибающимися кверху и сплошными, иногда вырѣзными цвѣточными

---

[1]) *Иречекъ*, стр. 300, 496.

[2]) „Манассіина лѣтопись“, л. 2: изображеніе на нашемъ рисункѣ № 18 (Крещеніе болгаръ).

орнаментами въ видѣ лилій, такъ что, въ общемъ, корона имѣетъ видъ расширяющейся кверху корзины [1]). Изъ числа множества примѣровъ, всего лучше можно указать на сцену, гдѣ представлены, вмѣстѣ, греческій императоръ Никифоръ и болгарскій князь Крумъ: «Крумъ князь ѹхвати Никифора царѣ и отсече главѫ его» [2]). Но такую корону мы встрѣчаемъ на рисункахъ только у нѣкоторыхъ изъ числа болгарскихъ художниковъ. У другихъ, болѣе заботившихся о національности, болгарскіе владыки являются на рисункахъ уже съ болгарской національной княжеской или царской шапкой на головѣ. Эта оригинальная шапка имѣла видъ заостряющагося вверхъ своими дугами многограннаго купола, каковы, наприм. купола: въ Азіи, у древне-индійскихъ пагодъ; въ средне-вѣковой Европѣ—у древне-византійскихъ и болгарскихъ церквей [3]); въ новой Европѣ—у флорентинскаго собора Santa Maria del Fiore, созданнаго по новому образцу Филиппомъ Брунелески, основателемъ архитектурнаго стиля Возрожденія въ Европѣ. Эта шапка раздѣлялась вертикальными полосами на нѣсколько пластинокъ, охватывала голову тоже металлической полосой или обручемъ, иногда увѣнчивалась вверху золотымъ шарикомъ или драгоцѣннымъ камнемъ, и на всѣхъ свободныхъ пространствахъ была усажена драгоцѣнными каменьями. Такая шапка изображена нѣсколько разъ на головѣ царя Іоанна-Александра [4]). Но особенно явственно выражена разница между императорской византійской короной и болгарской царской шапкой въ той картинкѣ

16. Царь Іоаннъ-Александръ.

17. Царь Іоаннъ-Александръ

«Манассіиной лѣтописи», гдѣ представленъ болгарскій князь Крумъ, преслѣдуемый побѣдившимъ его византійскимъ императоромъ Львомъ-Армяниномъ: у перваго изъ нихъ на головѣ болгарская княжеская шапка, втораго греческая императорская ко-

[1]) „Манассіина лѣтопись“, лл. 172 (царь Симеонъ болгарскій), 183 об. (царь Самуилъ болгарскій—его пораженіе и смерть), и другіе.

[2]) „Манассіина лѣтопись“, л. 145. Точно также, въ сценѣ, гдѣ болгарскій князь Крумъ пьетъ здравицу изъ обдѣланнаго въ серебро черепа византійскаго императора Никифора, Крумъ представленъ въ греческой коронѣ (нашъ рисунокъ № 19). „Манассіина лѣтопись“, л. 146.

[3]) „Манассіина лѣтопись“, листы 84, 109, 131, 174, 188 и друг. Наши рисунки №№

[4]) „Манассіина лѣтопись“, лл. 1 обор., 2 (смерть царевича Іоанна), 91 обор. (царь Іоаннъ-Александръ

рона [1]). Какъ увидимъ ниже, здѣсь у Крума и все оружіе болгарское, а у императора— все оружіе греческое [2]).

Но, не взирая на всѣ такія явныя разницы, не только русскіе, но даже нѣкоторые болгарскіе изслѣдователи не замѣчали особенности «болгарской царской шапки» и называли ее «византійской императорской короной» [3]).

«Болгарскіе князья и боляре,—говоритъ Иречекъ,—носили длинные, обитые мѣхомъ кафтаны» [4]). Конечно, такъ было въ позднее время. Чертковъ, на основаніи византійскаго историка Зонары (Annal., liber XV, 98), говоритъ: «Болгарскіе владыки (князья) носили овчинные тулупы» [5]), длинные, узкіе кафтаны до полу и болгарскія шапки; мы видимъ это на множествѣ листовъ «Манассіиной лѣтописи» у builtinъ болгарскихъ [6]). Этотъ

18. Крещеніе болгаръ

костюмъ есть обычный костюмъ восточныхъ царедворцевъ въ рукописяхъ тюркскихъ, персидскихъ и другихъ. Оно не могло иначе и быть. Аристократія болгарская была происхожденія монголоиднаго, финно-тюркскаго. «У древнихъ болгаръ,—

и пророкъ Давидъ—нашъ рисунокъ № 17), 205 (царь Іоаннъ-Александръ съ сыновьями). Та же самая болгарская шапка представлена на царѣ Іоаннѣ-Александрѣ и на его портретѣ въ извѣстномъ „Евангеліи“ XIV в., принадлежащемъ лорду Зоучу, въ Лондонѣ: „Болгарскій Сборникъ“, т. VII, при статьѣ стр. 159, рисунокъ 2.

[1]) „Манасс. Лѣтоп.“, л. 148 обор., нашъ рисунокъ № 20.

[2]) Въ одной любопытной миніатюрѣ „Манассіиной лѣтописи“, листъ 168, изображено покушеніе на жизнь Льва-Армянина со стороны какого-то „безумца“ (=луды); этотъ человѣкъ изъ народа, т.-е. вовсе не военный, держитъ въ рукѣ восточную (болгарскую?) саблю.

[3]) *Гудевъ*, Сборникъ, т. VI, стр. 317 и др.

[4]) *Иречекъ*, стр. 535.

[5]) *Чертковъ*, Описаніе войны в. к. Святослава, стр. 18 и 225

[6]) *Чертковъ*, стр. 18, 536; „Манассіина лѣтопись“, листы: 2 обор. (дворъ царя Іоанна-Александра); 63 обор. (крещеніе болгаръ); 175 (дворъ царя Симеона); 145 обор. (дворъ князя Крума—нашъ рисунокъ № 19).

говоритъ профессоръ Иречекъ,— послѣ князя высшую власть имѣлъ совѣтъ шести знатныхъ лицъ, называемыхъ βοιλάδες, βολιάδης: отъ этого слова нѣкоторые производятъ славянское «бояринъ», «болѣринъ», слово, находящееся въ употребленіи только у однихъ русскихъ и у болгаръ, отъ которыхъ оно перешло къ румынамъ и албанцамъ» [1]). Но головныя покрышки были у болгаръ другія, чѣмъ у многихъ другихъ монголоидныхъ народовъ. У болгаръ онѣ имѣютъ видъ то «болгарской шапки», куполообразной, являющейся и на головѣ у болгарскаго царя, только въ болѣе роскошномъ, богатомъ и драгоцѣнномъ видѣ, то въ видѣ какой-то совершенно плоской шапочки [2]). Но, по обычной привычкѣ переносить свои всяческія этнографическія особенности на другія народности, болгарскіе рисовальщики представляли царедворцевъ другихъ націй въ своихъ всегдашнихъ царедворческихъ одеждахъ. Таковы у нихъ костюмы у царедворцевъ древнихъ царей, восточныхъ: Сарданапала, Навуходоносора, Валтасара, Дарія, Кира, Камбиза, Гигія,

19. Пиръ князя Крума.

20. Левъ Арменинъ и Крумъ.

царицы Клеопатры; римскихъ: Антонина и Каракаллы; византійскихъ: Константина, Анастасія, Тиверія, Константина Погоната, Льва-Армянина, Михаила [3]).

Въ «Манассіиной лѣтописи» помѣщенъ рисунокъ, носящій такую надпись: «Цимисхій царь прѣѧть Прѣславъ» [4]). Византійскій императоръ подъѣзжаетъ къ болгарской столицѣ со своимъ войскомъ. Изъ воротъ крѣпости выходятъ къ нему на встрѣчу болгары, освобожденные имъ отъ ига русскаго великаго князя Святослава, завоевавшаго Преславъ и засѣвшаго — было тамъ очень прочно. Болгары подносятъ императору дары. Но кто эти болгары? Царедворцами царя Бориса II ихъ признать нельзя. На царедворцевъ эти люди ничѣмъ не похожи; одежда ихъ слишкомъ проста и незначи-

21. Рука палача съ саблей.

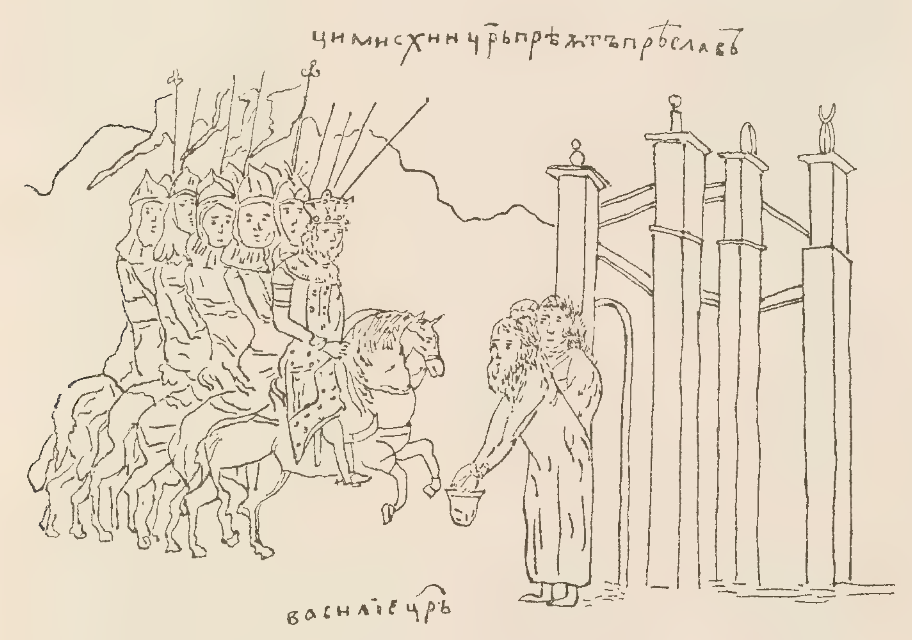
[1]) *Иречекъ*, стр. 164.

[2]) „Манассіина лѣтопись", л. 163 обор. Нашъ рисунокъ № 18.

[3]) „Манассіина лѣтопись", листы: 18, 19 обор., 24 обор., 27, 29, 86 обор., 105, 168, 188 обор. Замѣтимъ, что докторъ Гудевъ часто называетъ „сановниками", такія личности, которыя несомнѣнно представляютъ на картинкахъ „народъ болгарскій" (листы: 84, 117, 124, 168).

[4]) „Манассіина лѣтопись", л. 183 (нашъ рисунокъ № 22).

тельна, никакими внѣшними знаками аристократизма она не отличается; простолюдинами также признать ихъ трудно, во-первыхъ, потому, что «простые люди», «народъ», въ городахъ тогда не жили, и притомъ не носили длинныхъ одеждъ. Всего скорѣе, казалось бы слѣдовало бы признать въ этихъ личностяхъ болгарскихъ «горожанъ», болгаръ жителей столицы — купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ и проч.; но опять-таки невѣроятно, чтобы на встрѣчу императору-побѣдителю выходили изъ царской столицы только мелкіе горожане. Поэтому можно, кажется, съ нѣкоторою вѣроподобностью предположить, что на этой картинкѣ представлены болгаре, въ какомъ-то общемъ, условномъ, неопредѣленномъ, мало-реалистическомъ видѣ. Ихъ длинные, прямые кафтаны, безъ всякихъ подробностей и опояски, ровно ничего опредѣлительнаго не выражаютъ.

22. Цимисхій у Преслава.

Собственно самъ «народъ болгарскій», низшіе его классы, много разъ представленъ на рисункахъ «Манассіиной лѣтописи». Профессоръ Иречекъ говоритъ: «О старыхъ одѣяніяхъ болгарскихъ мало извѣстно; съ нѣкоторою увѣренностью можно полагать, что бо́льшая часть нынѣшнихъ національныхъ костюмовъ осталась неизмѣнною въ теченіе столѣтій»[1], и это справедливо относительно послѣднихъ 7—8 столѣтій, но не больше. Древне-болгарскій костюмъ, исчезъ давно раньше (вмѣстѣ съ бритыми головами, косами, широкими шараварами и проч.). Но, послѣ того періода, мы встрѣчаемъ огром-

[1]) *Иречекъ*, стр. 539.

ную разницу между изображеніями болгаръ XIV вѣка и тѣми, которые мы видѣли въ ватиканскомъ «Менологіи» Василія II, XI вѣка. Два столѣтія лежатъ между тѣми и другими рисунками. Въ «Менологіи», изображенія болгаръ ограничиваются тремя только личностями и они всѣ трое—болгары низшаго сословія, люди «изъ народа», но являются они въ настоящемъ народномъ болгарскомъ костюмѣ XI и предъидущихъ вѣковъ, на половину еще азіатскомъ (монголоидномъ): въ кожухѣ, съ петлицами на груди, съ узенькимъ кожанымъ пояскомъ, усѣяннымъ металлическими бляшками, и съ привѣскою къ поясу въ видѣ зуба или кинжальчика,—и на половину европейскомъ (славянскомъ): въ длинныхъ, узкихъ штанахъ (какъ у даковъ), въ сапогахъ, вмѣсто византійскихъ и восточныхъ башмаковъ, со славянскимъ прямымъ мечомъ въ рукахъ. Ничего подобнаго въ рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» мы не встрѣчаемъ. Или костюмъ во многомъ перемѣнился, или же на рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» представлены одежды другихъ болгарскихъ областей, чѣмъ въ «Менологіи». Какъ извѣстно, царь Самуилъ властвовалъ въ западныхъ областяхъ Болгаріи; значитъ, костюмы его области легко могли быть другіе, чѣмъ тѣ, которые были постоянно передъ глазами царскихъ рисовальщиковъ Іоанна-Александра въ столицѣ его, сѣверо-восточномъ болгарскомъ городѣ Терновѣ. Ни шапокъ мѣховыхъ, ни кафтановъ мѣховыхъ, съ петлицами на груди, ни узкихъ поясковъ, ни узкихъ штановъ, мы здѣсь болѣе не встрѣчаемъ. Видимъ, вмѣсто всего этого, верхніе длинные, просторные кафтаны безъ кушаковъ и всякой подпояски, въ родѣ восточныхъ армяковъ, вѣроятно поверхъ холстяной славянской рубахи.

Но очень замѣчательными являются у народа головныя покрышки. Въ «Манассіиной лѣтописи» представлена смерть болгарскаго царя Самуила. Византійскій императоръ Василій разбилъ болгарское, войско и, по варварскому восточному обычаю, велѣлъ ослѣпить 15.000 болгаръ. Это страшное несчастіе такъ поразило Самуила, что онъ принялъ ядъ, и черезъ два часа умеръ [1]). Ослѣпленные болгары, стоящіе около царя Самуила, представлены не воинами, участвовавшими въ битвѣ противъ византійцевъ, а самимъ «народомъ» болгарскимъ. У этихъ несчастныхъ на головахъ народныя (тогдашнія) шапки, очень оригинальныя и характерныя. Онѣ имѣютъ видъ конусовъ, съ высокимъ верхомъ. Однѣ изъ нихъ островерхія, другія съ закругленнымъ верхомъ, третьи состоятъ изъ островерхаго конуса, по сторонамъ котораго возвышается еще по конусу, такъ что вся шапка является трехконечною вверхъ. Въ извѣстномъ болгарскомъ «Апостолѣ» (такъ называемомъ «Слѣпченскомъ») XII вѣка, находящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, одна изъ заглавныхъ буквъ (К) представляетъ, среди орнаментныхъ плетеній, фантастичную фигуру болгарина въ островерхой шапкѣ [2]).

23. Болгары.

24. Болгарскія шапки на I-мъ соборѣ.

[1]) „Манассіина лѣтопись", л. 183 обор. Къ удивленію, они представлены зрячими.

[2]) „Манассіина лѣтопись", л. 183 обор. (нашъ рисунокъ № 23). *В. Стасовъ*, „Славянскій и восточный орнаментъ". Спб., 1886. листъ III, „Слѣпченскій Апостолъ", фигура № 13 (К) (нашъ рисунокъ № 27).

Такія шапки неизвѣстны византійцамъ, или, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не изображены въ миніатюрахъ ихъ рукописей, но близко напоминаютъ своими формами шапки многихъ азіатскихъ монголоидныхъ народовъ, а именно: киргизовъ, башкировъ, нѣкоторыхъ финскихъ, а также сѣверно-сибирскихъ народовъ, приходившихся сродни волжскимъ болгарамъ [1]). Подобными же азіатскими шапками надѣляли иногда болгарскіе художники, въ своихъ миніатюрахъ, «народъ» также и другихъ странъ, когда требовалось его изображать. Такъ, напр., въ подобныхъ же островерхихъ шапкахъ, и притомъ въ звѣриныхъ шкурахъ, вмѣсто одежды, представленъ «народъ» передъ тираномъ, императоромъ Антониномъ Каракаллой; также «народъ», горячо спорящій съ духовенствомъ и оживленно жестикулирующій на I-мъ вселенскомъ соборѣ, при Константинѣ. Замѣтимъ,

25. Бо гарскія шапки на манихеяхъ

26 а. Болгарскія шапки на народѣ при Каракаллѣ.

26 б. Болгарскія шапки на народѣ при Тиверіи.

27. Фигура болгарина.

28. Болгарская броня.

29 а. Болгарскій ятаганъ.

29 б. Болгарскій мечъ.

26 в. Болгарскія шапки на народѣ при Львѣ-Армянинѣ.

что здѣсь у нѣкоторыхъ личностей надѣта на головѣ шапка въ родѣ болгарской, на подобіе купола, о какой мы говорили уже выше; тоже встрѣчаемъ у «манихеянъ» изъ народа, преслѣдуемыхъ императоромъ Анастасіемъ, у «народа», окружающаго византійскаго императора Тиверія, собирающагося войти въ церковь; у «народа», изъ аріанъ, присутствующаго на VI вселенскомъ соборѣ, наконецъ, у «народа» въ сценѣ покушеній на Льва-Армянина [2])

Къ числу подробностей средне-вѣкового костюма, представляемыхъ и рисунками болгарскихъ рукописей, слѣдуетъ отнести широкіе разрѣзные рукава—деталь чисто восточную, и притомъ происхожденія монголоидо-тюркскаго. Такой рукавъ мы видимъ на рисункахъ «Тріоди» Орбельской XII -XIII вѣка, гдѣ изображены руки: однѣ въ бронѣ, другія безъ брони, съ саблей и ятаганомъ [3]).

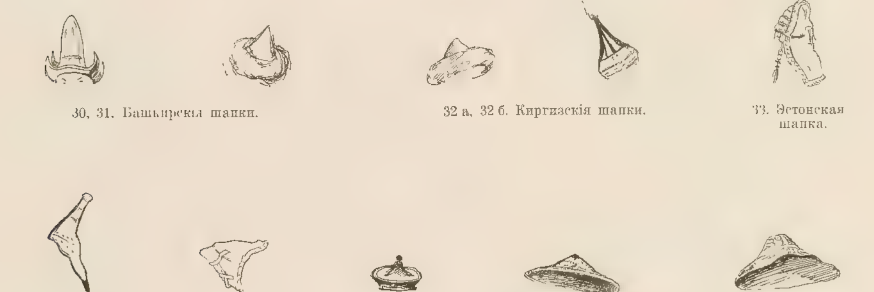
[1]) *Pauly*, Les peuples de la Russie S. P. Burg. 1862. Наши рисунки №№ 30 38

[2]) „Манассіина лѣтопись“, листы 84, 86 обор., 105, 117, 124 168 (наши рисунки №№ 25—26). Можно мимоходомъ замѣтить, что подобныя же островерхія шапки шляпы, конусомъ, нарисованы у печенѣговъ (=тюрковъ-же) въ миніатюрахъ Радзивиловской лѣтописи, XV вѣка, (*Прохоровъ*, „Матеріалы“, рисунки 6 и 7).

[3]) *Стасовъ*, „Славянскій и восточный орнаментъ“, листъ V, рисунки №№ 2. 11, 14. (Наши рисунки №№ 28 –29).

Въ «Манассіиной лѣтописи» изображены иногда слуги, подносящіе своимъ болгарскимъ господамъ разныя кушанья на трапезѣ. Они обыкновенно являются съ непокрытой головой, иногда босоногіе, иногда въ сапогахъ, въ короткой рубашкѣ (или туникѣ), съ орнаментированнымъ воротомъ, можетъ быть, вышитымъ [1]).

Про женскіе болгарскіе костюмы можно сказать, до сихъ поръ, на основаніи рисунковъ въ рукописяхъ, очень мало. Въ «Менологіи» болгарскихъ женщинъ вовсе не изображено. Въ «Манассіиной же лѣтописи», хотя онѣ и изображены нѣсколько разъ, но не представляютъ ничего ни достовѣрнаго, ни характернаго, ни національнаго. Всѣ царицы стараго и новаго времени, какъ собственно болгарскія, такъ и иныхъ странъ, изображены въ византійскихъ императорскихъ одеждахъ. Таковы: болгарская царица

30, 31. Башкирскія шапки. 32 а, 32 б. Киргизскія шапки. 33. Эстонская шапка.

34. Черемисская шапка. 35. Мордовская шапка. 36. Бурятская шапка. 37. Гилякская шапка. 38. Колошская шапка.

въ сценѣ смерти болгарскаго царевича Асѣня; болгарская царица въ сценѣ смерти болгарскаго царя Симеона; болгарская царица въ сценѣ «Крещеніе болгаръ»; византійская царица Евдокія въ сценѣ: императоръ Ѳеодосій даетъ яблоко императрицѣ Евдокіи; византійская императрица, супруга императора Романа, царица Клеопатра египетская [2]); Царица, Ѳеодора супруга Іоанна-Александра въ рукописи лорда Зоуча [3]). Женщины не царскаго и не императорскаго рода представлены въ какихъ-то условныхъ идеальныхъ костюмахъ, не принадлежащихъ ни къ какой національности. На нихъ надѣты длинныя платья съ длинными рукавами, безъ всякихъ деталей, подробностей и особенностей. Въ такихъ костюмахъ представлены: женщины въ царствованіе Сарданапала, Навуходоносора, Валтасара, Дарія и Кира, женщины въ Троѣ, женщины при Ромулѣ. Волосы у нихъ обыкновенно распущены по плечамъ [4]). Всего характернѣе—служанка-болгарка, льющая изъ кувшина воду въ купель въ сценѣ «Крещеніе болгаръ». Она представлена въ рубашкѣ, идущей только до икры ногъ (какъ ходятъ и до сихъ поръ болгарскія крестьянки); сверху рубашки видимъ родъ недлиннаго кафтана; у кисти руки—нѣчто въ родѣ браслета или поруча (какъ и нынче); шея открытая и на ней мони-

[1]) „Манассіина лѣтопись“, л. 145 обор. (пиръ князя Крума—нашъ рисунокъ № 19), и л. 172 обор. (пиръ царя Симеона).

[2]) „Манассіина лѣтопись“, листы: 2 обор., 175, 163 обор., 96 обор., 188, 28.

[3]) „Болгарскій Сборникъ“, т. VII, рисунокъ 2.

Тамъ же, листы: 18, 19 обор., 24, 62, 66 обор.

сто; волосы распущены до плечъ; лицо круглое [1]). Вуаль или покрывало (чадра) представлена всего одинъ разъ: это у сидящей, съ вуалемъ за плечами, женщины Навуходоносорова царства [2]).

8.

Про вооруженіе болгаръ профессоръ Иречекъ говоритъ, на основаніи рисунковъ «Манассіиной лѣтописи»: «Шлемы ихъ имѣли видъ полушарія и были украшены перьями на темени, или покрывали голову отъ темени до плечъ, оставляя открытымъ одно лицо, или, наконецъ, принимали форму кожаныхъ шапокъ или остроконечныхъ фуражекъ. Рѣже попадаются панцыри» [3]). Изъ этого описанія надо, прежде всего, исключить «кожаныя шапки» и «фуражки» (!), какъ не имѣющія ничего общаго со шлемами, но въ остальномъ профессоръ Иречекъ далъ новое доказательство своего вѣрнаго взгляда и превосходной наблюдательности. Дѣйствительно, шлемы болгаръ на рисункахъ «Лѣтописи» совершенно отличаются отъ шлемовъ римскихъ и византійскихъ. Отъ первыхъ они отличаются тѣмъ, что хотя и имѣютъ видъ полушарія, какъ и тѣ, но не столько придавлены и плоски, выше, и притомъ кончаются небольшимъ заостреніемъ вверху; а отъ византійскихъ тѣмъ, что не сто́лько высоки, какъ тѣ. На темени же, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ профессоръ Иречекъ, они украшены почти всегда перьями. Иногда на римскихъ шлемахъ тоже бывали перья, но посаженныя совершенно иначе, чѣмъ у болгаръ: у нихъ перья имѣли направленіе вертикальное, стоячимъ вверхъ султанчикомъ, тогда какъ у болгаръ перья на шлемѣ разсыпались сверху, какъ бы маленькимъ кустикомъ, во всѣ стороны [4]). Такихъ шлемовъ никогда не бывало у византійцевъ, но болгарскіе рисовальщики наряжали въ такіе шлемы не только византійскихъ, но даже древне-греческихъ воиновъ [5]). При этомъ надо замѣтить, что болгарскіе рисовальщики XIV вѣка, желая обозначить національность народовъ, казавшихся имъ уже совершенно далекими, чуждыми, можетъ быть, даже «варварскими», рисовали на головѣ у ихъ воиновъ какіе-то шлемы, какъ бы совершенно составленные изъ однихъ перьевъ, стоящихъ торчмя, и образующихъ корону, подобно очень извѣстнымъ головнымъ уборамъ, въ видѣ короны, древнихъ дикарей нынѣшней Сѣверной Америки [6]). Про «рѣдкость броней», или, какъ профессоръ Иречекъ называетъ, «панцырей» онъ сказалъ, вѣроятно, только потому, что не имѣлъ случая видѣть всѣ рисунки «Манассіиной лѣтописи». Брони (желѣзныя, чешуйчатыя) встрѣчаются тамъ очень часто, какъ и вообще въ рисункахъ очень многихъ восточныхъ рукописей, гораздо ранѣе XIV вѣка. Примѣры такъ часты, что не нужны здѣсь. Я удовольствуюсь тѣмъ только, что

---

[1]) Тамъ же, листъ 163 обор. (нашъ рисунокъ № 18).

[2]) Тамъ же, листъ 24.

[3]) *Иречекъ*, стр. 535.

[4]) Манассіина лѣт., л.л. 136 обор. (болгарское войско); 145, 146, 147 (войско Крума—нашъ рисунокъ № 40а и наша таблица II: „Русы плѣнъ еже на болгары".

[5]) Тамъ же. лл. 28 (войско Александра Македонскаго — нашъ рисунокъ № 39), 105 (воинъ византійскаго императора Анастасія), 113 (такой же императора Юстина Малаго), 123 обор. (такой же императора Константина Брадатаго), 131 (такой же императора Филиппика), 139 (такіе же императора Никифора Копронима).

[6]) Тамъ же, лл.: 18 (егип. воины), 19 обор. (ассир. воины), 24 (древне-перс. воинъ), 28 (воинъ царицы Клеопатры), 41 и 62 (троянскіе и древне-греч. воины) и др. Объ этомъ странномъ уборѣ будетъ еще говорено ниже.

укажу замѣчательную болгарскую рукопись «Тріодь» Орбельскую XII—XIII вѣка, гдѣ въ одной заглавной буквѣ (О) изображена рука воина въ чешуйчатой бронѣ [1]).

«Оружіемъ служили у болгаръ,—говоритъ профессоръ Иречекъ, — копья, мечи и стрѣлы, которыя всадникъ держалъ на боку въ колчанѣ [2]). Все это вѣрно и справедливо. На множествѣ рисунковъ «Манассіиной лѣтописи» изображены всѣ эти оружія. Копья, луки и стрѣлы ничѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, не отличаются отъ копій, луковъ и стрѣлъ византійскихъ. Есть исключенія у стрѣлъ, у которыхъ иногда являются наконечники совершенно особенной и исключительной формы: но объ этихъ исключеніяхъ мы (чтобы не повторяться или чтобы не разбивать вопросъ на двѣ половины) будемъ говорить ниже, при сравненіи болгарскаго оружія съ русскимъ. Сверхъ того, про прочее болгарское вооруженіе необходимо сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Во-первыхъ, ни на одной изъ собственно болгарскихъ картинокъ «Манассіиной Лѣтописи» не изображено колчана,—можетъ быть, случайно. Они, безъ сомнѣнія, существовали у болгаръ и изображены, вѣроятно, на рисункахъ другихъ рукописей, или на древнихъ фрескахъ гдѣ-нибудь въ Болгаріи. Во-вторыхъ, нельзя вспоминать, по части холоднаго оружія, только о копьяхъ, стрѣлахъ и мечахъ. Надо еще указать также на сабли и булавы. Сабли составляютъ, на рисункахъ «Лѣтописи», особенность только болгаръ и русскихъ или тѣхъ древнихъ азіатскихъ народностей, на которыя болгары часто переносили разныя характерныя подробности своего обихода. По свидѣтельству лѣтописей, у болгаръ существовали одновременно и мечи, и сабли. Первые—мечи, конечно, какъ оружіе, полученное заразъ и отъ византійцевъ, и отъ славянъ, съ которыми они такъ близко перемѣшались съ первыхъ же временъ своего прибытія на Балканскій полуостровъ; вторыя (сабли), какъ оружіе, унаслѣдованное еще отъ прародичей, монголоидовъ-тюрковъ. Даже до XVII-го вѣка сохранилось въ Европѣ древнее преданіе, что «сабля»—оружіе происхожденія тюркскаго. Нико, знаменитый французскій лексикографъ, писалъ въ 1600 году: «Сабля (cimeterre)—это родъ меча на турецкій манеръ, остраго съ одной стороны и широкаго—съ другой; онъ коротокъ и выгнутъ къ острію. Еще Карлъ Великій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ мурсійскому (мавританскому) королю, называлъ это оружіе — «мечомъ гуннскимъ» (gladius huniscus) [3]). Въ одномъ мѣстѣ болгарской исторіи мы встрѣчаемъ любопытную и характерную подробность. Въ 1195 году, возмутившійся противъ болгарскаго царя Асѣня I-го бояринъ Иванко, согласившись со своими единомышленниками, пошелъ къ царю, съ тѣмъ намѣреніемъ, что если царь обойдется съ нимъ ласково, то онъ передъ нимъ повинится; если же онъ обойдется съ нимъ надменно, то Иванко прибѣгнетъ къ спрятанному у него подъ одеждою мечу. Когда Иванко вошелъ, раздраженный Асѣнь велѣлъ подать себѣ саблю; Иванко же немедля схватилъ мечъ и поразилъ имъ царя [4]). Бояринъ былъ (судя по имени)—славянскаго рода, царь же—еще отчасти древне-болгарскаго [5]), оттого и разница ихъ оружія. Эта же разница оружія выражена очень явственно и въ рисункахъ

[1]) *Стасовъ*, „Славянскій и восточный орнаментъ“, листъ V, № 11 (нашъ рисунокъ № 28).

[2]) *Иречекъ*, стр. 536.

[3]) *Nicot*, „Thrésor de la langue Françoise“. Paris, 1600, f-o, слово „Cimeterre“. Но замѣтимъ, что докторъ Гудевъ, въ своемъ описаніи рисунковъ „Манасс. лѣтоп.“, иногда говоритъ про „саблю“ тамъ, гдѣ изображенъ прямой длинный мечъ (стр. 82 обор., 123 об., 145).

[4]) *Иречекъ*, стр. 306.

[5]) *Иречекъ*, стр. 299: „Братья Ѳедоръ и Асѣнь, болгаре, вели свой родъ отъ прежнихъ царей...“

«Манассіиной лѣтописи». Одинъ изъ болгарскихъ художниковъ, рисовавшій здѣсь сраженія, съ особенною тщательностью обозначилъ разницу византійскаго и болгарскаго оружія. На листѣ 136-мъ обор. византійскій императоръ Левъ-Армянинъ въ галопъ преслѣдуетъ побѣжденнаго имъ болгарскаго князя Крума, скачущаго отъ него во всю прыть (нашъ рисунокъ № 20). Императоръ—съ византійскою короной на головѣ, съ византійскимъ прямымъ мечомъ въ одной рукѣ, съ круглымъ небольшимъ византійскимъ щитомъ—въ другой; Крумъ—въ болгарской владычной, куполообразной, шапкѣ, съ древне-болгарской саблей въ одной рукѣ, съ длиннымъ, острымъ книзу, болгарскимъ щитомъ—въ другой. Подобныя же восточныя сабли болгарскіе рисовальщики даютъ нѣкоторымъ азіатамъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ саблю въ рукахъ троянцевъ, у восточнаго палача или воина императора Діоклитіана, который и самъ сидитъ въ какой-то необыкновенной восточной коронѣ, наконецъ, у безумца («луды»), покусившагося на жизнь императора Льва-Армянина [1]). Въ извѣстной болгарской рукописи, «Тріоди Орбельской», XII—XIII-го вѣка, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, мы встрѣчаемъ изображенія, заразъ, и славянскихъ прямыхъ, длинныхъ мечей, и кривыхъ сабель или ятагановъ [2]).

О булавахъ болгаръ говорится не разъ въ исторіи болгаръ, и оно понятно, такъ какъ булава есть, какъ извѣстно, оружіе по преимуществу тюркскаго происхожденія. «У Траяновыхъ воротъ,—говоритъ Иречекъ,—большинство византійскихъ воиновъ пали (въ 986 году) подъ мечами и булавами болгаръ» [3]).

У византійцевъ булава на рисункахъ «Манассіиной Лѣтописи» не встрѣчается.

Но зато въ «Манассіиной лѣтописи» булава изображена въ войскѣ Александра Македонскаго, гдѣ преобладаютъ мотивы болгарскіе и восточные вообще [4]).

39. Александръ Македонскій и его войско.

«Щиты у болгаръ были частью круглые, частью продолговатые, заостренные сверху и снизу», говоритъ Иречекъ [5]). Круглыхъ щитовъ у болгаръ на рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» нигдѣ нѣтъ, но продолговатыхъ съ заостреніемъ вверху и внизу—очень много. Но, замѣтимъ, болгарскіе щиты имѣли иногда изогнутую, на манеръ иныхъ раковинъ, форму [6]). Надо прибавить, что на нихъ бывали иногда изображены луна и разныя орнаментальныя фигуры, вѣроятно имѣющія особое, мистическое или предохранительное значеніе (какъ у всѣхъ народовъ первобытной культуры), но которыя опредѣлить и даже разобрать ныньче—трудно. Такіе щиты мы видимъ у воиновъ болгарскаго князя Крума, у самого Крума, у воиновъ болгарскаго князя Муртага [7]) и др.

40. Воины Крума князя.

---

[1]) „Манассіина лѣтопись“, лл. 41. 62 обор., 85, 168.

[2]) *В. Стасовъ*, „Славянскій и Восточный орнаментъ“, листъ V, „Орбельская Тріодь“, рисунокъ № 2, рука съ прямымъ мечомъ: № 14, рука съ кривымъ ятаганомъ и саблей. (Наши рисунки №№ 21—25).

[3]) *Иречекъ*, стр. 252.

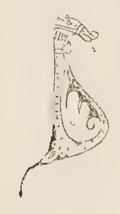
[4]) „Манасс. лѣтопись“, л. 28 (нашъ рисунокъ № 39).

[5]) *Иречекъ*, стр. 535.

[6]) „Манассіина лѣтопись“, листы: 123 обор., 148 обор., 150, 172 обор.

[7]) „Манассіина лѣтопись“, лл. 145, 146, 148 обор., 150 (нашъ рисунокъ № 40).

«Ноги болгаръ (на войнѣ),—говоритъ профессоръ Иречекъ,—были обуты въ высокіе кавалерійскіе сапоги, такъ какъ большею частью они выступали въ поле верхомъ. На лошадяхъ были сѣдла, стремена». Вся орнаментація болгаръ въ древнихъ ихъ рукописяхъ основана на мотивахъ «коня». Въ знаменитой болгарской рукописи, носящей названіе «Саввиной Книги», XI-го вѣка, принадлежащей библіотекѣ Синодальной типографіи въ Москвѣ, № 15, мы во множествѣ заставокъ встрѣчаемъ «конскую голову». Въ «Слѣпченскомъ Апостолѣ», XII-го вѣка, одна изъ замѣчательнѣйшихъ орнаментальныхъ буквъ (В) представляетъ конскую голову въ красной уздѣ [1]). Что древніе болгары были по своему характеру по преимуществу народъ конный, это фактъ общепризнанный. Чертковъ подтверждаетъ это: «Всѣ болгаре, подобно гуннамъ и мадьярамъ, были отличные всадники». Башмаковъ болгаре, повидимому, вовсе не знали (да и теперь не употребляютъ), какъ и другіе славяне, что доказывается тѣмъ, что у нихъ у всѣхъ ихъ своего, національнаго термина для обозначенія этого предмета—нѣтъ, а слово «башмакъ»—тюркское. Для кочевниковъ, людей по

41. Болгарская орнаментальная буква съ конемъ.

42. Рать Крума князя

преимуществу конныхъ, башмаки не годятся. И потому, на болгарскихъ рисункахъ мы видимъ болгаръ-воиновъ обутыми въ высокіе сапоги [2]). Болгары въ ватиканскомъ «Менологіи» XI-го вѣка также въ сапогахъ, и все это—въ отличіе отъ византійцевъ, которые изображаются всегда либо въ сандаліяхъ съ переплетающимися на ногѣ ремнями, либо (изрѣдка) въ невысокихъ сапожкахъ [1]).

[1]) *Стасовъ*, „Славянскій и Восточный орнаментъ", л. I, №№ 4, 5, 16; л. II, № 17; л. III, № 13 (нашъ рисунокъ № 40б).

[2]) Манассіина лѣтопись, л. 146 (нашъ рисунокъ № 42).

[3]) *Weiss*, Kostümkunde, Stuttgart, 1864, II, 73–74

На листѣ 145 «Манассіиной лѣтописи» изображены даже однажды сапоги съ загнутыми впередъ и вверхъ носками, на манеръ сапогъ большей части древнихъ и нынѣшнихъ восточниковъ, начиная отъ древнихъ Вавилонянъ и Ассирійцевъ, и кончая нынѣшними турками, киргизами, башкирами и проч. Подобные восточные носки у сапогъ я встрѣчаю на листѣ византійскаго евангелія X-го вѣка, принадлежащаго «Національной библіотекѣ въ Парижѣ, № 277 [1]).

У болгарскихъ всадниковъ всегда есть сѣдла, но формы ихъ нельзя распознать, за миніатюрностью изображеній. При этихъ сѣдлахъ, на рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» всегда обозначены стремена. И это не можетъ казаться выдумкой, такъ какъ стремена были извѣстны не только византійцамъ, съ VI-го вѣка, но еще раньше на Востокѣ. Въ Меровингскую и Карловингскую эпоху стремена были въ большомъ употребленіи у объевропеившихся народовъ еще недавняго азіатскаго происхожденія [2]).

43. 44a.
Древнѣйшая форма средневѣковыхъ стремянъ.

44б. Англійскій воинъ XII вѣка

Въ «Манассіиной Лѣтописи» встрѣчается, во множествѣ военныхъ сценъ, изображеніе шпоръ, какъ у византійскихъ, такъ и у болгарскихъ воиновъ. Византійцы, по всей вѣроятности, заимствовали «шпору» отъ римлянъ, у которыхъ она находилась въ большомъ употребленіи, или отъ европейскихъ средневѣковыхъ варваровъ. Въ разныхъ европейскихъ музеяхъ сохраняются подлинныя римскія и варварскія шпоры, добытыя изъ раскопокъ. Такъ, напримѣръ, въ Майнцскомъ музеѣ находится немало такихъ шпоръ [3]). На знаменитомъ «коврѣ королевы Матильды (Tapisserie de Bayeux), XII-го вѣка, у всѣхъ англійскихъ и французскихъ воиновъ есть еще шпоры [4]).

45. Римская шпора, въ Майнцскомъ музеѣ.

46. Франкская шпора, въ Майнцскомъ музеѣ.

47. Алеманнская шпора, въ Майнцскомъ музеѣ.

Знамена и военные значки болгаръ во многихъ случаяхъ тожественны со знаменами и значками византійцевъ, и это мы встрѣчаемъ на множествѣ рисунковъ «Манас-

[1]) *Стасовъ*, „Слав. и Восточн. орнаментъ", листъ 122, рисунокъ № 3.

[2]) *Lindenschmidt*, Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz, 1900, IV B., Tafel 23, №№ 1, 2, 3, (наши рисунки №№ 43—44). Любопытную подробность объ употребленіи стремянъ на Востокѣ, въ XIII вѣкѣ, мы узнаемъ изъ лѣтописей Рашидъ-Эддина. Онъ говоритъ, что „желѣзныя стремена существовали, въ войскѣ Чингисъ-Хана, только у высшихъ чиновъ; у прочихъ воиновъ ихъ не было, по бѣдности". *Howorth*, History of the Mongols, London, Vol. I, p. 108.

[3]) *Lindenschmidt*, II-й томъ, X-я тетрадь, таблица 5, № 2, 7, 8 (наши рисунки №№ 45, 46, 47).

[4]) *Jubinal*, Anciennes tapisseries historiées, Paris, 1838.

сіиной лѣтописи». Проф. Иречекъ говоритъ, что по арабскимъ извѣстіямъ, именно, по извѣстіямъ Массуди, у болгаръ знаменемъ служилъ конскій хвостъ, на подобіе турецкаго бунчука [1]), но въ «Манассіиной лѣтописи» мы такого бунчука (вѣроятно, очень древняго) не встрѣчаемъ.

Но есть среди нихъ нерѣдко такіе военные значки, которыхъ никогда не видно на изображеніяхъ византійцевъ и которые составляютъ въ этой рукописи особенность болгаръ. Это—военный значокъ, или родъ знамени, который состоитъ изъ длиннаго копья, заканчивающагося, какъ всѣ копья, остріемъ, но по обѣимъ сторонамъ этого острія возвышаются, въ видѣ полулунія, еще два острія, такъ что все вмѣстѣ образуетъ трезубецъ, или что-то въ родѣ вилъ. Такихъ трезубцевъ никогда не встрѣчается въ собственно византійскихъ миніатюрахъ, но встрѣчаются они много разъ въ рисункахъ нашей болгарской «Лѣтописи», и составляютъ въ ней очень замѣчательную особенность [2]). Родина этого трезубца—Азія, и мы его тамъ находимъ у монголоидныхъ народовъ, напримѣръ, у китайцевъ: тамъ они исполняютъ роль «алебарды» [3]).

48. Китайскій трезубецъ.

Что это орудіе имѣло назначеніе быть знаменемъ или военнымъ значкомъ, доказывается тѣмъ, что подъ «трезубцемъ» или «полулуніемъ иногда бываетъ нарисованъ кусокъ матеріи (обыкновенно красной), что и превращаетъ его вполнѣ въ знамя или военный значокъ. Очень можетъ быть, что первоначально эта полукруглая фигура олицетворяла луну (языческій символъ древней Азіи, бывшій въ большомъ употребленіи еще въ Вавилонѣ и Ассиріи), и такую «луну», на длинной палкѣ или шестѣ, мы видимъ, въ числѣ знаменъ или военныхъ значковъ, еще у даковъ II-го в., на Траяновой колоннѣ и у Скиѳовъ [4]). Впослѣдствіи по принятіи христіанства этотъ значокъ или знамя былъ увѣнчанъ крестомъ и служилъ не только для цѣлей военныхъ, но также и религіозныхъ. Такъ, на картинѣ, изображающей похороны царевича Іоанна Асѣня, сына болгарскаго царя Іоанна-Александра, въ рукахъ у духовенства мы видимъ свѣтильникъ, состоящій изъ длиннаго шеста съ крестомъ поверхъ полулунія, вверху зажженная свѣча или факелъ [5]). Въ Византіи церкви увѣнчивались очень разнообразными фигурами и орнаментальными украшеніями [6]), и изрѣдка, въ числѣ ихъ, появляется и крестъ надъ луною (нашъ рисунокъ № 56). Подобно этому

49. Военный значокъ Даковъ.

---

[1]) *Иречекъ*, стран. 163.

[2]) „Манассіина лѣтопись", листы: 118, 122, 122 обор., 146, 172, 174, 183 обор. (нашъ рисунокъ № 48). „Трезубца", о которомъ здѣсь говорится, не слѣдуетъ смѣшивать ни съ „трезубцемъ" Нептуна классической миѳологіи, ни съ „трезубцами" римскихъ гладіаторовъ. Происхожденіе этихъ послѣднихъ, такъ сказать, водное. Они идутъ отъ трезубца или остроги рыболововъ, и форма ихъ совсѣмъ иная: она прямоугольная между тѣмъ какъ „трезубецъ"—военное орудіе восточниковъ, имѣетъ округлость полулуны.

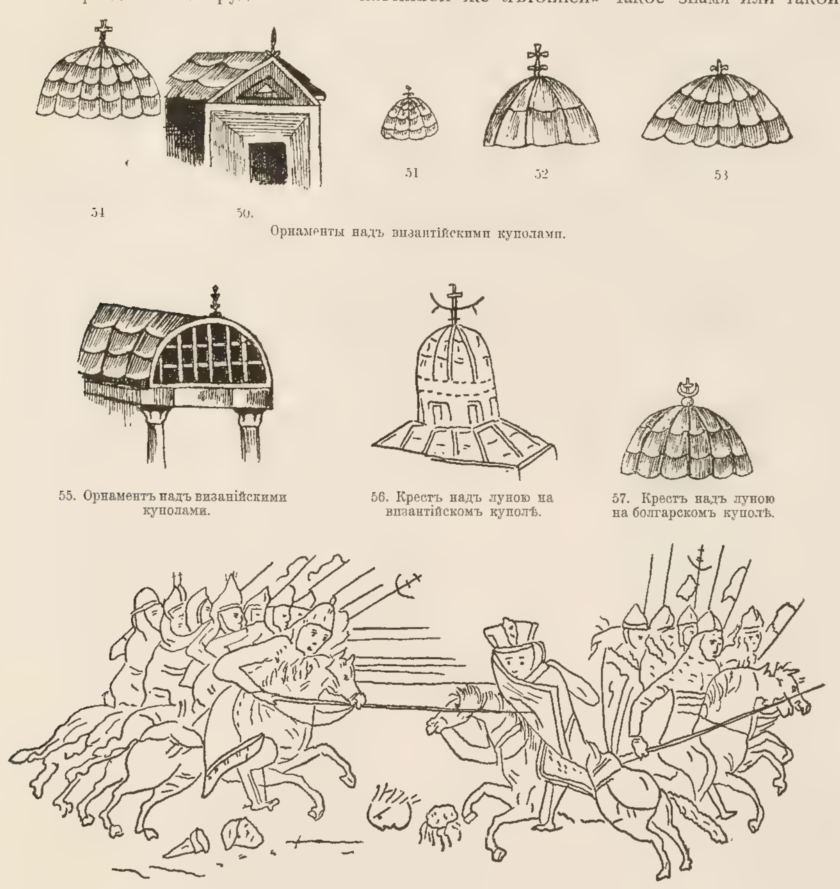
[3]) *Ратцель*, „Народовѣдѣніе", переводъ Коробчевскаго, Спб., 1900, томъ II, рисунокъ въ краскахъ, № 7 на таблицѣ: „Японское и китайское оружіе" (нашъ рисунокъ № 48).

[4]) *Frohner*, „La colonne Trajane", pl. 51 (нашъ рис. № 49).—Геродотова Скиѳія, Спб., 1866, табл. II, № 1.

[5]) „Манассіина Лѣтопись", л. 2.

[6]) „Menologium" Василія II, стран. 102, 113, 125, 140, 141, 160 (наши рисунки №№ 50 55).

существовали кресты съ полулуніями и на вершинѣ болгарскихъ церквей [1]). Отъ какого восточнаго племени получила Византія эту фигуру для своего войска, опредѣлить теперь довольно трудно. Въ «Манассіиной же лѣтописи» такое знамя или такой

Орнаменты надъ византійскими куполами.

55. Орнаментъ надъ византійскими куполами.

56. Крестъ надъ луною на византійскомъ куполѣ.

57. Крестъ надъ луною на болгарскомъ куполѣ.

58. Битва болгаръ съ греками.

военный значокъ изображенъ не только у болгаръ, но также у византійцевъ, персовъ, куманъ и древнихъ грековъ [2]).

9.

Обратимся затѣмъ къ архитектурѣ.

На рисункахъ «Манассіиной Лѣтописи» останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, раньше всего, городскія стѣны. Онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ византійскими

[1]) „Манассіина лѣтопись", листъ 131 (нашъ рисунокъ № 57).

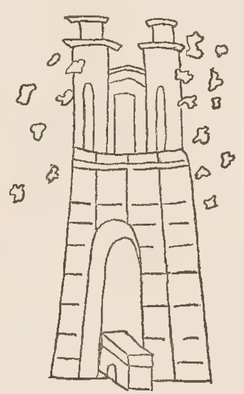
[2]) „Манассіина лѣтопись", листы: 62 обор., 118, 122, 168, 172 (нашъ рисунокъ № 58).

изображеніями городскихъ стѣнъ, но также представляютъ и значительныя отличія. Какъ въ «Менологіи» Василія II-го, такъ и во множествѣ другихъ византійскихъ рукописей, городскія стѣны являются обыкновенно каменными, съ очень явственно обозначенными рядами правильно отесанныхъ и правильно положенныхъ камней. Вершины стѣнъ и башенъ увѣнчаны обыкновенными крѣпостными зубцами. Для примѣра представляемъ здѣсь стѣны Царьграда [1]).

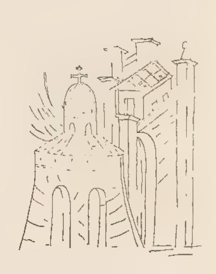
Стѣны болгарскихъ и иныхъ городовъ и крѣпостей имѣютъ очень отличный, своеобразный видъ. Ни на одной изъ всѣхъ многочисленныхъ стѣнъ, нарисованныхъ въ «Манассіиной Лѣтописи», не видать кладки изъ камней. Никакихъ рядовъ и швовъ не замѣтно. Самый цвѣтъ зданій указываетъ не на стѣны каменныя, а на стѣны деревянныя. Кажется, безъ всякаго исключенія надо подразумѣвать вездѣ здѣсь стѣны деревянныя, какихъ въ Византіи вовсе не извѣстно [2]). Конечно, нельзя сказать, чтобы болгары не знали каменной постройки. На одномъ изъ листовъ «Манассіиной лѣтописи» мы видимъ картинку «Столпотвореніе вавилонское», гдѣ городъ Вавилонъ представ-

59. Стѣны Царьграда.

60. Столпотвореніе Вавилонское.

61. Горящая болгарская церковь.

ленъ посредствомъ какой-то крѣпости, съ башнями по угламъ. Крѣпость эта состоитъ изъ двухъ, и даже трехъ этажей: нижній—каменный, и ряды камней здѣсь явственно обозначены (въ видѣ исключенія), и по серединѣ—съ большими воротами, оканчивающимися вверху полукруглой аркой, какъ это обычно въ каменной стройкѣ. Эти стѣны разрушаются, и большіе куски камня летятъ въ разныя стороны. Болгарскіе рисовальщики слѣдовали въ этомъ разсказу Библіи. Но верхніе этажи, по всей вѣроятности, уже деревянные, и потому не представляютъ раздѣленія на ряды или пласты камней [3]). Въ другомъ мѣстѣ той-же рукописи, мы видимъ «Построеніе города Рима» [4]). Здѣсь тщательно и ясно представлено, какъ каменьщики тешутъ камни для строющагося вновь города. Въ третьемъ мѣстѣ представлено, какъ горитъ каменная церковь съ деревяннымъ верхомъ, запаленная болгарскихъ царемъ Симеономъ [5]). Все это достаточно

[1]) „Menologium Graecorum“, p. 46 (нашъ рисунокъ № 59).

[2]) Доростолъ, Преславъ, Плиска: „Манасс. лѣтоп.“, лл. 179, 183 (наши рисунки №№ 22, наша таблица III).

[3]) „Манассіина лѣтопись“, листъ 15, (нашъ рисунокъ № 60).

[4]) Тамъ же, листъ 67 обор.

[5]) Манасс. лѣтоп., л. 174 (нашъ рисунокъ № 61).

доказываетъ, что постройка изъ камней была болгарамъ извѣстна. Но неоспоримо, кажется, то, что наибольшая и наиглавнѣйшая масса болгарскихъ построекъ была деревянная. Что касается спеціально крѣпостей, то множество лѣтописныхъ извѣстій утверждаютъ этотъ фактъ самымъ неопровержимымъ образомъ.

Говоря объ осадѣ болгарской столицы Переяславца византійскимъ императоромъ Цимисхіемъ, Чертковъ говоритъ: «Болгарскіе владыки имѣли дома въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ, но эти деревянные пріюты X-го вѣка, царей, носившихъ овчинные тулупы, могли ли быть огромнѣе домиковъ нашихъ степныхъ помѣщиковъ? И теперь (1843) всѣ дома, даже турецкихъ пашей въ Болгаріи ничто другое, какъ малороссійскія плетеныя хаты, обмазанныя снаружи глиной... Вслѣдствіе того, можно ли вѣрить, чтобы въ Переяславскомъ деревянномъ домикѣ (царскомъ дворцѣ, по Кедрину) могло защищаться 8.000 русскихъ?... Цимисхій повелъ свое войско на приступъ къ городскимъ стѣнамъ—стѣнамъ, вѣроятно, деревяннымъ. Парижъ въ концѣ IX-го вѣка, при осадѣ его норманнами, имѣлъ башни деревянныя (Depping, Histoire des expéditions des Normands, vol. II, chapitre VII)» [1]). Въ своемъ классическомъ сочиненіи о французской архитектурѣ Віоллэ-лё-Дюкъ высказываетъ это же самое положеніе въ самыхъ обширныхъ рамкахъ: «Во время Меровингскаго и Карловингскаго періодовъ (V—VIII; VIII—X вѣка), говоритъ онъ, церкви, монастыри, дворцы, дома, шоссе, мосты, даже крѣпостныя стѣны, были большею частью строены изъ дерева, или, по крайней мѣрѣ, дерево играло большую роль въ постройкѣ. Съ XI-го вѣка дерева болѣе не употребляютъ (во Франціи) въ общественныхъ зданіяхъ, кромѣ только для покрытія сводовъ и поддерживанія черепицы или свинца, а въ домахъ — для половъ и подкровельной части. Когда позабыты были несчастія, результатъ небрежности, безпорядочности и войнъ, когда торговые города получили большое торговое значеніе, частныя постройки изъ дерева появились снова, какъ болѣе легкія для работы и какъ менѣе занимающія земельнаго пространства. Именно въ коммерческихъ городахъ XV-го вѣка (Руанъ, Канъ, Парижъ, Реймсъ, Труа, Аміэнъ, Бовэ) появляются снова деревянные дома на мѣсто каменныхъ домовъ XII-го и XIII-го вѣковъ»... [2]).

Въ древней Болгаріи къ числу каменныхъ построекъ принадлежали, повидимому, почти исключительно, только нѣкоторыя церкви. Примѣры такихъ построекъ мы видимъ, во-первыхъ, въ четырехъ миніатюрахъ знаменитаго «Святославова Сборника» XI-го вѣка, какъ сколкахъ съ болгарскаго оригинала; во-вторыхъ, въ миніатюрѣ одного болгарскаго евангелія XIII-го вѣка. Въ первыхъ рисункахъ являются передъ нашими глазами четыре русскихъ превосходныхъ копіи съ болгарскихъ оригиналовъ, изображающихъ высоко-художественныя и совершенно разнообразныя болгарскія церкви византійскаго стиля, но со многими особенностями архитектуры и оригинальной стѣнной фресковой раскраски и живописи, въ болгарскомъ особенномъ стилѣ [3]). Въ рисункѣ второй рукописи представлена аркада византійскаго стиля, съ колонками, у которыхъ капители состоятъ изъ львиныхъ головъ; подъ нею изображенъ евангелистъ Маркъ, босоногій, сидящій на скамьѣ и пишущій евангеліе. Подлѣ стоитъ высокій канделябръ съ зажженными свѣ-

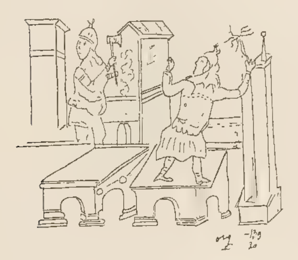
---

[1]) *Чертковъ*, „Описаніе войны в. к. Святослава противъ болгаръ и грековъ“, стр. 225 226.

[2]) *Viollet-le-Duc*, Dictionnaire raisonné de l'architecture française. Paris, 1859, vol. II, p. 213. Статья: „Дерево“.

[3]) „Святославовъ Сборникъ“, изданіе Общества любителей древней письменности, 1880, 4 таблицы.—*Стасовъ*, „Славянскій и восточный орнаментъ“, табл. XLIII.

чами. Вверху надпись: «Лѣвовъ образъ а се кандила и свѣщѣ». Подъ ногами у евангелиста — мозаичный полъ. Колоритъ всей миніатюры — грубый и рѣзкій, съ преобладаніемъ красокъ красной, черной и оранжевой [1]. Надо полагать, что подобныхъ изображеній каменныхъ болгарскихъ церквей съ многочисленными національными ихъ особенностями должно существовать въ Болгаріи немало. Но покуда они остаются неизвѣстными. Кромѣ церквей, до сихъ поръ неизвѣстно, по стариннымъ памятникамъ, примѣровъ другихъ болгарскихъ построекъ изъ камня. Напротивъ, судя по историческимъ свѣдѣніямъ, надо, кажется, прійти къ тому заключенію, что большинство древнихъ болгарскихъ построекъ были всѣ сооружены изъ дерева. Византійскіе историки разсказываютъ, что императоръ Никифоръ, въ 711 г., «жегъ» дворцы болгарскаго князя Крума; что императоръ Василій пошелъ въ 1017 году разорять Болгарію, взялъ крѣпость Лонгъ, или Лонгонъ, «сжегъ» ее, «сжегъ» Босоградъ. Сктена, гдѣ находился дворецъ болгарскаго царя Самуила и большіе запасы хлѣба, взята и «сожжена» [2]. Сомнительно, чтобъ всѣ эти поджоги и сожженія происходили такъ часто, такъ скоро и такъ легко—со зданіями каменными. Притомъ же, въ одномъ мѣстѣ лѣтописей встрѣчаются вотъ какія важныя подробности. «Крумъ, узнавъ, что войско императора Никифора стоитъ на равнинѣ, окруженной горами, приказалъ загородить всѣ ущелья крѣпкими засѣками и даже въ иныхъ мѣстахъ построить стѣны. Болгары употребили на это двое сутокъ». «Греческій императоръ Василій пошелъ въ 1015 г. на Мглинъ, обложилъ деревянныя его стѣны дровами и зажегъ ихъ» [3]. Это все—свидѣтельства, вполнѣ убѣждающія въ томъ, что болгарскія крѣпостныя стѣны были деревянныя. Нѣкоторые рисунки «Манассіиной лѣтописи» подтверждаютъ это самымъ нагляднымъ образомъ. При описаніи царствованія императора Никифора Копронима, миніатюра изображаетъ, какъ онъ, въ своемъ иконоборческомъ рвеніи, велитъ разрушить православную церковь. Два его воина, въ панцыряхъ и шлемахъ, вскочили на столы и исполняютъ волю своего владыки: одинъ рубитъ топоромъ зажженное зданіе, другой факеломъ зажигаетъ башенку съ остроконечнымъ верхомъ (можетъ быть, колокольню), съ угла [4]. Не будь эти зданія деревянныя, конечно, ихъ не рубили бы топоромъ и не зажигали бы съ угла. Другая миніатюра изображаетъ пожаръ церкви, про которую въ надписи сказано: «Симеонъ царь болгаромъ запали пигіѹ») (т.-е. церковь Живоначальнаго Источника) [5]. Нижній этажъ церкви—каменный, что видно по пластамъ камней въ постройкѣ; кровля же и куполъ—деревянные, и они-то именно и пылаютъ.

62. Болгарская церковь, сожженная Копронимомъ-Иконоборцемъ.

Частныхъ построекъ болгарскихъ жителей, не офиціальныхъ и не каменныхъ, мы въ

---

[1]) *Стасовъ*, „Славянскій и восточный орнаментъ“, листъ VII, № 1.

[2]) *Чертковъ*, „Манассіина лѣтопись“, Москва, 1860, стр. 84, 137.

[3]) Тамъ-же, стр. 85, 134.

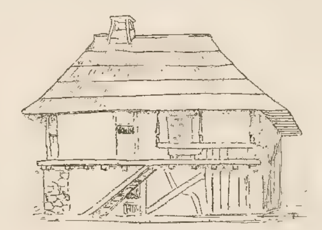
[4]) „Манассіина лѣтопись“, листъ 139 (нашъ рисунокъ № 62).

[5]) Тамъ-же, листъ 174 (нашъ рисунокъ № 61, выше). Обратимъ вниманіе, мимоходомъ, на тотъ фактъ, что даже въ XIV-мъ вѣкѣ многія русскія церкви, обыкновенно каменныя, судя по множеству указаній въ лѣтописяхъ, строились и изъ дерева. Въ примѣръ можно выставить картинку изъ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“, гдѣ плотники топорами рубятъ церковь изъ бревенъ: листъ 123 (нашъ рисунокъ № 63).

«Манассіиной лѣтописи» не встрѣчаемъ. Какъ уже выше сказано, болгарскія постройки, дома собственно самого народа, состояли на половину изъ деревяннаго каркаса, на половину были набивные изъ глины по деревянному остову [1]). Примѣромъ тому можетъ служить одинъ изъ сельскихъ современныхъ домиковъ болгарскихъ, изображенныхъ въ болгарскомъ «Сборникѣ» [2]). Вмѣсто такихъ, дѣйствительно, народныхъ, характерныхъ домовъ и избъ, въ «Манассіиной лѣтописи» всѣ постройки: дворцы, общественныя и частныя зданія (кромѣ крѣпостныхъ стѣнъ), каменныя, прямо въ византійскомъ стилѣ, со сводами, аркадами, колонками, бесѣдками и проч., и даже орнаментами. Дѣйствительнаго, и болгарскаго—тутъ ничего нѣтъ. Все условно и идеально, по подражанію византійскимъ рукописямъ.

63. Построеніе русской деревянной церкви.

64. Болгарскій сельскій домъ въ Осиковѣ.

Но что̀ является необыкновенно интереснымъ образчикомъ болгарскихъ сооруженій и архитектурнаго національнаго стиля, это—большой парадный столъ, за которымъ сидитъ на пиру болгарскій князь Крумъ [3]). Этотъ столъ — деревянный, на рѣзныхъ ножкахъ со звѣриными лапами (почти вся болгарская орнаментація—звѣринаго стиля), съ многими рѣзными же столбиками въ славянскомъ стилѣ, поддерживающими верхнюю горизонтальную доску стола. Въ «Манассіиной лѣтописи» представлены въ разныхъ мѣстахъ и другіе столы, но они имѣютъ характеръ византійскій.

10.

Въ числѣ національностей, изображенныхъ въ иллюстраціяхъ «Манассіиной лѣтописи», находится также и національность русская. Какъ было упомянуто уже выше, къ ней относится пять картинокъ: четыре сцены изъ войны великаго князя Святослава

---

[1]) Сербскіе дома, или избы, составляя противоположность болгарскимъ, были всегда, подобно русскимъ избамъ, бревенчатые. Бывшій профессоръ исторіи бѣлградскаго университета, а нынче сербскій посланникъ при Императорскомъ Русскомъ Дворѣ, С. И. Новаковичъ, сообщаетъ мнѣ въ письмѣ отъ 14 марта настоящаго (1902), въ отвѣтъ на мои вопросы, что въ „Сербіи, прежде новѣйшихъ вліяній, всѣ постройки, кромѣ церквей, были деревянныя, даже нѣкогда и города. Въ окрестностяхъ Новаго Базара (стариннаго сербскаго центра) сохранились слѣды двухъ городовъ, которые назывались: „Врвеникъ“ (Бревенный городъ)“.

[2]) „Сборникъ за народни умотворение“ и проч., София. 1901. Книга VIII. Статья *Д. Маринова*: „Градиво за веществената култура на Западни България“. I. Жилище. стр. 5 и слѣд.: „Ижа (хижа) или куща уземъ“. Изображеніе болгарской народной избы, или кущи, въ приложеніи къ книгѣ VIII: „Селска куща отъ селеній Осиково и Белимелъ“ (нашъ рисунокъ № 64).

[3]) „Манассіина лѣтопись“, листъ 146 (нашъ рисунокъ № 19). Другой же деревянный болгарскій столъ очень неправильной формы и на трехъ расходящихся врозь ножкахъ, представленъ въ болгарскомъ „Сборникѣ“, книга VIII, 1901 года, въ упомянутой выше статьѣ Д. Маринова: „Градиво“ и проч., стр. 92 („селскитѣ столове съ дървени триножници“).

Игоревича съ болгарами и византійцами, и одна, представляющая «крещеніе Русовъ». Къ этимъ пяти картинкамъ присоединяется еще 6-я, гдѣ русскихъ непосредственно не представлено, но которая имѣетъ косвенное отношеніе къ исторіи войны Святославовой. Эти рисунки заключаютъ для насъ, конечно, особенный интересъ, такъ какъ, кромѣ ватиканской рукописи, не извѣстно нигдѣ болѣе изображенія этихъ сценъ, ни въ византійскихъ, ни въ древне-русскихъ рисункахъ.

Приступая къ изслѣдованію этихъ миніатюръ, чувствуешь, безъ сомнѣнія, большое чувство удовлетворенія, встрѣчая изображенія разныхъ бытовыхъ подробностей по части русскаго костюма и вооруженія, которыя не были намъ раньше извѣстны ни по какимъ документамъ, ни памятникамъ. Но въ то же время нельзя не сожалѣть о томъ, что въ этихъ миніатюрахъ не представлное многое такое, что могло бы и должно было бы тамъ находиться и прибавило бы нѣкоторыя существенныя, очень важныя черты въ изображаемыхъ сценахъ, и избавило ихъ отъ нѣкоторой односторонности, неполноты и даже невѣрности.

Изъ разсказовъ греческихъ историковъ извѣстно, что во всѣхъ своихъ бояхъ съ болгарами и византійцами, Святославъ располагалъ до послѣдняго времени только пѣшимъ войскомъ. Между тѣмъ, на всѣхъ рисункахъ «Манассіиной лѣтописи», гдѣ являются русскіе, они постоянно представлены конными [1]). Отчего такое странное противорѣчіе между лѣтописями и рисунками старыхъ временъ? Разсмотримъ его поближе.

Въ пользу рисовальщиковъ XIV-го вѣка можно было бы привести нѣсколько очень существенныхъ, на первый взглядъ, фактовъ. Первый изъ нихъ тотъ, что одно изъ главныхъ божествъ древнихъ славянъ былъ всегда конь (=Хорсъ), чего не могло бы быть, еслибъ конь, не только въ азіатской прародинѣ, но и въ новомъ европейскомъ отечествѣ славянъ, не былъ бы въ великомъ распространеніи и постоянномъ употребленіи у славянскихъ племенъ, во всѣхъ отправленіяхъ ихъ жизни [2]). Во-вторыхъ, по лѣтописямъ извѣстно, что въ древнѣйшія времена, еще въ VI-мъ вѣкѣ, славяне владѣли огромными табунами не только рогатаго скота, но и коней [3]). Мудрено предположить, чтобъ при такомъ богатствѣ это животное не служило имъ для всѣхъ подробностей ихъ жизни, какъ мирныхъ, такъ и воинственныхъ. Въ-третьихъ, великій князь Святославъ Игоревичъ былъ, какъ извѣстно, по натурѣ своей страстный конникъ, можно сказать, спеціалистъ-конникъ, проводившій всю жизнь на конѣ, и даже спавшій, подложивъ подъ голову конское сѣдло, такъ что вся его фигура и личность являются воплощеніемъ какого-то тюрка-конника, одного изъ тѣхъ, которые то сидѣли на коврѣ на своей восточной эстрадѣ, то прямо съ этой эстрады садились на коня.

То, что извѣстно изъ внѣшняго облика великаго князя Святослава, даетъ понятіе объ элементахъ въ немъ прямо тюркскихъ. Святославъ имѣлъ голову бритую и носилъ косу (малороссійскій оселедецъ), какъ всѣ монголоидные народы; у него была вдѣта въ ухо серьга, на немъ была бѣлая льняная рубаха, подобно тому, какъ у всѣхъ героевъ и богатырей монголоидныхъ поэмъ [4]). Традиція о любви Святослава къ коню

1) „Манассіина лѣтопись“, листы: 178 и 179. Наши таблицы II-я и III-я.

2) *Hehn*, Culturpflanzen u. Hausthiere, in ihrem Uebergange aus Asien nach Europa. 4-e Ausg. Berl. 1894, S. 43—44.

3) *Иречекъ*, стр. 111.

4) *Bergmann*, „Streifereien unter den Kalmücken“, Riga, 1804, B. IV, Djangariade, S. 199, 208, 209; *Radloff*. Proben der Volksliteratur der türk. Stämme Süd-Sibiriens, S. P. B. 1870, B. II, S. 701.—*В. Стасовъ*, Собраніе сочиненій, Спб., 1886: „Происхожденіе русскихъ былинъ“, т. III, стр. 1209.

и конной ѣздѣ была такъ прочно утверждена у византійцевъ, что въ картинкахъ византійской рукописи: «Синопсисъ исторіи», Іоанна Скилицы Куропалата, XIV-го вѣка, находящейся въ Національной Библіотекѣ, въ Мадридѣ, онъ всегда изображенъ, имѣющимъ коня своего близь себя, такъ что даже въ сценѣ «свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ» Святославъ представленъ только что сошедшимъ съ коня, тогда какъ общеизвѣстно, что въ дѣйствительности Святославъ пріѣхалъ на это свиданіе—въ лодкѣ [1]).—Извѣстно также изъ лѣтописей, что Святославъ много разъ говаривалъ матери своей, великой княгинѣ Ольгѣ, что ему веселѣе жить въ Болгаріи, въ Переяславцѣ на Дунаѣ, чѣмъ въ Кіевѣ, потому что туда, въ Болгарію, стекались со всѣхъ сторонъ всѣ предметы, ему дорогіе и пріятные: изъ Греціи—золото, драгоцѣнныя ткани и плоды; изъ Чехіи и Венгріи—кони и серебро; изъ Руси—мѣха, воскъ, невольники [2]). Далѣе, правда, въ лѣтописяхъ говорится, что Святославъ пошелъ на болгаръ, по приглашенію византійскаго императора, на ладьяхъ и на ладьяхъ же воротился со своимъ войскомъ изъ Болгаріи въ Кіевъ [3]), но на этихъ ладьяхъ могли быть помѣщены и кони, что въ теченіе среднихъ вѣковъ практиковалось нерѣдко въ Европѣ; такъ, напр., на извѣстномъ «коврѣ королевы Матильды», XII вѣка, нѣсколько разъ изображена перевозка коней изъ войска англійскаго на ладьяхъ, и даже представлено, какъ этихъ коней вводили на ладьи, какъ везли по морю, а потомъ сводили оттуда [4]). Въ упомянутой выше византійской рукописи Іоанна Скилицы Куропалата представлена русская флотилія, направляющаяся къ Константинополю [5]).

65. Перевозка коней англійскаго войска во Францію, рисунокъ ковра королевы Матильды (Tapisserie de Bayeux).

Но всѣ эти факты вызываютъ не мало возраженій.

Табуны коней, о которыхъ говорятъ лѣтописи, принадлежали славянамъ еще кочевникамъ, но не славянамъ-земледѣльцамъ, какими по преимуществу съ самой древности являются славяне русскіе. У этихъ послѣднихъ коннаго войска не было. Личный характеръ и личные вкусы великаго князя Сятослава не доказываютъ ни личнаго настроенія, ни привычекъ, ни потребностей, ни вкусовъ управляемаго имъ народа. Римскій императоръ Александръ Северъ очень возлюбилъ восточныя одежды, но не въ состояніи былъ привить ихъ своему народу; императоръ Каракалла очень возлюбилъ галльскій костюмъ, но не въ состояніи былъ привить его своему народу; императоръ Петръ Великій сильно возлюбилъ плаваніе по водѣ и желалъ привить этотъ

[1]) *Н. П. Кондаковъ*, Русскіе клады, С. П. Б. 1896: рисунокъ № 41 (стран. 83) „Переговоры Цимисхія со Святославомъ“.—Фотографическіе снимки со всѣхъ этой рукописи принесены въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ профессоромъ Н. П. Кондаковымъ.

[2]) Лаврентьевская лѣтопись, изд. 1846, стр. 28.

[3]) Тамъ же, стр. 30.

[4]) *Iubinal*, Anciennes tapisseries historiées, Paris, 1838, Pl. 13, 14 и др. (нашъ рисунокъ № 65).

[5]) Одинъ изъ фотографическихъ снимковъ съ мадридской рукописи въ Императорской Спб. Пуб. Библ., л. 130, № IX. Этотъ рисунокъ не былъ воспроизведенъ проф. Кондаковымъ въ его „Русскихъ кладахъ“.

вкусъ своему народу, въ особенности въ своей новой столицѣ, но не въ состояніи былъ этого достигнуть. Точно то же случилось и съ великимъ княземъ Святославомъ— ему не привелось обратить своихъ кіевлянъ въ тюрковъ-конниковъ. Они такъ и остались пѣшими земледѣльцами. Наши доблестнѣйшіе воины иногда получали коней въ подарокъ отъ восточныхъ властителей. Подъ 968 годомъ въ нашей лѣтописи говорится: «И въдастъ печенѣжьскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы», повидимому, какъ нѣчто особенно цѣнное и рѣдкое [1]). Притомъ же, если Святославъ появлялся во главѣ войска своего верхомъ, то это, конечно, всего скорѣе вслѣдствіе своего званія военачальника; точно также являлся во главѣ своего войска и его дѣдъ, князь Олегъ (этотъ князь, по легендѣ, погибъ даже отъ змѣи, выползшей изъ черепа его издохшаго любимаго коня). Наконецъ, что касается возможности, которую имѣлъ Святославъ, привезти коней на ладьяхъ изъ Руси, то, конечно, возможность такая существовала, только нѣтъ повода, въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, не вѣрить вполнѣ свидѣтельству греческихъ историковъ, которые въ одинъ голосъ всѣ говорятъ, что у Святослава конницы не было. Левъ-дьяконъ именно говоритъ, что 25-го апрѣля 971 года русскіе верхомъ вышли изъ Доростола, гдѣ были осаждены византійскимъ войскомъ, и тогда греки увидѣли ихъ *въ первый разъ* сидящими на коняхъ. Руссы не умѣли хорошо управлять лошадьми и набрали, вѣроятно, такихъ коней, которые не привыкли къ стройнымъ и совокупнымъ движеніямъ, и потому были скоро принуждены возвратиться въ Доростолъ. Послѣ заключенія мира, Святославъ посадилъ дружину свою на коней и направился обратно въ Кіевъ [2]).

Такимъ образомъ, можно сожалѣть, что болгарскіе рисовальщики XIV вѣка не знали, повидимому, настоящихъ обстоятельствъ войны Святослава, и потому, спустя 400 лѣтъ послѣ событій, нарисовали сцены изъ войны великаго князя Святослава въ нѣсколько невѣрномъ видѣ, т.-е. съ пропускомъ русскаго пѣшаго строя и движеній.

Можно также пожалѣть, что у этихъ рисовальщиковъ не было представлено, въ ихъ иллюстраціяхъ, еще одной особенности Святославовой войны въ Болгаріи. Это именно того, что во время осады Доростола, длившейся цѣлыхъ три мѣсяца, какъ съ суши, такъ и со стороны рѣки, въ борьбѣ участвовали русскія женщины въ мужской одеждѣ [3]). Фактъ экстраординарный и рѣдкій, который, конечно, могъ бы дать мотивъ для интересной картинки въ числѣ иллюстрацій «Лѣтописи». Но онъ доказываетъ одну очень любопытную вещь, мало замѣченную русскими историками: это именно то, что въ X вѣкѣ русскія войска двигались въ походахъ, въ иныхъ случаяхъ, еще совершенно по образу и подобію кочевыхъ азіатскихъ ордъ. Извѣстно, какая въ войскѣ гуннскаго царя Аттилы, въ IV вѣкѣ, была громадная масса женщинъ, двигавшихся вмѣстѣ съ мужьями, въ кибиткахъ, изъ Азіи въ Европу и даже занимавшихся своими всегдашними работами, вышиваніемъ полотенцъ; извѣстно, какъ войско болгарскаго князя Крума, въ IX вѣкѣ, точно также двигалось по Балканскому полуострову съ толпой женъ и дѣтей; приступая къ осадѣ Константинополя, Крумъ совершилъ всѣ свои языческіе обряды на лугу у Золотыхъ воротъ: закололъ множество людей и животныхъ въ жертву богамъ, омочилъ свои ноги въ морѣ, окропилъ свое войско водою, и, при кликахъ бол-

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, изд. 1846, стран. 28.

[2]) *Чертковъ*, Описаніе войны великаго князя Святослава противъ болгаръ и грековъ, стр. 232 214. Лавр. лѣтопись, стр. 26—28.

[3]) *Иречекъ*, стр. 243.

гаръ, прошелъ торжественнымъ шествіемъ черезъ толпу женщинъ, которыя передъ нимъ падали ницъ и его восхваляли, и затѣмъ началъ свою осаду [1]). Русскіе въ X вѣкѣ точно также ходили въ походъ вмѣстѣ со своими женами и обозами, и, какъ мы видѣли выше, эти жены иногда вооружались и дѣйствовали въ бою рядомъ со своими мужьями. Извѣстно, что во время Святославовой войны Руссы утопили въ Истрѣ «грудныхъ младенцевъ» [2]): значитъ, при лагерѣ русскихъ находились и семейства ихъ. Въ XII вѣкѣ у русскихъ были уже другіе военные нравы: въ великолѣпномъ «Словѣ о Полку Игоревѣ» женщины русскія не идутъ уже на войну, а сидятъ дома. «Жены русскія восплакашась, аркучи: Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, и злата и сребра ни мало того потрепати...» Но тюрки-печенѣги продолжали въ это самое время ходить на свои войны всѣмъ домомъ, съ женщинами и съ обозомъ: «Крычатъ тѣлѣгы полунощи», — говоритъ то же «Слово о Полку Игоревѣ»,—а потомъ: «Помчаша (русскіе) дѣвкы половецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты»; наконецъ: «орстъмами и япончицами и кожухы начаша (русскіе) мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мостомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми».

Въ иллюстраціяхъ «Манассіиной лѣтописи» русскій великій князь Святославъ представленъ на двухъ листахъ: 178-мъ и 179-мъ, цѣлыхъ четыре раза, по два раза на каждомъ листѣ (сцена верхняя и сцена нижняя), и всѣ четыре раза онъ представленъ иначе. Отчего такая странность, рѣшить теперь невозможно. Онъ ни разу не является здѣсь въ томъ характерномъ костюмѣ, какой описываютъ греческіе лѣтописцы (рубашка). Вмѣсто того, онъ всѣ четыре раза изображенъ въ длинномъ, узкомъ, красномъ кафтанѣ, два раза въ вѣнцѣ и два раза въ шлемѣ. Было бы несправедливо видѣть въ этомъ простое повтореніе костюма византійскихъ императоровъ: въ одѣяніи Святослава появляются особенности, которыхъ въ одѣяніи византійскихъ императоровъ не существуетъ. И во-первыхъ, мы знаемъ красные, узкіе и длинные кафтаны не на однихъ только византійскихъ императорахъ, но также на множествѣ личностей какъ простого, такъ и высшаго сословія, въ миніатюрахъ восточныхъ рукописей, особенно тюркскихъ и персидскихъ. Точно также, мы видимъ красные, узкіе и длинные кафтаны не только на болгарскихъ миніатюрахъ [3]), но и на русскихъ, напр., на миніатюрѣ XIII вѣка, изображающей св. мученика князя Бориса и представленной на нашей таблицѣ IV, о чемъ будетъ говорено ниже, въ слѣдующемъ параграфѣ.

Во-вторыхъ, надо обратить вниманіе на головную покрышку в. к. Святослава. На листѣ 178-мъ, вверху, у него на головѣ нѣчто въ родѣ вѣнца или тіары, внизу листа—шлемъ; на листѣ 179-мъ, вверху—у него на головѣ плоскій шлемъ, въ родѣ болгарскаго, внизу – вѣнецъ или корона, въ формѣ корзины, уширяющейся вверхъ, какъ многія подобныя же короны на разныхъ иллюстраціяхъ той же «Манассіиной лѣтописи», съ изображеніями владыкъ византійскихъ и болгарскихъ. Довольно странно это появленіе в. к. Святослава на каждомъ изъ двухъ листовъ съ разными головными покрышками: вверху листа—одна, внизу—другая, и причина этого необъяснима. Но, что особенно замѣча-

---

[1]) *Гильфердингъ*, „Исторія сербовъ и болгаръ“, стр. 40.

[2]) *Чертковъ*, Описаніе войны Святослава, стр. 85.

[3]) Болгарскій царь Іоаннъ-Александръ много разъ въ „Манассіиной лѣтописи“ и разъ въ болгарскомъ „Евангеліи“ XIV в., принадлежащемъ лорду Зоучу, въ Лондонѣ; царскій зять Константинъ Деспотъ, тамъ же рисунки въ болгарскомъ „Сборникѣ“, томъ VII, таблица I и II.

тельно, это то, что какъ вѣнцы, такъ и шлемы эти, всегда *золотые,* всякій разъ снабжены *золотой* бармицей (кольчужной частой сѣткой), спускающейся отъ головы на плечи князя. Этой подробности мы не находимъ ни у вѣнцовъ, ни у шлемовъ византійскихъ императоровъ, а также нѣтъ ихъ и у болгарскихъ царей на рисункахъ «Манасс. лѣт.». Между тѣмъ, золотые шлемы съ золотыми же бармицами очень обыкновенны въ миніатюрахъ тюркскихъ и персидскихъ.

Въ-третьихъ, вооруженіе в. к. Святослава, въ четырехъ его сценахъ, также очень разнообразно. На листѣ, 178-мъ, вверху, онъ скачетъ съ мечомъ въ рукѣ; внизу—онъ на всемъ скаку пронзаетъ длиннымъ копьемъ непріятеля, уже упавшаго на землю. Изображенія императора, собственноручно поражающаго непріятеля мечомъ, встрѣчаются иногда въ «Манассіиной лѣтописи» [1]), но съ копьемъ — ни одного раза. На слѣдующемъ же 179-мъ листѣ, в. к. Святославъ изображенъ съ какимъ-то особеннымъ жезломъ или орудіемъ, котораго нигдѣ болѣе не встрѣчается. Востоковъ говоритъ: «Къ стѣнамъ Дрьстра (Доростола) подъѣзжаютъ воины подъ начальствомъ князя, держащаго въ правой рукѣ родъ жезла или копья, съ привязанными къ оному двумя кисточками» [2]). Такого жезла или оружія нигдѣ болѣе мы не встрѣчаемъ, но въ миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи» это оружіе дано въ руки только русскому в. к. Святославу, а сверхъ того, мы его видимъ въ нѣсколькихъ картинкахъ древневосточнаго содержанія: въ рукахъ у воина съ восточнымъ болгарскимъ шлемомъ на головѣ, на картинкѣ, изображающей Александра Македонскаго и царя Птоломея; въ рукахъ у «саракинъ» (Ахиллеса, Менелая и др.), на картинкѣ, представляющей осаду Трои; въ рукахъ у персовъ, осаждающихъ Царьградъ при византійскомъ императорѣ Иракліи [3]).

66а. Ахиллесъ (Саракинъ).

66б. Военный значокъ русскихъ и др.

Всѣ четыре раза в. к. Святославъ представленъ на бѣломъ конѣ небольшого роста и съ крутой шеей (каковы, впрочемъ, и всѣ кони въ иллюстраціяхъ «Манассіиной лѣтописи»). Узда, поводья, подпруга, шлея съ двумя или тремя кисточками у крупа его коня, все это изъ красныхъ ремней, ремни стремянъ также красные (какъ все это существуетъ и до сихъ поръ у большинства тюркскихъ племенъ); круглое сѣдло и чепракъ также красные, послѣднее съ длинными концами внизъ и взадъ, съ кисточкой на концѣ (все -тюркскаго склада и происхожденія, какъ и самое слово «чепракъ»). Шпоръ на сапогахъ у в. к. Святослава не замѣтно, несмотря на то, что на рисункахъ въ книгѣ Шлумбергера шпоры представлены нѣсколько разъ [4]). На нашей III таблицѣ, представляющей сцену: «Идутъ на Дърстръ» (Доростолъ), у насъ обозначены слабые признаки какъ бы нарисованныхъ прежде, а теперь почти совершенно стертыхъ контуровъ шпоры на лѣвой ногѣ князя; но эти признаки настолько сомнительны и

—

[1]) Напр., на листѣ 148-мъ представленъ императоръ Левъ-Армянинъ верхомъ, преслѣдующій, *съ мечомъ въ рукѣ,* болгарскаго князя Крума (нашъ рисунокъ № 20).

[2]) *Востоковъ,* Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музея, стр. 389.

[3]) „Манассіина лѣтопись", листъ 28-й, (нашъ рисунокъ № 39); листъ 62 обор. (наши рисунки №№ 66а и 66б); листъ 122.

[4]) У Шлумбергера: „Un empereur byzantin" на рисункахъ на стр. 567, 571, 575, и на картинкѣ въ краскахъ.

шатки, такъ блѣдны и стерты, что имъ слишкомъ трудно довѣрять. Притомъ же, въ русскомъ древнемъ мірѣ, ни въ рисункахъ сказанія «о Борисѣ и Глѣбѣ», XIV вѣка, ни въ иллюстраціяхъ «Кенигсбергской лѣтописи», ни у Герберштейна, въ XV вѣкѣ, ни у Олеарія, въ XVI вѣкѣ, и т. д., до самаго введенія у насъ европейскаго костюма и обычаевъ при Петрѣ Великомъ, помина о шпорахъ въ России нигдѣ не было, а потому, и имени для обозначенія этого предмета по-русски не существовало.

На рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» знамена у русскихъ имѣютъ, вообще говоря, совершенно одинакій видъ съ византійскими и болгарскими, и, къ удивленію, не имѣютъ только одного того вида, который былъ у нихъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, самымъ кореннымъ и національнымъ. Это—видъ восточныхъ бунчуковъ. Но не бунчуковъ прямо тюркскихъ (какъ у болгаръ, по арабскимъ извѣстіямъ)—изъ однихъ конскихъ хвостовъ, но бунчуковъ съ длинными матерчатыми лопастями, о которыхъ говорится въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: «Сего бо нынѣ стязи Рюриковы, а дрзіи Давидовы, но рози нося имъ хоботы пашутъ, копія поютъ на Дунаи». Такія знамена русскія изображены на рисункахъ русской рукописи XIV вѣка: «Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ» [1]).

67. Русскіе стяги, съ хоботами, XIV вѣка.

Но у русскихъ является, сверхъ того, въ видѣ знамени, или военнаго значка, еще особенное орудіе, состоящее изъ копья, съ остріемъ на концѣ, по сторонамъ котораго возвышается небольшая металлическая фигура въ видѣ лиліи [2]). Этого орудія или значка не изображено на рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» ни у византійцевъ, ни у болгаръ. Но онъ является въ рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» только у русскихъ и у куманъ, всегда въ видѣ знамени, съ кускомъ красной ткани подъ фигурой лиліи [3]). Родина этого орудія или значка — Азія, и именно онъ существовалъ тамъ издревле и до сихъ поръ тамъ существуетъ у разныхъ монголоидныхъ народовъ. Такъ, въ коллекціи большихъ китайскихъ лубочныхъ картинъ съ народнымъ содержаніемъ, полученной мною въ 1902 году, изъ Портъ-Артура, отъ шт.-кап. А. К. Антипова и принесенной мною въ даръ Имп. Публ. Библіотекѣ, находится нѣсколько рисунковъ, со сценами изъ китайскаго театра, и здѣсь разныя дѣйствующія лица, въ старинныхъ китайскихъ костюмахъ, держатъ въ рукахъ подобные жезлы или копья съ лиліями на концѣ [4]). Что касается до древнихъ временъ, то объ употребленіи тамъ такихъ орудій свидѣтельствуютъ желѣзныя фигуры, находимыя иногда, при раскопкахъ, на Кавказѣ [5]). По глубоко-спра-

68. Военный значокъ или орудіе у русскихъ и у нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ.

[1]) Листъ 58 (нашъ рисунокъ № 67).

[2]) Нашъ рисунокъ № 68.

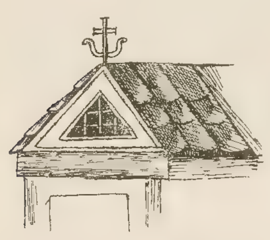
[3]) „Манассіина лѣтопись“, л. 179 (наша III-я таблица: „Идутъ на Дрьстръ“; л. 136 обор.: войско кумановъ.

[4]) Трезубцы съ полу-луной и лиліей по сторонамъ существуютъ до сихъ поръ также на Малайскомъ Архипелагѣ: *Racinet*, Le costume historique, т. III, листъ 134, №№ 11, 12, 14, 17, 20, 21.

[5]) Отч. Арх. Комм. за 1897, стр. 44, рис. № 123: желѣзный трезубецъ, найд. въ Терской обл. близъ Нальчика (нашъ рис. № 68).

ведливому выраженію профессора Н. П. Кондакова, въ его превосходномъ сочиненіи «Русскія древности»,—древности Азіи (сѣверной, центральной и восточной), черезъ посредство Средней Азіи, находятся «въ тѣсномъ родствѣ съ искусствомъ Сѣверной Индіи и Сѣвернаго Кавказа. Первая стоянка новаго стиля открывается на берегахъ Дона, слѣдующая по теченію Дуная, а затѣмъ уже наблюдается быстрое распространеніе его по Рейну (по Европѣ)» [1]).

Такимъ образомъ, съ волжскими-ли болгарами, или съ другими азіатскими монголоидными племенами, но, безъ сомнѣнія, и это орудіе, въ числѣ многихъ другихъ, пришло сначала въ страны Кавказа, на берега Азовскаго моря, а впослѣдствіи перешло и на Балканскій полуостровъ. Оно съ теченіемъ времени появилось даже и въ византійской архитектурѣ и церковной живописи, также со значеніемъ жезла или знамени. Такъ, на вершинѣ иныхъ византійскихъ церквей, IX вѣка, мы видимъ крестъ среди этой лиліеобразной фигуры [2]). Точно также на нѣкоторыхъ византійскихъ образахъ поздней эпохи мы его иногда видимъ въ рукахъ у ангеловъ [3]).

69. Крестъ среди лиліеобразной фигуры, на верху византійской церкви.

Въ заключеніе замѣтимъ, что изъ сказаннаго выше выходитъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что совершенно неосновательно и не заслуживаетъ никакого довѣрія мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые признавали лиліеобразную и полулунную фигуру около креста за символъ побѣды христіанства надъ магометанствомъ [4]): эти фигуры существовали въ Азіи гораздо ранѣе христіанства и магометанства.

Обращаясь затѣмъ отъ вооруженія князя Святослава къ вооруженію его войска, мы находимъ въ рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» слѣдующіе факты. На тѣлѣ у всѣхъ воиновъ желѣзныя чешуйчатыя брони, ясно обозначенныя синей краской. Шлемы у русскихъ воиновъ—желѣзные остроконечные (тоже обозначенные синей краской), иной формы въ сравненіи съ довольно плоскими, низкими, безъ заостренія, или съ малымъ заостреніемъ вверху, шлемами болгарскихъ воиновъ. И эти чешуйчатыя латы, и эти остроконечные шлемы вполнѣ соотвѣтствуютъ русскимъ чешуйчатымъ латамъ и остроконечнымъ шлемамъ на русскихъ миніатюрахъ XIV вѣка [5]). Щиты обозначены довольно неявственно на л. 178. (наша таблица II).

Въ числѣ воиновъ в. к. Святослава оказывается нѣсколько такихъ, которыхъ костюмъ какъ будто не русскій и представляетъ значительныя различія при сравненіи съ нимъ. Я разумѣю одного воина на 179-мъ, и другого на 178-мъ листѣ «Манассіиной лѣтописи» (наши III и II таблицы, въ краскахъ). Первый изъ этихъ воиновъ является позади всѣхъ, въ сценѣ: «Ѣдутъ въ Дръстръ». Онъ не въ желѣзныхъ латахъ и не въ желѣзной кольчугѣ, какъ всѣ прочіе, а въ какомъ-то особомъ узкомъ кафтанѣ темно-коричневаго цвѣта; у него на головѣ не желѣзный островерхій шлемъ, какъ у

---

[1]) Русскія древности, Спб., 1890, выпускъ III, стран. 10.

[2]) Menologium, December, p. 64, рисунокъ № 279 (нашъ рисунокъ № 69).

[3]) *D'Azincourt*, Histoire de l'art, Peinture, pl. CV, 17, образъ на деревѣ, XVII вѣка, въ Collegio Romano.

[4]) *Филимоновъ*, „Значеніе луны подъ крестомъ", въ „Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства", Москва, 1886, стр. 162.

[5]) „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ", л. 58 (нашъ рисунокъ № 67).

прочихъ его товарищей, а какая-то покрышка въ родѣ широкой и плоской шапки: судя по синему цвѣту, она желѣзная, съ желѣзной бармицей до плечъ и съ краснымъ султанчикомъ (изъ перьевъ?) поверхъ шапки. Такой головной покрышки нѣтъ ни у кого болѣе во всей «Манассіиной лѣтописи». Другой воинъ, на листѣ 178-мъ, внизу, несется на своемъ конѣ тотчасъ позади в. к. Святослава съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ. У него на головѣ шлемъ желѣзный, но не высокій, какъ у русскихъ, и не островерхій, а полукруглый вверху, и притомъ съ перышками на вершинѣ (какъ у болгаръ), тогда какъ на русскихъ шлемахъ перьевъ никогда не видно. По моему мнѣнію, эти два воина — чужестранцы въ русскомъ войскѣ. Къ нимъ можно, кажется, примѣнить то, что̀ наши изслѣдователи разсказываютъ о разносоставности войска в. к. Святослава. Чертковъ говоритъ: «Отрядъ Святослава (подъ Доростоломъ) состоялъ изъ венгровъ, болгаръ и лишь малаго числа русскихъ. Предположеніе, что этотъ отрядъ состоялъ предпочтительно изъ мадьяръ, можно подкрѣпить тѣмъ, что ни Левъ Дьяконъ, ни Зонара, ни Кедринъ не знаютъ по имени начальника отряда, между тѣмъ, какъ имъ очень хорошо извѣстно, что Преславу защищалъ Сфенкелъ, а Доростолъ—самъ Святославъ съ Икморомъ» [1]). Проф. Иречекъ также говоритъ, на основаніи показаній Льва Дьякона и Кедрина, что в. к. Святославъ, отвергнувъ въ 970 г. предложеніе императора Іоанна Цимисхія о мирѣ, увеличилъ свое войско болгарскими и мадьярскими наемниками, поразилъ грековъ подъ Адріанополемъ и опустошилъ Ѳракію [2]). Если такія предположенія справедливы, будетъ, можетъ быть, позволительно видѣть венгровъ или другихъ иноземцевъ (спеціально конниковъ) въ тѣхъ двухъ воинахъ, которые такъ сильно отличаются въ нашихъ миніатюрахъ отъ собственно русскихъ воиновъ в. к. Святослава.

Всѣ русскіе воины въ сапогахъ. Всѣ они верхомъ, всѣ сидятъ на круглыхъ сѣдлахъ и продолговатыхъ чепракахъ. У всѣхъ стремена. Шпоръ нигдѣ незамѣтно. Все это также вполнѣ тожественно съ тѣмъ, что мы видимъ на русскихъ миніатюрахъ XIV вѣка [3]).

Всѣ русскіе воины, на рисункахъ «Манассіиной лѣтописи»,—вооружены мечами, копьями, луками и стрѣлами. Мечи всѣ длинные и прямые, какъ всегда у славянъ. Но, къ удивленію, не изображено здѣсь ни единой сабли, тогда какъ сабля издревле извѣстна была русскимъ. Въ 968 году печенѣжскій князь подарилъ русскому витязю Претечѣ коня, саблю и стрѣлы [4]). Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» XII вѣка говорится: «сабли изострены», «поскепаны саблями калеными шеломы аварскіе», «раздолье будетъ саблямъ разшибать шеломы половецкіе». Въ «Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ» XIV вѣка есть нѣсколько рисунковъ, гдѣ въ рукахъ у русскихъ воиновъ представлены то длинные, прямые мечи, то кривыя сабли [5]).

Копья у русскихъ очень длинныя, прямыя, безъ всякихъ особенностей. Луки тоже ничего особеннаго не заключаютъ.

Но стрѣлы и колчаны русскихъ проявляютъ нѣкоторыя исключительныя черты, на которыя слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Какъ выше было уже упомянуто, болгарскіе воины дѣйствуютъ, на миніатюрахъ «Манассіиной лѣтописи», въ числѣ другого оружія, также луками и стрѣлами. Форма и тѣхъ и другихъ, въ большинствѣ случаевъ,

[1]) *Чертковъ*, Описаніе, стр. 218.
[2]) *Иречекъ*, стр. 242.
[3]) Сказаніе о „Борисѣ и Глѣбѣ“ (нашъ рисунокъ № 67).
[4]) Лаврентьевская лѣтопись, Спб., стр. 28.
[5]) „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ“, листъ 88.

обыкновенная, общепринятая. Но иногда встрѣчаются здѣсь стрѣлы особой, мало употребительной формы. Это именно такія стрѣлы, у которыхъ не одно остріе, а два. На листѣ 178-мъ, налѣво вверху, намъ представлена группа болгаръ, отстрѣливающаяся отъ русскихъ, и въ этихъ послѣднихъ летятъ, при этомъ, двѣ стрѣлы съ двойнымъ остріемъ [1]). Подобныя двуконечныя стрѣлы извѣстны намъ въ нѣсколькихъ изображеніяхъ. Во-первыхъ, онѣ награвированы на серебряной оковкѣ знаменитыхъ турьихъ роговъ, открытыхъ проф. Самоквасовымъ въ его раскопкахъ Черниговской губерніи и сохраняемыхъ нынѣ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ [2]). На этихъ рогахъ, относимыхъ къ IX вѣку по Р. Х., представлены сцены охоты какихъ-то дикарей, въ чешуйчатыхъ броняхъ, и стрѣляющихъ изъ луковъ въ фантастическихъ птицъ и звѣрей, двуконечными стрѣлами. Далѣе, подобная же стрѣла находится въ рукахъ у человѣческой фигуры, изображающей собою знакъ «Водолея» въ зодіакѣ «Святославова Сборника» 1073 года, сохраняемаго въ Синодальной библіотекѣ, въ Москвѣ [3]). Эта рукопись, переводная съ болгарскаго, содержитъ, кромѣ рисунковъ собственно русскихъ («Княжеское семейство»), также нѣсколько копій или воспроизведеній съ рисунковъ, несомнѣнно болгарскихъ. Листъ со знаками «зодіака» принадлежитъ къ этому числу. «Водолей» представляетъ собою такую человѣческую фигуру, въ которой нѣтъ ни единой черты спеціально русской: одно въ немъ—византійское, другое—болгарское. Къ первому относятся: туника съ приподнятыми и заткнутыми за поясъ концами ея; нѣчто въ родѣ матерчатаго ожерелья у туники на шеѣ и плечахъ; обувь — остроносые загнутые вверхъ сапоги; вѣнецъ или ореолъ вокругъ головы. Ко второму относятся: окладъ лица славяно-восточный, и цвѣтъ волосъ на головѣ и бородѣ - каштановый-рыжеватый (какъ у многихъ болгарскихъ личностей въ «Манассіиной лѣтописи», начиная съ самого царя Іоанна-Александра); наконецъ, двуконечная стрѣла, какихъ никогда не бывало ни въ Византіи, ни гдѣ-либо въ Западной Европѣ. Подобнаго склада стрѣлы извѣстны съ глубокой древности, но всегда принадлежали дикарямъ-азіатамъ глухихъ мѣстностей, мало тронутыхъ цивилизаціей. Мы находимъ множество ихъ разнообразныхъ формъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи Адлера: «Der Nord-asiatische Pfeil». Эта стрѣла была всегда въ большомъ употребленіи у монголоидныхъ народовъ: остяковъ, тунгузовъ, чукчей, самоѣдовъ и др., и служила, кромѣ охоты на звѣрей и птицъ, для шаманскихъ обрядовъ (у гольдовъ) [4]). Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Werkzeuge und Waffen» Клеммъ описываетъ такія стрѣлы по образцамъ дрезденскаго этнографическаго музея, и говоритъ, что эта форма стрѣлъ принадлежитъ сибирякамъ-азіатамъ [5]). Еще гораздо ранѣе его,

70. „Водолей“ въ Святославовомъ сборникѣ.

[1]) „Манассіина лѣтопись“, листъ 178-й. Наша II-я таблица. *Чертковъ*, таблица III (верху) *Schlumberger*, p. 567.

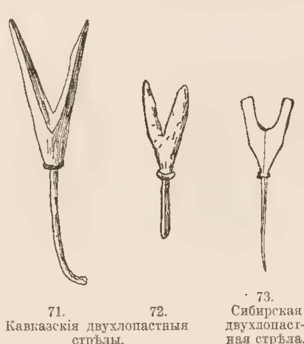
[2]) *Самоквасовъ*, „Основанія классификаціи“ и т. д., таблица X.

[3]) „Святославовъ Сборникъ“, изданіе Общества любителей древней письменности, Спб., 1880 г., представляетъ стрѣлу эту совершенно невѣрно, какъ обыкновенную стрѣлу съ однимъ остріемъ. *Оленинъ*, „Опытъ объ одеждѣ“ и проч., таблица IV, рисунокъ E. -*В. Стасовъ*, „Собраніе сочиненій“, томъ II, отдѣлъ III, стр. 594, таблица 28, съ рисунками, № 18, 21а и 21б, его же: „Славянскій и восточный орнаментъ“, л. XLII (нашъ рисунокъ № 70).

[4]) *Adler*, Der Nord-asiatische Pfeil. Leiden, 1901, Tafel I, №№ 22a, 22b; Tafel II, № 7a; Tafel III, № 22a; Tafel VI, № 2a; Tafel VII, №№ 9a, 16a, 18a, 20a.

[5]) *Klemm*, Werkzeuge und Waffen, Leipzig, 1854, S. 289.

Оленинъ [1]), со своимъ зоркимъ и опытнымъ взглядомъ, указывалъ на двуконечную стрѣлу «Святославова Сборника» и объяснялъ, что такія стрѣлы существуютъ и до нашего времени у калмыковъ и монголовъ, и, очень можетъ быть, изображаютъ въ «Святославовомъ Сборникѣ» стрѣлы половецкія. Погодинъ представилъ подобныя же стрѣлы съ двумя остріями въ атласѣ при своей исторіи Россіи и считалъ, что эти два угла— нижнія перья на стрѣлахъ у тунгузовъ и тюрко-монголовъ [2]). Въ своей замѣчательной статьѣ: «О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей», археологъ Григ. Спасскій указывалъ на присутствіе подобныхъ стрѣлъ въ изображеніяхъ, на гравированныхъ на скалахъ по Иртышу разными сибирскими племенами [3]). Графъ А. С. Уваровъ, во время своихъ многоплодныхъ раскопокъ во Владимірской губерніи, находилъ въ мерянскихъ могилахъ наконечники стрѣлъ съ двумя остріями, но сначала принималъ (какъ и Погодинъ) эти острія за нижнія перья стрѣлъ, и лишь впослѣдствіи призналъ ихъ настоящее значеніе [4]). Такія стрѣлы были много разъ находимы въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій въ числѣ древностей Камской Чуди [5]), и въ раскопкахъ на Кавказѣ [6]). Наконецъ, значительное множество ихъ сохраняется въ музеѣ Минусинскомъ и въ музеѣ Томскаго университета [7]). Таковы любопытныя стрѣлы, бывшія въ сильномъ распространеніи у разныхъ монголоидныхъ народностей (тюркскихъ и финскихъ), и, конечно, отъ нихъ унаслѣдованныя болгарами.

71. 72. Кавказскія двухлопастныя стрѣлы.

73. Сибирская двухлопастная стрѣла.

Но въ рисункахъ «Манассіиной Лѣтописи» мы встрѣчаемъ еще другія стрѣлы, несравненно болѣе необыкновенныя, курьезныя и рѣдкія. Ихъ мы не видимъ, въ этой лѣтописи, ни у византійскихъ, ни у болгарскихъ, ни у какихъ бы то ни было другихъ воиновъ, а только у *русскихъ*. Это стрѣлы съ тремя остріями, или, какъ ихъ иногда называютъ, стрѣлы трехлопастныя. Одна изъ нихъ изображена въ «Манассіиной Лѣтописи», на листѣ 178-мъ, въ одной изъ трехъ боевыхъ сценъ, изображенныхъ на этой картинѣ, и носящихъ, всѣ три вмѣстѣ, названіе: «Рускыи плѣн еже на блъгары». Налѣво, вверху, великій князь, на всемъ скаку, собирается пустить въ болгаръ, изъ сво-

---

[1]) *Оленинъ*, „Опытъ", текстъ Атласа, стр. 4.

[2]) *Погодинъ*, Исторія Россіи, III томъ, атласъ, таблица 13.

[3]) Записки Императорскаго русскаго географическаго общества, книга XII, таблица VII, №№ 1—3.

[4]) *Графъ А. С. Уваровъ*, „Меряне и ихъ бытъ", Москва, 1872, атласъ, таблица XXX, № 24.

[5]) Матеріалы по археологіи Россіи.—Древности Камской Чуди, по коллекціи Теплоухова, Спб., 1902, табл. XXVI, № 32 (стрѣла XIII вѣка), табл. XXVIII, № 8 (стрѣла XIV вѣка).

[6]) *Н. В. Вырубовъ*, „Предметы древности въ хранилищѣ Общества любителей кавказской археологіи", Тифлисъ, 1877, таблица IV, №№ 1—3. Эти предметы найдены въ раскопкахъ: первый, близъ Мухрани, Тифлисской губерніи, второй—въ Осетіи, близъ Рекома (наши рисунки №№ 71 и 72). Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1897 г., стр. 20 (стрѣла изъ Бѣлорѣченской станицы, Кубанской области); нѣкоторые получены также изъ раскопокъ близъ Пятигорска, *Самоквасовъ*, таблица V, № 7.

[7]) *Д. А. Клеменцъ*, „Древности Минусинскаго музея", Томскъ, 1886, таблица XV, №№ 3 и 4. *Флоринскій*, Извѣстія Императорскаго Томскаго университета, Томскъ, 1898, статья: „Первобытные славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни", таблица XIX (нашъ рисунокъ № 73).

его лука, такую трехлопастную стрѣлу [1]). Во всей «Манассіиной Лѣтописи» эта стрѣла изображена всего одинъ единственный разъ. Но про нее есть извѣстія и письменныя, и вещественныя. Она всегда была оружіемъ исключительнымъ, особеннымъ—по своей жестокости и вредности. Нашъ превосходный этнографъ и хранитель двухъ изъ числа значительнѣйшихъ нашихъ этнографическихъ коллекцій, въ музеѣ Императорской Академіи Наукъ и въ музеѣ Александра III, Д. А. Клеменцъ, говоритъ: «Разрушительное дѣйствіе трехлопастныхъ стрѣлъ сильнѣе, чѣмъ плоскихъ, и можно предположить, что онѣ употребляются (и употреблялись) на войнѣ, и на охотѣ за крупнымъ звѣремъ» [2]). Эти стрѣлы были, поэтому, въ свое время чѣмъ-то въ родѣ «разрывныхъ пуль нашего времени». Онѣ были уже извѣстны древней Греціи. Въ «Иліадѣ» разсказывается (Иліада, XI, ст. 507), какъ Менелай, подъ стѣнами Трои, поразилъ грека Махаона «стрѣлой троежальной» (mit dreischneidigem Pfeil). Такія стрѣлы, бронзовыя, были находимы при недавнихъ раскопкахъ Трои Шлиманомъ... Трехгранныя стрѣлы почти вовсе не встрѣчаются въ Западной Европѣ. Въ очень ограниченномъ числѣ онѣ упоминаются между древностями Даніи (Ворсо), Сѣверной Пруссіи (Кэмблъ) и Венгріи (Гампель) [3]). Наконечниковъ такихъ стрѣлъ хранится въ музеѣ Томскаго университета нѣсколько [4]), въ Минусинскомъ

74 а. 74 б.
Русская трехлопастная стрѣла.

75.
Трехлопастная стрѣла музея Томскаго университета.

76. 77. 78.
Трехлопастныя стрѣлы Минусинскаго музея.

музеѣ также [5]). И вотъ этими-то жестокими варварскими стрѣлами Святославовы воины разили, 1000 лѣтъ тому назадъ, болгаръ.

Колчаны русскихъ представляли, повидимому, одну замѣчательную особенность. Одинъ изъ нихъ, находящійся на рисункахъ «Манассіиной Лѣтописи», представленъ на листѣ 178-мъ, на правомъ боку великаго князя Святослава, стрѣляющаго изъ лука трехлопастною стрѣлою, и этотъ колчанъ (тулъ) столько же оригиналенъ и особенъ какъ и самая стрѣла. Онъ имѣетъ видъ очень длиннаго, повидимому квадратнаго въ планѣ, футляра, значительно расширяющагося книзу, по всей вѣроятности для того, чтобы дать мѣсто значительно объемистымъ наконечникамъ *двухъ*—или *трехлопастныхъ стрѣлъ* (чего не требовалось для обыкновенныхъ стрѣлъ съ *однимъ* остріемъ). На наружной сторонѣ своей этотъ колчанъ раздѣляется, по длинѣ, на три части, попереч-

---

[1]) „Манассіина Лѣтопись“, листъ 178 (наша таблица № II, наши рисунки №№ 74а и 74б).

[2]) *Клеменцъ*, Древности Минусинскаго музея, стр. 162,

[3]) *Флоринскій*, въ указ. выше статьѣ, стр. 510 и 511

[4]) *Флоринскій*, тамъ же, таблица XVII, № 1 и другіе (нашъ рисунокъ № 75).

[5]) *Клеменцъ*, Древности Минусинскаго музея, атласъ, таблица XVI, №№ 3, 4, 7 (наши рисунки 76, 77, 78).

ной узенькой полоской, и каждый изъ трехъ отдѣловъ наполненъ продольными выпуклыми полосками [1]). Такой исключительной формы колчановъ мнѣ не случалось встрѣчать ни въ русскихъ, ни въ восточныхъ рисункахъ рукописей. Ни на скиѳскихъ рисункахъ кульобской вазы, ни на рисункахъ Герберштейнова путешествія, ни въ числѣ древне-русскихъ предметовъ, сохранившихся до нашего времени [2]), такихъ колчановъ мы не видимъ. Всѣ они шире кверху, уже книзу, имѣютъ вырѣзку сбоку и покрыты вьющимися орнаментами. Всего болѣе сходства имѣетъ колчанъ русскаго князя, на рисункѣ «Манассіиной Лѣтописи», во-первыхъ, съ колчаномъ (также очень рѣдкой и исключительной формы), привѣшеннымъ на правомъ боку у одного изъ двухъ дикарей, въ чешуйчатой бронѣ, стрѣляющихъ изъ луковъ двухлопастными стрѣлами, въ фантастическихъ птицъ, на рисункѣ «Турьи рога» [3]) — тюркскаго. У перваго дикаря (направо) колчанъ прямой, расширяющійся книзу. Во-вторыхъ, много сходства имѣетъ этотъ колчанъ съ колчаномъ всадника на одномъ рисункѣ персидской рукописи «Шахъ-Намэ», XIV-го вѣка, принадлежащей Императорской Публичной Библіотеки. Здѣсь колчанъ также расширяется книзу [4]).

79. Всадникъ въ персидской рукописи Шахъ-Намэ XIV в.

Между многочисленными интереснѣйшими предметами древности, добытыми профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ изъ его раскопокъ въ Черниговской губерніи, находится, между прочимъ, и одинъ желѣзный загадочный предметъ, названный въ каталогѣ «шпорой» [5]). Такъ какъ эта находка получена была изъ того же кургана «Черная могила», въ городѣ Черниговѣ, гдѣ найдены были знаменитые «Турьи рога» съ серебряными вырѣзными рисунками IX-го вѣка, я сильно былъ заинтересованъ этой «шпорой», и обратился къ В. И. Сизову, ученому секретарю Императорскаго Московскаго Историческаго музея, которому теперь принадлежитъ вся коллекція древностей Самоквасова, съ просьбой доставить мнѣ фотографію или точный рисунокъ этого предмета, съ подробностями, нынѣ извѣстными о немъ. В. И. Сизовъ прислалъ мнѣ (въ декабрѣ

[1]) „Манассіина Лѣтопись“, листъ 178 (наша таблица II-я, рисунокъ вверху налѣво). Можетъ быть, эти выпуклыя полоски—костяныя пластинки, покрытыя рѣзными узорами, какія существуютъ на колчанѣ, найденномъ въ курганѣ № 8, около колоніи Константиновка, подъ Пятигорскомъ (*Самоквасовъ*, № 5070), а также на колчанѣ степного дикаря, изображеннаго на одной золотой массивной пластинкѣ скиѳской залы въ Эрмитажѣ (Musée de l'Ermitage Impérial), I. 293, 4.—*Стасовъ*, Собр. сочин., I, 257, атласъ I-й части, XVIII табл., № 39.

[2]) Древности Россійскаго Государства, атласъ, томъ III, листы 123 131.

[3]) *Самоквасовъ*, Основанія..., атласъ, таблица X, № 3275.

[4]) „Шахъ-Намэ“, персидская рукопись XIV-го вѣка, Императорской Публичной Библіотеки, № 329, изъ Ардебиля, листъ 1 обор. (нашъ рисунокъ № 79).

[5]) Основанія хронологической классификаціи, описаніе и каталогъ коллекціи древностей профессора *Д. Я. Самоквасова*, Варшава, 1892, стр. 65: „Окисшая желѣзная масса, распавшаяся, при снятіи, на части, въ которой различаются: дротикъ, два меча, два копья, сабля, два ножа, фрагменты кольчуги, *шпора* (№ 3294) и стремена“.

1901 г.) рисунокъ, здѣсь прилагаемый [1]), заявивъ при этомъ, что желѣзный предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, «никакъ не можетъ быть шпорой, потому что состоитъ изъ желѣзной пластинки съ отогнутымъ бережкомъ или бортикомъ; по аналогіи же съ другими оковками въ его (Сизова) раскопкахъ въ Гнѣздовѣ—этотъ предметъ онъ *несомнѣнно* принимаетъ за оковку верхняго края колчана, сдѣланнаго изъ лубка, кожи и т. п.» [2])

80а. 80б.

80а. Предполагаемое стремя изъ Чернигова.

80б. Тотъ же предметъ -предполагаемая оковка колчана.

Колчановъ, преимущественно восточныхъ (тюркскихъ), находится довольно много въ Московскомъ Историческомъ музеѣ. Одни изъ нихъ цѣльные, другіе въ обломкахъ; оригиналы эти происходятъ изъ раскопокъ: въ губерніи Екатеринославской, въ Терской и Кубанской областяхъ, но всего болѣе въ мѣстности около Пятигорска. Обыкновенно они деревянные или берестяные, обтянуты кожей, иногда украшены костью, золотыми и серебряными бляшками [3]), но ни одинъ не имѣетъ формы, представленной въ «Манассіиной Лѣтописи». Изъ этого слѣдуетъ, можетъ быть, заключить, что эта форма колчана получена изъ Азіи не черезъ Кавказъ, а инымъ путемъ.

Русскіе щиты изображены на миніатюрахъ «Манассіиной Лѣтописи» мало и недостаточно явственно: они почти всегда скрыты за человѣческими фигурами. Очень длинныхъ и совершенно красныхъ здѣсь мы не встрѣчаемъ [4]). Тотъ воинъ, который скачетъ позади в. к. Святослава, на миніатюрѣ листа 178, наша таблица II («Плѣнъ рускыи еже на блъгары» (налѣво внизу) держитъ на лѣвой рукѣ продолговатый щитъ съ двумя красными поперечными полосами, но, какъ выше сказано, мы признаемъ именно этого воина скорѣе венгромъ, или другимъ иноземцемъ.

Всѣ русскіе воины сидятъ на коняхъ. Кони, вѣроятно—болгарской породы, такъ какъ русское войско пришло въ Болгарію безъ коней. Складъ этихъ коней въ миніатюрахъ «Манассіиной Лѣтописи» совершенно одинакій съ болгарскими и византійскими рослы, довольно опущенный задъ, тощая длинная морда. Въ византійской рукописи Іоанна Куропалата (Кедрина), находящейся, въ Мадридѣ, у в. к. Святослава, представленъ конь другого склада: онъ выше ростомъ, имѣетъ полный крупъ, крутую шею колесомъ, морду не сухую и не длинную [5]).

Сѣдла мало можно различить. Въ мадридской рукописи сѣдло очень ясно видно, такъ какъ Святославъ сошелъ съ коня и сидитъ въ креслѣ: оно имѣетъ большое сходство съ русскимъ казацкимъ и съ киргизскимъ сѣдломъ. Въ музеѣ Томскаго университета хранятся глиняныя изображенія, между прочимъ, и сѣдла, полученныя «изъ раскопокъ съ берега Томи, недалеко отъ Томска, формою своею они напоминаютъ, по мнѣнію профессора Флоринскаго, современное киргизское сѣдло, съ высокою лукою

---

[1]) Нашъ рисунокъ № 80а.

[2]) Нашъ рисунокъ № 80б.

[3]) *Самоквасовъ*, Каталогъ, стр. 67, 88, 89, 95, 96, 97. Въ колчанѣ № 4637 найдено 30 желѣзныхъ стрѣлъ, изъ которыхъ одна съ двумя остріями, какъ нашъ рисунокъ № 71.

[4]) Слово о полку Игоревѣ: „Лисицы брешутъ на чръвленыя щиты“; „Русичи великая поля чръвлеными щиты прегородиша“; „А храбріи русици преградиша огръмными щиты“.

[5]) *Профессоръ Н. П. Кондаковъ*, „Русскіе клады“, Спб., 1896, рисунки на стр. 83 („Цимисхій и Святославъ“) и 144 („Свиданіе Цимисхія со Святославомъ“). См. фотографіи этой рукописи, привезенныя проф. Н. П. Кондаковымъ изъ Мадрида и принадлежащія Императорской Публичной Библіотекѣ, листъ VII.

спереди и сзади» [1]). Въ курганныхъ раскопкахъ около Кіева, деревянныхъ сѣделъ, крытыхъ кожей и съ металлическими бляхами, найдено нѣсколько [2]).

Узда, поводья, шлея стремена, въ «Манассіиной Лѣтописи»—красные ременные у князя (какъ и до сихъ поръ они въ большомъ употребленіи въ Средней Азіи), черные ременные—у простыхъ воиновъ.

Всѣ русскіе воины—со стременами, и это неудивительно, такъ какъ стремена—происхожденія азіатскаго Не только сибирскія и кавказскія, но и русскія раскопки представляютъ ихъ огромныя массы, изъ разнообразнѣйшихъ мѣстностей. Въ Сибири они находимы были: на городищѣ Чувашскаго мыса около Тобольска—стремена костяныя и желѣзныя [3]); на Енисеѣ (коллекціи Кузнецова и Гадалова)—мѣдныя и бронзовыя удила и стремена [4]); около Пятигорска [5]); въ Россіи: таковыя же бывали находимы въ раскопкахъ черниговскихъ, курскихъ, кіевскихъ, екатеринославскихъ [6]). Въ русскихъ рукописяхъ русскіе воины обыкновенно представляются со стременами [7]).

81. Стремя съ Енисея.

82. Стремя изъ Чернигова.

Какъ мы видѣли выше, византійскіе и болгарскіе всадники «Манассіиной Лѣтописи» представлены почти всѣ—со шпорами, что̀ вполнѣ и оправдывается историческими данными. Рисовальщики Шлумбергера, и даже самъ очень точный Штрандманъ, представили на своихъ копіяхъ многихъ изъ русскихъ воиновъ также со шпорами. Но это совершенно несправедливо. Конечно, въ числѣ многихъ другихъ своихъ погрѣшностей, невѣрностей и фантазій, болгарскіе рисовальщики легко могли сдѣлать и эту ошибку. Но въ оригиналахъ Ватиканской рукописи ея нѣтъ. А потому нѣтъ ея и на нашихъ листахъ II-мъ и III-мъ, такъ какъ В. Ѳ. Котарбинскій былъ очень точенъ во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Во всякомъ случаѣ необходимо замѣтить, что древніе русскіе шпоръ не знали, и даже имени для этихъ предметовъ у нихъ никогда не было. Ни у Герберштейна, ни въ Кёнигсбергской рукописи, ни въ «Царственной Книгѣ», ни въ другихъ древнихъ рукописяхъ, ни въ самыхъ раскопкахъ — нигдѣ ихъ никогда не оказывалось. Въ каталогѣ профессора Самоквасова шпора показана въ пяти мѣстахъ [8]): но одна изъ нихъ, № 3294, оказалась вовсе не шпорой, а какимъ-то совершенно другимъ предметомъ, можетъ быть, оковкой колчана (какъ выше указано); остальныя четыре еще не изслѣдованы вновь. Въ заключеніе скажемъ, что Востокъ шпоръ никогда не зналъ, и погонялъ своихъ коней плетью или каблуками. О «плети» или «кнутѣ» въ знаменитой персидской поэмѣ

[1]) „Археологическія извѣстія и замѣтки“, Москва, 1895, т. III, статья *Харузина*: „О древностяхъ Томскаго музея“, стр. 327.

[2]) *Самоквасовъ*, Каталогъ, стр. 78, 80, 86.

[3]) *Харузинъ*, „О древностяхъ Томскаго музея“, стр. 327, 328.

[4]) Тамъ же, стр. 326. Стремя въ музеѣ Томскаго университета, *Флоринскій*. Извѣстія, таблица XX, № 7 (нашъ рисунокъ № 81).

[5]) *Самоквасовъ*, Каталогъ, стр. 96.

[6]) *Самоквасовъ*, Каталогъ, стр. 62, 63, 65, 66, 73, 86, 87, 96. Стремя изъ „Черной Могилы“, у города Чернигова относится, вѣроятно, судя по найденнымъ тутъ же монетамъ, къ IX-го вѣку.

[7]) Напримѣръ, въ „Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ“, листъ 58 (нашъ рисунокъ № 67); но иногда русскіе конные воины бываютъ, хотя и рѣдко, безъ стремянъ, наприм., въ той же рукописи, листы 70, 87.

[8]) *Самоквасовъ*. Каталогъ, стр. 65, 81, 85 (черниговскія), 84 (кіевская), 85 (курская).

«Шахъ-Намэ», XII-го вѣка, говорится много разъ; въ грузинской, также очень знаменитой, поэмѣ, «Таріэль или Барсова кожа», XII-го вѣка, нерѣдко точно также упоминается «плеть» или «кнутъ». На миніатюрахъ арабскихъ, персидскихъ и тюркскихъ рукописей плеть или кнутъ встрѣчаются очень часто. Въ исторіи Рашидъ-Эддина (XIV вѣка) также не разъ упоминается о плети.

Образцовъ древне-русской архитектуры въ миніатюрахъ «Манассіиной Лѣтописи», конечно, нельзя найти, такъ какъ всѣ сцены съ русскими личностями происходятъ, вопервыхъ, на чистомъ воздухѣ, а во-вторыхъ, въ Болгаріи. Крѣпости и дворцы, въ которыхъ русскіе тамъ иногда запирались, которые они иногда тамъ завоевывали, а иногда сдавали—были тутъ все болгарскіе.

II.

Въ «Манассіиной лѣтописи» XIV-го вѣка есть двѣ очень интересныя картинки: на листѣ 163-мъ обор.—«Крещение блъгаромъ», на листѣ 166-мъ обор.—«Крещение Роусомъ». Этихъ двухъ изображеній мы не встрѣчаемъ ни въ какихъ византійскихъ, болгарскихъ или древне-русскихъ рисункахъ рукописей. Тѣмъ болѣе надо ихъ цѣнить и изучить.

Содержаніе картинъ совершенно однородное: въ нихъ представлено принятіе христіанства отъ Византіи Болгаріею—въ 864 г., Россіею —въ 988 г. По моему мнѣнію, ихъ рисовалъ одинъ и тотъ же художникъ. Расположеніе, группировка, число фигуръ, ихъ позы и движенія—почти совершенно одни и тѣ же. Въ болгарской картинкѣ, центръ ея—купель на одной ножкѣ и наполненная водою. Внутри помѣщается, до пояса, крестимая личность; полъ ея трудно опредѣлить, но, судя по длиннымъ, распущеннымъ до плечъ, волосамъ, можно предположить, что это женщина. Но кто бы это ни былъ, женщина или мужчина, она или онъ съ мольбой и приподнявъ голову простираетъ руки вправо, къ греческому священнику, облаченному въ кресчатыя ризы, который, наклонясь къ нему, протянутою рукою благословляетъ его, дотрогиваясь до его чела двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ. Налѣво подлѣ купели стоитъ женщина-прислужница, съ длинными распущенными по плечамъ волосами, съ монистомъ нашеѣ, и съ длиннымъ передникомъ сверхъ платья, и льетъ въ купель воду изъ кувшина [1]). Позади ихъ, налѣво же, стоятъ болгарскій князь Борисъ и его жена княгиня, оба въ царственныхъ цвѣтныхъ одеждахъ и вѣнцахъ, позади священника четверо болгарскихъ царедворцевъ, въ характерныхъ болгарскихъ костюмахъ и шапкахъ,—вѣроятно это одни изъ тѣхъ бояръ, которые одновременно съ своимъ княземъ приняли христіанскую вѣру [2]). Въ картинѣ «Крещеніе Русовъ» составъ и расположеніе картины совершенно тожественны съ предъидущимъ, измѣненія очень небольшія, сообразно съ историческими данными [3]). Центръ картины — крещаемый русскій, погруженный до пояса въ струи рѣки (Днѣпра): онъ съ мольбою и приподнявъ голову простираетъ руки, вправо, къ греческому священнику, въ кресчатыхъ ризахъ, наклонившемуся къ нему, который правою рукою благословляетъ его, дотрогиваясь до его чела двуперстнымъ крест-

[1]) По какому-го странному недосмотру, докторъ Гудевъ говоритъ, что это — „служитель" („Болгарскій Сборникъ", 1891, VI-й томъ, стр. 336).

[2]) *Иречекъ*, стр. 188, „Манассіина лѣтопись", листъ 163 обор. (нашъ рисунокъ № 18).

[3]) „Манассіина лѣтопись", листъ 166-й обор. (наша таблица I).

нымъ знаменіемъ. Позади священника стоятъ *четыре* человѣка (какъ въ болгарскомъ же «Крещеніи»), только теперь это уже не *четыре* боярина, а четыре церковныхъ причетника или псаломщика (дьяка), которые дѣлаютъ своею рукою сочувствующее движеніе, точно такое же, какъ личности въ болгарской рукописи. Налѣво отъ крестимаго человѣка, *три* человѣка, обращающихся къ акту крещенія, точно также, какъ *три* человѣка въ картинѣ болгарскаго крещенія, но только это уже не болгарскій князь съ княгиней и служанкой, а *трое* русскихъ, изъ которыхъ *двое* въ цвѣтныхъ одеждахъ, протягиваютъ руки къ крещенію (подобно тому, какъ *двое* болгаръ, князь и княгиня, протягиваютъ точно также руки къ купели), а третій, уже раздѣтый, сидитъ на пригоркѣ и ждетъ своей очереди погрузиться въ воду и принять крещеніе [1]).

Замѣтимъ, что въ обоихъ случаяхъ крещеніе происходитъ на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, а не въ церкви и не во дворцѣ. Въ болгарской картинѣ фономъ служитъ какая-то болгарская палата, зданіе, и рядомъ съ нимъ — стѣна съ башней; въ русской картинѣ фонъ состоитъ изъ русскихъ кіевскихъ горъ, тоже поднимающихся стѣной.

Во второй картинѣ, «Крещеніе Русовъ», я замѣчаю одну особенность костюма, которая кажется мнѣ довольно необъяснимою. Какъ уже было выше сказано, четыре человѣка позади священника — причетники, псаломщики. По церковнымъ правиламъ, «краткій фелонь есть первая одежда, которая надѣвается при посвященіи церковнослужителей («Чиновникъ»). Эта одежда имѣетъ видъ фелони (ризы священнической) и отличается отъ нея тѣмъ, что весьма коротка [2]). Въ ставленой грамотѣ дьячку новгородскій архіепископъ писалъ въ 1504 году: «Поставилъ есмь Леонтія, Филиппова сына' въ священосци, да имать власть на крылосѣ пѣти..., и на амбонѣ прокимены глаголати, и чести чтенія, и паремьи и апостолъ, имѣя верхъ постриженъ, нося краткій фелонь» [3]). Въ такомъ одѣяніи мы и встрѣчаемъ древнихъ церковнослужителей православной церкви на рисункѣ «Манассіиной лѣтописи». Всѣ четыре церковнослужителя, стоящіе позади іерея, носятъ, поверхъ нижнихъ длинныхъ одеждъ (темносинихъ и темнокоричневыхъ), еще другія, короткія, темножелтыя, темнокрасныя и др.). Но, что̀ удивительно въ этихъ короткихъ фелоняхъ, это то, что изъ числа четырехъ, у двухъ стоящихъ напереди причетниковъ, фелонь кончается у шеи, надъ плечами, довольно высокимъ стоячимъ воротничкомъ, изъ той же матеріи, изъ которой сдѣлана вся фелонь. Такихъ стоячихъ воротниковъ никогда не видано у причетниковъ православнаго исповѣданія, ни на современныхъ одѣяніяхъ, ни на историческихъ древнихъ памятникахъ и изображеніяхъ. Такіе стоячіе воротнички мы встрѣчаемъ только на церковныхъ одеждахъ католиче-

[1]) Профессоръ Н. П. Кондаковъ, очень кратко упоминая эту картину „Крещеніе болгаръ", высказываетъ мысль, что раздѣтый человѣкъ на пригоркѣ—это обычное у византійцевъ олицетвореніе рѣкъ и источниковъ—въ данномъ случаѣ райскихъ рѣкъ Дана и Гора (*Кондаковъ*, Исторія византійскаго искусства, стр 223). Но съ этимъ невозможно, по моему мнѣнію, согласиться, во-первыхъ, потому, что въ „Крещеніи болгаръ" райскія рѣки не принимали никакого участія, а во-вторыхъ, потому, что во всѣхъ шести десяткахъ рисунковъ „Манассіиной лѣтописи" нѣтъ *ни одного* примѣра аллегорій и олицетвореній. По моему мнѣнію, совершенно правъ докторъ Гудевъ, высказавшій то простое и естественное соображеніе, что здѣсь въ картинкѣ передъ нами простое реальное изображеніе человѣка, раздѣвшагося и ожидающаго очереди креститься („Болгарскій Сборникъ" 1891, VI-й томъ, стр. 337).

[2]) *Никольскій*, „Пособіе къ изученію устава богослуженія православной церкви". Спб., 1894 г., стр. 52.

[3]) „Акты юридическіе". Спб., 1838 г,, стр. 410.

скихъ, съ древнихъ средневѣковыхъ временъ — въ стихаряхъ и ризахъ [1]). Какимъ образомъ явилось въ славянствѣ у болгаръ такое тожество православныхъ болгарскихъ церковныхъ формъ съ католическими, отъ чего оно зависѣло, какими вліяніями произведено—вотъ вопросъ, который именно затруднителенъ въ настоящее время.

83. Французская риза XII в.

84. Англійская риза XII в.

Не идетъ-ли это тожество изъ тѣхъ временъ, когда церковь была еще единая у западной и у восточной Европы, т.-е. ранѣе первоначальнаго раздѣленія церквей 862 г., и окончательнаго — 1054 г.? Нѣтъ, это невѣроятно, потому что памятники этого періода не представляютъ намъ подобнаго рода формъ. Ни равеннскія, ни константинопольскія, ни ѳессалоникскія, ни сирійскія мозаики и миніатюры рукописей нигдѣ не представляютъ намъ ризъ и вообще церковныхъ одѣяній съ подобнымъ стоячимъ воротникомъ.

Или идетъ это тожество изъ того времени, когда болгарскій князь Борисъ не рѣшался, въ IX вѣкѣ, выбрать: отъ кого принять ему христіанство для своего народа, отъ итальянцевъ-ли католиковъ, или отъ византійцевъ-православныхъ, а потомъ, даже принявъ православіе, нерѣшительно снова обращался съ вопросами къ папѣ? «Подобно тому, какъ впослѣдствіи русскій князь Владиміръ и мадьярскій Стефанъ, — говоритъ проф. Иречекъ,—Борисъ, отчасти по политическимъ причинамъ принялъ христіанство. Сначала онъ вступилъ въ переговоры на Западѣ, съ королемъ Людовикомъ германскимъ, который осенью 864 года сообщилъ папѣ надежду, что болгарскій князь намѣренъ креститься: кажется, однако, послѣднему не нравились условія, которыя были предложены королемъ. Примѣръ Ростислава (князя моравскаго), обратившагося къ Византіи, казался ему болѣе достойнымъ подражанія... Позже, принявъ уже христіанство отъ грековъ, «Борисъ разсорился съ греками и вступилъ въ переговоры съ папой, потому что началъ опасаться за церковную независимость своего государства, такъ какъ греки не хотѣли даже дать болгарамъ особаго епископа. Въ августѣ 866 года болгарскіе послы представились въ Римѣ папѣ Николаю I и предложили ему списокъ съ 106 вопросами, касательно того, какъ они должны устроить образъ жизни по-христіански. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ чрезвычайно наивны, напримѣръ, позволительно-ли по-прежнему носить штаны (femoralia)... Въ ноябрѣ 866 же года два католическихъ епископа прибыли въ Болгарію съ отвѣтами папы на предложенные ему вопросы... Вмѣстѣ съ римскими епископами явились въ Болгарію и римскіе отряды: греческіе священники были изгнаны Борисомъ... Латинское духовенство водворилось въ Болгаріи, и «было *выведено* оттуда лишь спустя четыре года, въ 870 году, послѣ константинопольскаго собора» [2]). Въ эти годы, когда папа имѣлъ обязанность рѣшать не только религіозные, но и портняжные вопросы Болгаріи (вопросъ о штанахъ), и когда католическое духовенство было смѣло, и энергически дѣйствовало въ Болгаріи, не произвело-ли оно въ этой странѣ разныхъ нововведеній по части костюма, не только свѣтскаго, но и церковнаго? Можетъ

---

[1]) *Rohault-de-Fleury*, La Messe. Paris. Volume VII: Vêtements liturgiques. „*Dalmatiques*", Planches: DLI, DLIII, DLV, DLVI, DXCI, DXCIV, DXCVIII. Для примѣра „*Chasubles*", представляю здѣсь, изъ числа многихъ, печать пріорства Сарла (въ департаментѣ Дордоньи), 1154 года; гравированный на надгробной плитѣ епископскій портретъ XII-го вѣка, изъ Салисбури (наши рисунки №№ 83 и 84).

[2]) *Иречекъ*, стр. 188 и 191—194.

быть. Но введеніе для клириковъ короткихъ фелоней со стоячимъ воротникомъ, на католическій манеръ, кажется сомнительнымъ, во-первыхъ, потому, что никакихъ другихъ подобныхъ же новшествъ въ болгарскомъ костюмѣ не замѣчается и неизвѣстно; во-вторыхъ же, потому, что, сколько извѣстно, подобныхъ стоячихъ воротниковъ у фелоней клириковъ у нихъ не существовало и не существуетъ.

Наконецъ, можно спросить: не произошло-ли вліянія западнаго, католическаго, на болгарскій церковный костюмъ въ ту эпоху, когда на болгарскую жизнь и интеллектъ происходили многообразныя вліянія западныя вообще, а именно въ XIII-мъ—XIV-мъ столѣтіи? Въ это время вліянія эти были на столько сильны, что царь Калоянъ болгарскій въ 1203 году вручилъ католическому священнику Іоанну Каземаринскому, для передачи папѣ Иннокентію III, хрисовулъ, «которымъ подчинялъ всю Болгарію на вѣчныя времена папѣ» [1]). При томъ же нельзя не вспомнить, что въ продолженіе крестовыхъ походовъ католическія вліянія на Балканскомъ полуостровѣ были постоянны и очень сильны—они выразились, между прочимъ, и въ построеніи тамъ многихъ церквей и монастырей, съ установленіемъ духовенства при нихъ. Въ научной и литературной сферѣ сношенія Балканскаго полуострова съ европейскимъ Западомъ были на столько дѣятельны, что когда, напр., король іерусалимскій Балдуинъ, братъ Готфрида Бульонскаго, отправился въ 1204 году къ болгарской границѣ для принятія присяги въ вѣрноподданствѣ ѳракійскихъ городовъ, болгарскій царь Калоянъ велъ разговоръ съ французскимъ рыцаремъ де-Брасіё про Трою, троянскую войну и троянцевъ. «Преданіе о паденіи Трои было небезъизвѣстно болгарамъ,—говоритъ Иречекъ,—и не мало удивились они, когда рыцарь объявилъ имъ, что латиняне—потомки троянцевъ, и явились сюда, чтобы завоевать обратно наслѣдство своихъ предковъ» [2]). А что такія свѣдѣнія шли въ Болгарію изъ западной Европы, достаточно доказывается тѣмъ, что когда болгарскій царь Іоаннъ-Александръ, въ серединѣ XIV-го вѣка, заказалъ болгарскимъ литераторамъ воспроизвести для него, на болгарскомъ языкѣ, знаменитую тогда греческую поэму Манассіи, то болгаре включили ему въ подносимую роскошную книгу, съ иллюстраціями, цѣлую большую повѣсть о Троянской войнѣ, переведенную или заимствованную (какъ установлено Востоковымъ) съ «латинскаго, или съ какого-нибудь западнаго языка, а не съ греческаго» [3]). Но соображенія о культурныхъ вліяніяхъ и литературномъ общеніи еще ничего не доказываютъ въ дѣлѣ вліяній и общеній религіозныхъ. Востокъ (Персія, Турція и другія страны) много заимствовалъ культурнаго и литературнаго, ничуть не подпадая подъ христіанское вліяніе Европы, и еще тѣмъ менѣе измѣняя что-либо въ костюмѣ священнослужителей своихъ религій. Такимъ образомъ, вопросъ о подробностяхъ европейской католической одежды въ костюмѣ болгарскихъ или, вообще, православныхъ церковныхъ причетниковъ, остается для меня, покуда, необъяснимымъ. Но странный фактъ все-таки существуетъ.

12.

Подробное разсмотрѣніе миніатюръ «Манассіиной лѣтописи», въ числѣ разнообразныхъ результатовъ, приводитъ насъ къ тому выводу, что есть много сходствъ, но

[1]) *Иречекъ*, стр. 313.

[2]) Тамъ же, стр. 318.

[3]) *Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянцовскаго музея, стр. 387.

также и несходствъ между разными предметами древне-болгарской и древне-русской жизненной обстановки, въ особенности военной. Но при этомъ нельзя также не придти къ тому убѣжденію, что «Манассіина лѣтопись», между всѣми болгарскими рукописями, одна изъ самыхъ главныхъ, дающихъ матеріалъ для изученія древней Руси, или помогающихъ объяснять многіе изъ значительнѣйшихъ ея памятниковъ. Многое изъ того, что считается перешедшимъ къ намъ прямо и непосредственно изъ Византіи, пришло къ намъ въ передачѣ и переработкѣ болгарской, такъ что одни изъ подобныхъ оригиналовъ должны быть признаны оригиналами не византійскими, а византійско-болгарскими; а другіе предметы и изображенія должны быть признаны оригиналами прямо болгарскими. Я не могу въ настоящее время и въ настоящей работѣ входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ тезисовъ—этому нужно посвятить особое изслѣдованіе, съ приведеніемъ очень многочисленныхъ памятниковъ и документовъ. Въ настоящее же время я ограничусь указаніемъ, вкратцѣ, нѣсколькихъ примѣровъ.

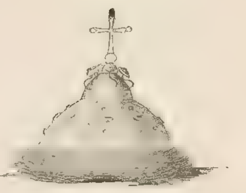
Начнемъ съ «Шапки Мономаховой».

Такъ называемая «Шапка Мономахова»—одно изъ значительнѣйшихъ, по эстетической красотѣ и по технической тонкости, созданій средневѣковаго искусства. Она не мало занимала вниманіе русскихъ археологовъ. Для опредѣленія и пріуроченія этого любопытнаго памятника древности сдѣлано у насъ до сихъ поръ не мало. Всего болѣе заслугъ въ этомъ дѣлѣ имѣютъ: бывшій хранитель Московской Оружейной Палаты, Г. Д. Филимоновъ, и профессоръ Н. П. Кондаковъ. Первый, со всегдашнею своею зоркостью и тонкимъ пониманіемъ, такъ сказать анатомировалъ, разложилъ на части многосоставную по своему сложенію эту «шапку» и указалъ на то, что она получила нынѣшній видъ постепенно, разновременными наслоеніями; онъ указалъ, что мѣхъ, по нижнему краю ея, прибавка поздняя (въ послѣдній разъ обновленная въ XIX-мъ столѣтіи), а верхнее полушаріе и вѣнчающій его крестъ также прибавка, не существовавшая при первоначальномъ сочиненіи и выполненіи этого великокняжескаго головного убора. Заслуга профессора Кондакова была еще значительнѣе. Онъ со всею силою убѣдительности опровергнулъ «татарское» происхожденіе и производство шапки (выдвинутое-было на сцену г. Регелемъ) и указалъ византійскій характеръ разныхъ частей и подробностей «шапки», и въ особенности разобралъ, съ обычною тонкостью и мастерствомъ своего техническаго анализа, составъ филиграни, высокаго и рѣдкаго достоинства, представляющей главный составъ «Мономаховой шапки». Какъ конечный результатъ профессоръ Кондаковъ заявилъ, что «признаетъ «Мономахову шапку» абсолютно византійскимъ памятникомъ, но что она была выполнена не въ Константинополѣ, но или въ Малой Азіи, или на Кавказѣ, или въ Херсонѣ, словомъ, въ мѣстности, гдѣ византійское искусство въ XI—XII вѣкахъ соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ» [1]).

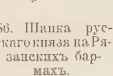
Но, при всей цѣнности фактовъ, добытыхъ и прочно утвержденныхъ Г. Д. Филимоновымъ и Н. П. Кондаковымъ, слѣдуетъ, мнѣ кажется, обратить особенное вниманіе на одну сторону вопроса, которая не разсматривалась нашими двумя высоко-уважаемыми изслѣдователями. Эта сторона—общая форма «шапки». Форма эта не представляетъ ничего византійскаго, и, напротивъ, представляетъ самую рѣшительную форму восточную, азіатскую—всего скорѣе, форму болгарскихъ княжескихъ и царскихъ «шапокъ». Она находится въ самомъ близкомъ родствѣ съ изображенными у насъ выше «шап-

[1]) *Кондаковъ*, „Русскіе клады", Спб., 1896, стр. 64—75.

ками» болгарскаго князя Крума, болгарскаго царя Іоанна Александра и другими [1]). Можно, кажется, съ большою вѣроятностью предполагать, что русскіе заимствовали отъ болгаръ, въ числѣ множества другихъ заимствованій, и форму «шапокъ» для своихъ князей. Форма эта была, повидимому, сильно распространена на Руси, и, притомъ, съ глубокой древности. Мы ее встрѣчаемъ не только на многихъ древнихъ миніатюрахъ и на многихъ драгоцѣнныхъ предметахъ древности, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, напримѣръ, на «Рязанскихъ бармахъ» XII-го вѣка [2]), которыя вовсе не византійской, а русской работы, но и на вершинѣ многихъ серебряныхъ, тоже вовсе не византійскихъ, «вотолокъ» [3]), находимыхъ въ раскопкахъ разныхъ нашихъ мѣстностей (губерніи Рязанская, Кіевская, Витебская и др.) [4]).

85. Шапка Мономахова.

86. Шапка русскаго князя на Рязанскихъ бармахъ.

Что касается до времени, къ которому должна относиться работа «Мономаховой шапки», то указателями въ этомъ вопросѣ намъ могутъ служить тѣ золотыя, драгоцѣнныя по формѣ и работѣ бляхи, которыя найдены были профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ при его раскопкахъ въ Екатеринославской губерніи и теперь хранятся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ [5]). Онѣ описаны у профессора Самоквасова такъ: «№ 4533, круглая золотая бляха, украшенная горнымъ хрусталемъ; №№ 4534 — 6, мотыльковидныя узорчатыя золотыя бляхи съ горными хрусталями въ серединѣ». Эти за-

а б. в.

87. Золотыя бляхи изъ Екатеринославскихъ раскопокъ. Въ Историческомъ Музеѣ, въ Москвѣ.

мѣчательные предметы найдены въ курганѣ у деревни Вороновой, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, вмѣстѣ со множествомъ другихъ предметовъ изъ костюмовъ и уборовъ монголоиднаго котораго-то племени, и съ четырьмя серебряными Золотоордынскими монетами, хановъ Узбека и Джанибека (XIV вѣка). По многоцѣнному замѣчанію А. В. Орѣшникова, эти золотыя бляхи имѣютъ, по работѣ филиграни и по формѣ лепестковъ, много общаго съ формами и работой филиграни «Мономаховой шапки», хотя послѣдняя представляетъ технику, несравненно болѣе тонкую.

---

[1]) Наши рисунки №№ 20, 16, 17. Замѣтимъ, что рисунки болгарскихъ „шапокъ“ въ рукописи, принадл. лорду Зоучъ, о которыхъ говорено выше, недостаточно вѣрно и характерно передаютъ куполообразную форму подлинныхъ оригиналовъ XIV вѣка.

[2]) „Древности Россійскаго государства“, т. II, рис. 33. *Кондаковъ*, „Русскіе клады“, табл. XVI.

[3]) Вотолка—головка кисти, или чашечка, въ которой укрѣплена кисть: Словарь Академіи Наукъ.

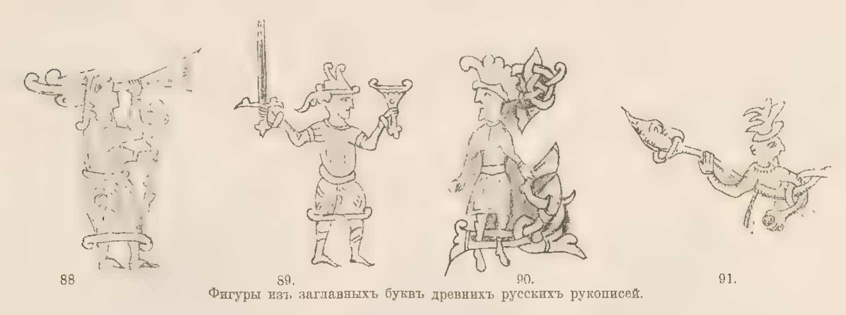
[4]) *Кондаковъ*, Русскія древности, т. V, стр. 110 (рис. № 162), стр. 118 (рис. № 179), стр. 50 (рис. № 30)

[5]) *Самоквасовъ*, „Основанія“, стр. 88, №№ 4533, 4534, 4535. Фотографическіе снимки съ оригиналовъ были сдѣланы для меня, съ большою обязательностью, хранителемъ „Истор. Музея“ А. В. Орѣшниковымъ.

Судя по болгарскимъ примѣрамъ, наша «Мономахова шапка» должна была кончаться, вверху, золотымъ шарикомъ или крестомъ.

Необходимо еще замѣтить, что «шапки болгарскія» и другія, близкія къ «болгарскимъ» по формѣ, не всегда бывали безъ мѣховой опушки по нижнему своему краю. Я встрѣчаю примѣры «шапокъ» этого рода, съ мѣхомъ по низу, на нѣсколькихъ царскихъ и княжескихъ шапкахъ, тюркскихъ, или подражающихъ тюркскимъ, въ упомянутой уже выше персидской рукоп. XIV в. № 329 [1]).

Другой примѣръ, изъ числа многихъ другихъ, того, какъ много пользы изученію русской исторіи, жизни и искусства можетъ принести изслѣдованіе рисунковъ «Манассіиной Лѣтописи» и другихъ болгарскихъ памятниковъ искусства, представляетъ сличеніе многихъ древнихъ русскихъ рисунковъ съ болгарскими. Въ цѣломъ рядѣ русскихъ рукописей, сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ, XIV вѣка, многіе костюмы, орнаменты, оружія, орудія, утварь, кафтаны, сапоги и т. д. казались совершенно загадочными и непонятными. Ихъ странные головные уборы изъ птичьихъ перьевъ, будто-бы пс манеру сѣверо-американскихъ дикарей, окружающіе ихъ орудія, разнообразные предметы, плетешки и ремни [2]) не имѣли ничего общаго съ подобными-же предметами, собственно славянскими вообще, и спеціально-русскими въ особенности, но они становятся вполнѣ объяснимыми и понятными, при сличеніи ихъ съ такими же фигурами и подробностями изъ рисунковъ болгарскихъ рукописей, и, на первый разъ «Манассіиной лѣтописи».

88. 89. 90. 91.
Фигуры изъ заглавныхъ буквъ древнихъ русскихъ рукописей.

92. 93.
Физіономія человѣческихъ фигуръ изъ болгарскихъ рукописей.

Даже самыя физіономіи многихъ изображенныхъ у насъ въ рукописяхъ XIII и XIV вѣковъ человѣческихъ фигуръ, длинные, прямые и остроконечные носы этихъ послѣднихъ, ихъ накось поставленные глаза, загнутые вверхъ носки ихъ сапогъ, ихъ вовсе не славянскіе кафтаны, и т. д., прямо указываютъ на людей не русскаго, а тюркскаго, монголоиднаго племени. Очень вѣроятно, что все это—отголоски или копіи съ восточныхъ, болгарскихъ оригиналовъ. Полезно сличать ихъ съ фигурами изъ «Манассіиной лѣтописи» [3]).

Но предметъ этотъ такой обширный и сложный, что ему слѣдуетъ посвятить особое и подробное изслѣдованіе.

---

[1]) Листы рукописи: 65, 243, 296 обор. и другіе.

[2]) Наши рисунки 88, 89, 90, 91 (единственно для примѣра, изъ громаднаго количества другихъ такихъ-же или подобныхъ, или однородныхъ предметовъ), изъ изданія: *В. Стасовъ*, „Славянскій и Восточный орнаментъ“, листы LXIX, рис. 8 и 12, LXV, рисунки 33, 36, и многіе др.

[3]) Манассіина лѣтопись, листы: 28, 42 об., 62; 105, 113, 123 об., 131, 172, 174 и др. (наши рисунки №№ 92 и 93.

IV.

Въ числѣ рукописей Московской Синодальной Библіотеки есть одна, № 163, подъ заглавіемъ: «Константиномъ пресвитеромъ Болгарскимъ составленныя поученія на Воскресные дни, изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго». Она принадлежитъ XIII-му вѣку и никакихъ иллюстрацій не заключаетъ. Но въ нее вклеенъ пергаменный листъ, на которомъ изображенъ, въ краскахъ и съ золотомъ, славянскій князь, съ золотымъ вѣнчикомъ (сіяніемъ) вокругъ головы. Рядомъ съ вѣнчикомъ, помѣщена надпись красными буквами по золотому фону:

СТЫ БОРИСЪ

Въ своемъ описаніи рукописи профессора Горскій и Невоструевъ говорятъ: «Безъ сомнѣнія, этотъ князь—Борисъ-Михаилъ, князь болгарскій, при которомъ Болгарія приняла христіанскую вѣру, и который скончался въ 907 году» [1]). Съ своей стороны профессоръ Иречекъ говоритъ: «Болгарскій князь Михаилъ-Борисъ скончался 2-го мая 907 года. Его изображеніе, на золотомъ фонѣ, находится въ рукописи XIII-го столѣтія, въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Съ Борисомъ начинается рядъ болгарскихъ святыхъ» [2]).

Такъ какъ памятники древне-славянской живописи составляютъ, по своей немногочисленности, великую рѣдкость, и настоящее изображеніе князя Бориса никѣмъ еще до сихъ поръ не было ни изслѣдовано, ни издано, я рѣшился сдѣлать и то, и другое, и изучалъ это изображеніе на подлинной миніатюрѣ Синодальной Библіотеки, а мой хорошій пріятель (нынѣ уже покойный), академикъ архитектуры Андрей Михайловичъ Павлиновъ, одинъ изъ хранителей Оружейной Палаты въ Москвѣ, срисовалъ, по моей просьбѣ, копію съ подлинника, въ краскахъ. Онъ сдѣлалъ это съ точнѣйшею вѣрностью и съ соблюденіемъ всѣхъ существующихъ на оригиналѣ поврежденій рисунка, происшедшихъ оттого, что краски облупились или стерлись. Эту замѣчательную копію я принесъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ, а вѣрное воспроизведеніе ея, въ краскахъ, прилагаю здѣсь, въ хромолитографической копіи г. Кастелли.

[1]) *Горскій* и *Невоструевъ*, „Описаніе рукописей Московской Синодальной Библіотеки“, Москва, 1859 г., томъ II, отдѣлъ 2, стр. 409.

[2]) *Иречекъ*, Исторія Болгарскаго народа, стр. 197.

Всѣ три профессора, вкратцѣ писавшіе объ этомъ рисункѣ, признаютъ, что здѣсь представленъ болгарскій князь Борисъ, принявшій въ 864 году христіанство и водворившій его въ своемъ народѣ, вслѣдствіе чего церковь и признала его святымъ.

По моему мнѣнію, съ этимъ невозможно согласиться. Болгарскій князь Борисъ, принявшій при крещеніи христіанское имя Михаила (конечно, потому, что крестнымъ отцомъ его былъ византійскій императоръ Михаилъ III), былъ признанъ святымъ не при жизни своей, а лишь послѣ смерти: «послѣ долгаго княженія Борисъ предъ 888 годомъ отказался отъ престола и поступилъ въ монастырь; старцу нравилась благочестивая и созерцательная жизнь» [1]). Такимъ образомъ, на иконномъ изображеніи своемъ, князь Борисъ-Михаилъ долженъ былъ бы быть представленъ, во-первыхъ, «старцемъ» (ему, когда онъ скончался, было уже 56 лѣтъ), а во-вторыхъ—инокомъ, а не княземъ. Между тѣмъ, на нашей миніатюрѣ онъ изображенъ молодымъ, юношей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, княземъ. Такимъ образомъ, въ этой миніатюрѣ невозможно видѣть изображенія болгарскаго князя Бориса-Михаила.

Но, сверхъ того, есть еще одна причина, не дозволяющая видѣть здѣсь болгарскаго святого. Лѣвая рука князя представляетъ приподнятую вверхъ ладонь и расширяющіеся пальцы, въ извѣстномъ религіозномъ жестѣ («воздѣяніе руку моею, жертва вечерняя»), но правая рука согнута въ локтѣ и держитъ передъ грудью предметъ, который стерся отъ времени и небрежности храненія, но въ которомъ, на основаніи слабо, но всетаки уцѣлѣвшихъ слѣдовъ, нельзя не видѣть креста. Есть множество древне-русскихъ рисунковъ въ рукописяхъ, фресокъ на стѣнахъ церквей, разныхъ предметовъ съ эмалями, гдѣ святые и святыя держатъ въ правой рукѣ, точно въ такомъ же положеніи, именно крестъ. Крестъ же въ рукѣ святого есть всегда, по византійско-русской иконографіи, атрибутъ мученика или мученицы.

На основаніи всего этого неизбѣжно слѣдуетъ признать въ рисункѣ Синодальной Библіотеки не св. князя Бориса болгарскаго, но св. князя Бориса русскаго, и, слѣдовательно, совершенно былъ правъ тотъ неизвѣстный русскій, который въ XV-мъ вѣкѣ приписалъ на этомъ рисункѣ, внизу, чернилами и почеркомъ своего времени: **«БОРИСЪ ГЛѢБЪ»**. Очень можетъ быть, что существовалъ другой еще рисунокъ, дружка этому, и на которомъ былъ изображенъ св. русскій князь Глѣбъ, братъ св. князя Бориса, и равномѣрно, какъ и онъ, умерщвленный ихъ братомъ Святополкомъ.

Настоящее изображеніе князя Бориса во всѣхъ подробностяхъ тожественно или близко родственно съ многочисленными изображеніями русскаго князя св. Бориса. Первоначальная основа ихъ, безъ сомнѣнія, византійская, но здѣсь же являются и нѣкоторыя черты русскія. Князь Борисъ нашего рисунка представленъ на золотомъ фонѣ, въ рамкѣ, состоящей изъ полукруглой аркады византійскаго стиля, съ небольшимъ крестомъ вверху; аркаду поддерживаютъ двѣ тонкія, длинныя колонки, съ капителями въ видѣ византійскихъ лилій, и всѣ онѣ, какъ колонки, такъ и аркада и низъ рамки, состоятъ изъ орнамента треугольниками, изъ синей эмали, съ краснымъ и синимъ цвѣточкомъ внутри по эмалевому фону. Самъ князь Борисъ одѣтъ въ длинный и узкій кафтанъ, сшитый изъ золотой парчи, съ золотыми узорами спиралью, на подобіе эмалей—рисунка, очень близко похожаго на золотыя спирали «шапки Мономаховой»)орнаменты на рязанскихъ бармахъ и на многихъ финифтяныхъ и золотыхъ предме-

[1]) *Пречекъ*, стр. 196.

тахъ изъ русскихъ южныхъ кладовъ представляютъ, конечно, тѣ же фигуры завитковъ, но совершенно другого характера и склада, чѣмъ спирали на парчѣ князя Бориса и на золотыхъ филиграняхъ «Мономаховой шапки»). Низъ или подолъ Борисова кафтана окаймленъ широкимъ галуномъ (или полосой шелковой матеріи), гдѣ по черному фону идетъ золотая длинная византійская гирлянда. На рукахъ, у кисти, золотые поручи, съ чернымъ узоромъ или чернью. Сверхъ кафтана, на князѣ Борисѣ не надѣто «корзна» (или недлиннаго плаща), застегивающагося, какъ всегда у византійцевъ и у древнихъ русскихъ князей въ византійской одеждѣ, на правомъ плечѣ большой застежкой, съ драгоцѣннымъ камнемъ посрединѣ [1]); на мѣсто того, на плеча князя наброшенъ широкій и длинный плащъ синяго цвѣта, съ галуномъ или бордюромъ изъ золотыхъ и серебряныхъ кружочковъ по черному фону. Вспомнимъ черкесскіе галуны на Кавказѣ, даже и нынѣшняго времени, представляющіе такіе же узоры изъ золота, серебра и чернаго шелка, а въ древнія времена — матеріи, полученныя изъ южныхъ нашихъ раскопокъ профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ [2]). Подобныя же окаймленія или галуны со свѣтлыми кружочками по темному фону мы видимъ на верхнихъ плащахъ нѣкоторыхъ св. мученицъ, изображенныхъ на фрескахъ Нередицкой церкви въ Новгородѣ [3]). На ногахъ у князя сапоги, цвѣтъ которыхъ теперь разобрать невозможно, такъ какъ здѣсь краска облупилась. На головѣ шапка, закругленная вверху, съ краснымъ верхомъ и золотымъ околышемъ, среди котораго, надъ лбомъ, вставленъ драгоцѣнный камень, повидимому, изумрудъ. Шапка эта — лѣтняя, безъ мѣха (обыкновенно, у кн. Бориса она бываетъ съ мѣхомъ. Волосы у молодого князя свѣтло-каштановые, длинными локонами спускающіеся до полшеи; лицо — кругловатое, съ большими глазами, тонкимъ носомъ и красивымъ небольшимъ ртомъ.

Въ общемъ, это изображеніе святого князя Бориса имѣетъ нѣкоторое родство съ изображеніемъ неизвѣстнаго князя, впервые опубликованнымъ В. А. Прохоровымъ и относящимся, по его (справедливому) мнѣнію, къ XII-му вѣку. Рисунокъ этотъ сохранился въ рукописи объ «Антихристѣ», Ипполита, папы римскаго, находящейся въ библіотекѣ Чудова монастыря, въ Москвѣ, и изданной профессоромъ Невоструевымъ въ 1866 году. Профессоръ И. И. Срезневскій полагалъ, что на этомъ рисункѣ изображенъ новгородскій князь Гавріилъ-Всеволодъ, сынъ Мстислава Володимировича, внукъ Мономаха, скончавшійся въ 1137 году: по житію онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ [4]). Но В. А. Прохоровъ опровергалъ это тѣмъ, что русскій князь представленъ здѣсь съ «крестомъ мученика» въ рукѣ, тогда какъ св. князь Гавріилъ Володимировичъ никогда не былъ мученикомъ, и притомъ онъ изображенъ безъ бороды, тогда какъ

[1]) Изъ русскихъ мы видимъ такія корзна: у князя Святослава Ярославича, въ „Святославовомъ Сборникѣ“; у молодого князя (Бориса или Глѣба), въ „Рязанскихъ бармахъ“; у князей Бориса и Глѣба, на образкахъ оклада Мстиславова евангелія; у князя Ярослава Владимировича, на фрескѣ Нередицкой церкви въ Новгородѣ, у нѣскольких княжескихъ личностей, въ „Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ“, и т. д.

[2]) *Прохоровъ*, „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“ и проч. Спб., 1881 г., таблица I, матеріи, найденныя въ Левинскомъ курганѣ № 1, близъ города Стародуба, Черниговской губерніи. Здѣсь фрагменты: верхній и нижній въ серединѣ, представляютъ ткани, гдѣ по черному фону расположены ряды бѣлыхъ (серебряныхъ?) и золотыхъ (потускнѣвшихъ?) кружочковъ.—*Самоквасовъ*, Каталогъ, стр. 71, курганъ № 1.

[3]) *Прохоровъ*, тамъ же: „Фрески XII-го вѣка въ церкви Спаса въ Нередицахъ, близъ Новгорода“, изображенія свв. мученицъ Варвары и Уліяны.

[4]) Записки Императорской Академіи Наукъ, томъ IX, книга I.

скончался въ возрастѣ свыше 30-ти лѣтъ [1]). Такимъ образомъ, личность этого князя остается и до сихъ поръ неопредѣленною. Тѣмъ не менѣе этотъ рисунокъ имѣетъ большой интересъ и значеніе для исторіи русской живописи и иконографіи.

Размѣры обоихъ рисунковъ почти совершенно совпадаютъ: неизвѣстный князь имѣетъ, по вертикалу, отъ вершины шапки и до передняго кончика ногъ, 19 сентим. нашъ князь Борисъ—20 сентиметровъ. Ростъ и складъ тѣла у нихъ совершенно одинакій, и стоятъ они оба, упираясь на правую ногу, лишь немного отставивъ въ сторону лѣвую ногу. Оба одинаково держатъ, въ правой рукѣ, крестъ мученика, прижавъ его къ груди. Но въ лѣвой неизвѣстный князь держитъ маленькую модель церкви (конечно, построенной имъ, какъ это всегда изображается): къ сожалѣнію, краски на рисункѣ церкви сильно облупились, и потому трудно опредѣлить формы и главу (или главы) церкви. Весь рисунокъ—на золотомъ фонѣ, но тогда какъ рисунокъ св. князя Бориса представляетъ общій тонъ—красный, рисунокъ неизвѣстнаго князя представляетъ общій тонъ—зеленый, и это зависитъ отъ того, что кафтанъ князя—цвѣта зеленоватаго, съ множествомъ большихъ симметричныхъ круговъ, тѣсно и близко разставленныхъ и содержащихъ внутри 8-ми-лепестную розетку, похожую на колесо съ 8-ю спицами. Подолъ кафтана окаймленъ золотой узорчатой каймой. У кистей рукъ узкіе рукава кафтана кончаются золотыми поручами. Плащъ и сапоги малиновые, съ узорами; кайма плаща, заброшеннаго за плечи, золотая, съ узоромъ въ клѣтку; на правомъ плечѣ плащъ застегнутъ, и оттуда спускается, въ видѣ полукруглой драпировки, на лѣвую руку, подъ модель церкви. Шапка на головѣ лѣтняя, безъ мѣха; верхъ ея—красный, околышъ—зеленый; но шапка кверху — ўже, и не представляется полукруглой скуфьей, какъ у князя Бориса. По этой характерной подробности можетъ быть позволительно предполагать, что нашъ рисунокъ князя Бориса — происхожденія скорѣе южнаго и сближается съ тѣми княжескими шапками болгарскими, которыя не вполнѣ куполовидны и нѣсколько приближаются къ формѣ полусферы [2]), тогда какъ шапка неизвѣстнаго князя принадлежитъ къ категоріи шапокъ нѣсколько болѣе высокихъ и съуживающихся кверху, какъ это мы видимъ въ рисункахъ русскихъ сѣверныхъ князей [3]).

Въ общемъ, несомнѣнно то, что оба рисунка — русской работы, изображаютъ русскихъ князей, представляютъ много интереса и составляютъ какъ бы «pendant» одинъ другому.

---

[1]) *Прохоровъ*, „Матеріалы", стр. 70—72.

[2]) Царь Іоаннъ-Александръ на рисункахъ „Манассіиной лѣтописи", въ нѣкоторыхъ листахъ.

[3]) Князь Ярославъ Владимировичъ на фрескѣ Нередицкой церкви въ Новгородѣ, князья Борисъ и Глѣбъ на медальонахъ Мстиславова евангелія (нашъ рисунокъ № 86).

V.

Изучая памятники древне-русской жизни и искусства, я давно убѣдился въ великомъ значеніи, для ихъ разъясненія и пониманія, памятниковъ жизни и искусства многихъ тюркскихъ народовъ. Миніатюры джагатайскихъ рукописей казались мнѣ въ этомъ дѣлѣ особенно важными, и я старался узнать и изучить ихъ во всѣхъ европейскихъ хранилищахъ, гдѣ онѣ нынче существуютъ. Ихъ оказалось не слишкомъ-то много, такъ какъ и вообще джагатайскихъ рукописей (даже безъ миніатюръ) на свѣтѣ немного. Въ герцогской библіотекѣ въ Готѣ ихъ только—1, въ Вѣнской Императорской библіотекѣ—7, въ Парижской Національной библіотекѣ—10, въ Берлинской Королевской библіотекѣ—15, въ Британскомъ Музеѣ въ Лондонѣ—44. Напротивъ, въ русскихъ библіотекахъ джагатайскія рукописи довольно многочисленны. Въ Петербургѣ ихъ находится свыше 150: въ Институтѣ восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ—17, въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ—около 40, въ Императорской Публичной Библіотекѣ—свыше 100; сверхъ того, есть нѣсколько такихъ рукописей въ библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета. Такимъ обиліемъ джагатайскихъ рукописей русскія библіотеки обязаны тому обстоятельству, что всѣ джагатайскія рукописи поступали въ библіотеки Западной Европы путемъ покупки, или приношенія, отъ частныхъ лицъ, тогда какъ значительнѣйшее количество такихъ рукописей поступало въ наши библіотеки вслѣдствіе завоеваній русскимъ оружіемъ разныхъ азіатскихъ странъ, а именно: Закавказья въ 1828 году, разныхъ Средне-азіатскихъ странъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія. Сверхъ того, многія джагатайскія рукописи поступили къ намъ тѣмъ же путемъ, какъ и въ остальной Европѣ, т.-е. путемъ дара и покупки.

Въ Западной Европѣ обращено нынче уже значительное вниманіе на джагатайскій языкъ и джагатайскую литературу. Въ предисловіи къ своему превосходному каталогу турецкихъ рукописей Британскаго Музея бывшій консерваторъ этого великолѣпнаго учрежденія, по отдѣленію восточныхъ рукописей, Ріё, говоритъ: «Тюркскіе языки: *западный* («турецкій», или османлійскій) и *восточный* («тюркскій», или джагатайскій), хотя принадлежатъ къ одному и тому же семейству, но это—двѣ вѣтви, настолько широко расходящіяся врозь, что ихъ слѣдуетъ трактовать, какъ раздѣльные языки, а каждая изъ литературъ, получившихъ отъ нихъ начало, пошла по своему особому пути». Поэтому-то онъ, Ріё, и счелъ умѣстнымъ выдѣлить джагатайскія рукописи въ особый отдѣлъ [1]).

[1]) *Charles Rieu*, Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum, London, 1888, Вступленіе.

Что у Ріё сказано про сторону лингвистическую, вполнѣ прилагается и къ сторонѣ художественной. Рисунки джагатайскихъ рукописей представляютъ, въ отношеніи живописи, столько же отличія отъ всякихъ другихъ рисунковъ, какъ тексты джагатайскіе отъ другихъ текстовъ. Но при всѣхъ своихъ знаніяхъ Ріё очень ошибся, сказавъ, что по большей части всѣ джагатайскія иллюстрированныя рукописи происходятъ изъ Восточной Персіи, особенно изъ Герата, и, по части орнаментаціи, ихъ нельзя отличить отъ персидскихъ рукописей той же категоріи. Напротивъ, ихъ отличать по части рисунковъ очень можно и должно. Далеко не всѣ рукописи джагатайскія, иллюстрированныя, исполнялись въ Восточной Персіи. Конечно, многія, наилучшія, были исполнены въ Гератѣ, въ предѣлахъ нынѣшняго Афганистана, художниками персидскими, или такими, которые исключительно держались стиля персидскаго; но многія рукописи писаны и рисованы тоже и художниками не-персидскими и не-гератскими, а прямо тюркскими. Въ какихъ именно мѣстностяхъ и городахъ они работали, опредѣлить теперь пока еще невозможно. Рисунки этихъ рукописей, при текстахъ восточно-тюркскихъ, часто во многомъ уступаютъ рисункамъ персидскимъ и гератскимъ по тонкости, художественности, красотѣ, мастерству исполненія; они нерѣдко являются несравненно болѣе грубыми,—такъ сказать, не вполнѣ еще культивированными, отчасти лишенными тонкой граціи и нѣжности, но имѣютъ за то нѣчто свое, національное, очень характерное, сильное и могучее, вѣрно изображающее, въ лицахъ и физіономіяхъ—типъ средне-азіатскій, тюркскій, а въ орнаментахъ—узоры и фигуры совершенно особенные, очень далекіе отъ персидскихъ. Все это является слѣдствіемъ и выраженіемъ далекихъ временъ, коренныхъ вліяній мѣстности и народности, особыхъ религій и историческихъ событій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, результатомъ дѣятельности богатой творческой фантазіи. И формы, и краски были вездѣ здѣсь свои, особенныя. Гератъ, въ продолженіе XV-го и XVI-го столѣтій, былъ, правда, истиннымъ центромъ столько же всяческихъ искусствъ, какъ и литературы, въ той части Азіи, гдѣ онъ лежалъ. Но художники Герата не имѣли самобытнаго, самостоятельнаго стиля въ искусствѣ и художественной промышленности: по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ неизвѣстны факты, которые бы доказывали существованіе подобнаго стиля. Населеніе Герата употребляло въ дѣло стиль персидскій, давно уже высоко развитый и широко распространенный. Только теперь онъ въ Гератѣ еще болѣе утончился и усовершенствовался, такъ какъ былъ, надо полагать, пріятенъ и близокъ гератскому населенію, по близости географическаго расположенія странъ, а равно и по близости одинаковаго арійскаго происхожденія Персіи и большинства населенія Герата (остальное населеніе было здѣсь тюркское, со времени нашествія монголо-тюрковъ). Притомъ же въ тѣ столѣтія Гератъ принадлежалъ Персіи. Между тѣмъ, племена тюркскія, къ сѣверу отъ Персіи и Герата, не взирая на многія свои громадныя заимствованія отъ высоко-культурной и высоко-развитой, по части художества, Персіи, ненарушимо хранили все самое существенное и характерное въ своихъ коренныхъ, національныхъ элементахъ, начиная съ языка и разнообразныхъ условій жизни, въ созданіяхъ своей художественной промышленности, тканяхъ, коврахъ, сосудахъ, костюмѣ, оружіи, металлическихъ и всяческихъ издѣліяхъ, узорахъ и украшеніяхъ, а также и въ живописи своихъ рукописей.

Вліянія иноземныя въ тюркскихъ среднеазіатскихъ областяхъ бывали всегда очень сильны. Быть можетъ, считая себя въ дѣлѣ художественности еще варварами (и совершенно понапрасну), или, можетъ быть, по какимъ другимъ сообра-

женіямъ, но средне-азіаты любили пользоваться чужими мастерами и рабочими. Даосскій монахъ Чанъ-Чунъ разсказываетъ, что на Алу-Хуанѣ (Орхонѣ?), въ военномъ поселеніи, находится 300 домовъ золототкачей изъ западныхъ краевъ и 300 домовъ шерстяноткачей изъ Китая [1]); о Самаркандѣ онъ говоритъ, что китайскіе рабочіе и ремесленники живутъ тамъ по всѣмъ мѣстамъ [2]); еще онъ разсказываетъ, что въ Кянь-Кянь-Чжоу (въ примѣчаніи о. Палладій указываетъ, что эту страну надо искать по Енисею) китайскіе ремесленники живутъ во множествѣ и занимаются тканьемъ шелковыхъ матерій, флера, парчи и цвѣтныхъ матерій [3]). Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что во время войны Чингисъ-Хана и его сыновей монголы постоянно посылали цѣлыя массы плѣнныхъ мастеровыхъ (иногда 100.000 человѣкъ) въ Монголію [4]). Знаменитые дворцы: въ Каракорумѣ, построенный китайскими художниками и въ китайскомъ стилѣ, въ Керчаганѣ—персидскими и въ персидскомъ стилѣ [5]), дворецъ въ Самаркандѣ—въ персидскомъ стилѣ, но со множествомъ китайскихъ, арабскихъ и персидскихъ формъ, орнаментовъ и надписей, свидѣтельствующихъ объ участіи, въ работѣ, художниковъ этихъ народностей—все это является доказательствомъ очень сильныхъ вліяній иноземныхъ. Такой огромный наплывъ искусныхъ мастеровыхъ (и художниковъ, считавшихся тогда тоже въ числѣ «мастеровыхъ») и такое постоянное общеніе съ ними не могли не способствовать значительному движенію и развитію въ средѣ тюркскаго искусства. И это развитіе, какъ мы видимъ по многочисленнымъ памятникамъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени, совершилось. Тюркскіе художники усовершенствовали свой рисунокъ, въ началѣ довольно грубый (какъ это было въ ранніе періоды и съ искусствомъ персидскимъ и арабскимъ), научились рисовать гораздо правильнѣе человѣческую фигуру, а равно и фигуру вѣчнаго и вѣрнаго своего спутника, коня, научились рисовать съ великою тонкостью и деревья, и мебель, и посуду, и костюмъ, и оружіе, со всѣми ихъ мелкими и тончайшими подробностями и орнаментами. И, однакоже, не взирая на всѣ эти многочисленныя и значительныя заимствованія, тюркскіе художники все-таки не утратили своихъ коренныхъ, національныхъ элементовъ, своего средне-азіатскаго характера и орнаментики, особенно же своего самостоятельнаго, оригинальнаго колорита и красокъ, своего красочнаго блеска, своихъ гармонически пестрыхъ тоновъ, столько отличныхъ отъ красочной гаммы китайской, персидской и арабской и столько возвеличивающихъ ковры и ткани Средней Азіи.

Тюркскій стиль въ живописи и художественной промышленности не достаточно изученъ, но онъ есть, онъ несомнѣненъ. Онъ слишкомъ явственно чувствуется, онъ слишкомъ характеренъ. Памятниковъ же его, крупныхъ—архитектурныхъ и мелкихъ—художественно-промышленныхъ, есть налицо не мало, даже и теперь. Впослѣдствіи ихъ будетъ открыто, навѣрное, еще болѣе. Въ тканяхъ, коврахъ, орнаментаціи онъ начинаетъ уже признаваться, въ живописи—покуда нѣтъ еще.

Между джагатайскими рукописями есть такія, которыя заключаютъ въ себѣ, кромѣ общаго историческаго, національнаго и художественнаго интереса, особенный интересъ

[1]) Труды духовной миссіи въ Китаѣ. Томъ IV, Спб., 1866: *Сі-ю-цзи*, описаніе путешествія на западъ даосскаго монаха Чанъ-Чуна, примѣчаніе № 231 отца Палладія, стр. 404.

[2]) Тамъ же, примѣч. 311.

[3]) Тамъ же, стр. 339.

[4]) *Howorth*, History of the Mongols, vol. I, pp. 85, 87, 123.

[5]) *Howorth*, I, pp. 156, 158.

для насъ, по изображенію личностей и событій, имѣющихъ прямое соприкосновеніе съ русской древней исторіей, и притомъ такихъ, которыя во многомъ наложили свою печать на различныя проявленія русской жизни. «Въ нашей исторіи,—говоритъ проф. И. Н. Березинъ,—есть особенный періодъ—*монгольскій*, и, конечно, на русскихъ оріенталистахъ лежитъ обязанность разъясненія этого періода. Не придавая особеннаго значенія монгольскому элементу въ нашей древней исторіи, мы, однако же, думаемъ, что это владычество было не безъ вліянія на Русь, и, во всякомъ случаѣ, только при обстоятельномъ знакомствѣ съ монголами мы можемъ рѣшить вопросъ объ этомъ вліяніи...» Въ теченіе второй половины XIX-го вѣка очень многое было сдѣлано русскими оріенталистами въ этомъ направленіи. Продолжая работу своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, каковы были Френъ, Шмидтъ, отецъ Іакинѳъ, отецъ Палладій, Савельевъ, Миддендорфъ и другіе, они тщательно изучали монголовъ и татаръ въ ихъ исторіи, языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, часто въ спеціальномъ сравненіи съ исторіей, языкомъ, нравами и обычаями древней Россіи, и именно это изученіе показало, что вліяніе монголо-татаръ на наше отечество было несравненно значительнѣе, чѣмъ думалъ проф. Березинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и многіе другіе. Огромное количество восточныхъ словъ, названій и выраженій, вошедшихъ въ общее народное употребленіе и свидѣтельствующихъ объ огромномъ количествѣ предметовъ и понятій, перешедшихъ къ намъ изъ жизни этихъ восточныхъ народовъ, громадная масса нравовъ и обычаевъ, прибавившихся къ первоначальной массѣ коренныхъ нравовъ и обычаевъ собственно славянскихъ и заимствованій финскихъ, масса поэмъ, легендъ и сказокъ, перешедшихъ въ наше отечество изъ Азіи и вошедшихъ въ плоть и кровь нашего народа въ русскихъ переводахъ, передѣлкахъ и приспособленіяхъ—свидѣтельствуютъ о вліяніяхъ очень сильныхъ и многозначительныхъ.

Но при всей обширности и разносторонности изученія элементовъ монголо-тюркскихъ, вліявшихъ на древнюю Россію, еще слишкомъ мало обращалось всегда вниманія на подробности бытовыя, этнографическія, на костюмъ, оружіе, разнообразные предметы жизненной обстановки монголо-тюрковъ, тогда какъ знакомство со всѣми этими предметами необходимо для полнаго и удовлетворительнаго изученія азіатскихъ народовъ, такъ долго бывшихъ въ ближайшемъ соприкосновеніи съ нашею народностью. Между тѣмъ, богатый матеріалъ даютъ намъ для такого изученія, во-первыхъ, новосозданные у насъ въ послѣднее время обширные музеи: Минусинскій, Иркутскій, Томскій и другіе, съ блескомъ продолжающіе и пополняющіе великолѣпную дѣятельность прежнихъ нашихъ музеевъ: Академіи Наукъ, Азіатскаго, Географическаго Общества, Московскаго этнографическаго, а равно и знаменитые музеи иностранные, а вовторыхъ, богатыя коллекціи, какъ русскія, такъ и иностранныя, наконецъ рисунки безчисленныхъ рукописей восточныхъ. Для предстоящихъ историческихъ, этнографическихъ и бытовыхъ изученій очередь ихъ теперь наступила и настоятельно требуетъ дѣятелей.

Сочтя возможнымъ тоже и со своей стороны, въ числѣ другихъ, сдѣлать что-нибудь пригодное въ этомъ направленіи, я рѣшился узнать и изучить рисунки всѣхъ древнѣйшихъ тюркскихъ рукописей, находящихся въ Европѣ. Для этого я осмотрѣлъ тюркскія рукописи съ иллюстраціями библіотекъ лондонской, парижской, берлинской, вѣнской, петербургской, и нашелъ въ нихъ художественныя и историческія сокровища какъ въ рукописяхъ уйгурскихъ (необыкновенно рѣдкихъ до сихъ поръ), такъ и джагатайскихъ.

При этомъ оказалось, однакоже, что рисунки уйгурскіе ничего не даютъ для моей собственно цѣли. Изъ числа 6-ти уйгурскихъ рукописей, до сихъ поръ извѣстныхъ въ Европѣ, только въ одной, принадлежащей Парижской Національной Библіотекѣ, находятся человѣческія фигуры и изображенія сценъ. Но почти все здѣсь только фантастично, сверхъестественно, и потому мало заключаетъ чего-нибудь реальнаго, а потому и тюркскаго. Эта рукопись—знаменитая поэма «Мираджъ-Намэ» (Supplément Turc, № 100), XV в., текстъ которой переведенъ на уйгурскій языкъ съ первоначально персидскаго, а этотъ съ арабскаго. Содержаніе поэмы — вознесеніе Магомета на небо и хожденіе его по Раю и Аду. Лишь немногіе рисунки заключаютъ подробности тюркскія. Таковы, напр., «видѣніе Магомета» (листъ 42), во время котораго Магометъ созерцаетъ 70.000 палатокъ праведниковъ около трона Господня, и каждая палатка въ 70.000 разъ болѣе міра; «Врата Адовы», «Древо Адово», «Казнь лицемѣровъ» и «Казнь ростовщиковъ» (листы: 53, 53 обор., 55, 55 обор.), и особенно «Казнь религіозныхъ лицемѣровъ» (листъ 57 обор.). Здѣсь нѣсколько разъ представлены прямо туркестанцы; но всѣ они нагіе, какъ требуется для Ада. Остальныя личности, человѣческія и фантастическія фигуры, а равно и всяческія подробности, примыкаютъ постоянно къ изображеніямъ то персидскаго, то китайскаго искусства. Кромѣ этой рукописи, всѣ прочія уйгурскія, извѣстныя до сихъ поръ въ Европѣ, заключаютъ только рисунки орнаментальные, почти всегда превосходные: заставки, рамки и небольшія цвѣточныя украшенія, скорѣе всего—стиля персидскаго. Все это вмѣстѣ являлось крайне важнымъ для исторіи искусства вообще и орнаментики въ особенности, но не служило для моей спеціальной цѣли.

Зато величайшую цѣнность заключаютъ въ себѣ для насъ многія рукописи джагатайскія, съ содержаніемъ и текстомъ тюркскими, и съ рисунками стиля также тюркскаго. Между ними особенно интересною и важною представилась мнѣ одна джагатайская рукопись, принадлежащая Британскому Музею въ Лондонѣ.

Она показалась мнѣ столь важною спеціально для насъ, что я обратился къ нашему восточному факультету Спб. университета съ просьбой: поручить кому-либо изъ русскихъ молодыхъ оріенталистовъ списать, въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, всѣ тексты при картинкахъ этой рукописи, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи. Это было поручено П. М. Меліоранскому, который и представилъ факультету свои списки, и вмѣстѣ фотографіи съ этихъ рисунковъ. Затѣмъ, въ 1897 же году, по порученію барона Д. О. Гинцбурга, всѣ 15 рисунковъ этой категоріи были сняты въ Лондонѣ съ оригиналовъ фотографіей, и поверхъ фотографіи съ величайшею точностью воспроизведены въ краскахъ. Эти замѣчательныя копіи въ томъ же году были принесены въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ барономъ Гинцбургомъ.

Настоящая джагатайская рукопись носитъ заглавіе «Теварикъ-Гузидэ» (по каталогу Ріё № 3222). Она содержитъ «Жизнь Чингисъ-Хана и его потомства». Эта біографія знаменитаго азіатскаго владыки сочинена и написана въ XVI-мъ вѣкѣ по повелѣнію очень прославившагося Шейбани-Хана, одного изъ потомковъ Чингисъ-Хановыхъ. Рисунковъ въ рукописи—15. Сюжеты ихъ слѣдующіе:

1) Наставленіе Чингисъ-Хана сыновьямъ незадолго до его смерти (листъ 43-й).

2) Боевая сцена изъ войны Батыя (внука Чингисъ-Ханова), подъ предводительствомъ его военачальника, Шейбани-Хана, съ башкырдами и урусами (листъ 45-й).

3) Третій сынъ Чингисъ-Хановъ, Угудэй, возсѣвшій на престолѣ отца, повелѣваетъ своему народу соблюдать «сводъ законовъ» своего отца (Юлангъ-Ясса) (листъ 50-й об.).

4) Сцена изъ войны Тулуй-Хана (4-го сына Чингисъ-Ханова) съ китайцами, зимой (листъ 52-й об.).

5) Восшествіе на престолъ Джучи-Хана (старшаго сына Чингисъ-Ханова) въ своемъ улусѣ (листъ 76-й обор.).

6) Восшествіе на престолъ Джагатай-Хана (2-го сына Чингисъ-Ханова) (листъ 86-й).

7) Восшествіе на престолъ Тулуй-Хана (4-го сына Чингисъ-Ханова) (листъ 93-й об.).

8) Восшествіе на престолъ Менгу-Хана (внука Чингисъ-Ханова) (листъ 96-й).

9) Пиръ Гулагу-Хана (внука Чингисъ-Ханова) послѣ взятія Багдада (листъ 103-й).

10) Основаніе обсерваторіи въ Мерагѣ въ концѣ XIII-го вѣка (листъ 105-й).

11) Абака-Ханъ (правнукъ Чингисъ-Хановъ) преслѣдуетъ Борака (листъ 108-й).

12) Восшествіе на престолъ Газанъ-Хана (праправнука Чингисъ-Ханова) (листъ 113-й обор.).

13) Осада Самарканда монголами въ 906 году гиджры (=1568 по Р. Х.) Шейбани-Ханомъ (листъ 130-й).

14) Возвращеніе Шейбани-Хана, изъ похода на Ташкентъ, въ Самаркандъ (листъ 137-й обор.).

15) Празднованіе разныхъ побѣдъ Шейбани-Ханомъ, въ началѣ XVI-го вѣка (листъ 139-й).

Изъ числа этихъ рисунковъ первые 11 изображаютъ событія XIII-го столѣтія по Р. Х.; одинъ (№ 12)—событіе начала XIV-го столѣтія; три послѣдніе (№№ 13, 14 и 15)—событія XVI-го столѣтія.

Сюжеты картинокъ очень разнообразны. Одни изъ нихъ рисуютъ сцены мирнаго времени и домашней жизни монгольскихъ хановъ; пиры ихъ среди придворныхъ и военачальниковъ, причемъ пьется кумысъ изъ бурдюковъ; празднества по поводу восшествія на престолъ, или торжества надъ врагами, причемъ музыканты иногда играютъ на струнныхъ инструментахъ [1]); сцены войны, осадъ, побѣдъ, наконецъ, изображаютъ, основанную однимъ изъ хановъ XIII-го вѣка, астрономическую обсерваторію.

Дѣйствующими лицами являются монголы. На первомъ мѣстѣ сами ихъ ханы; потомъ ихъ подданные, военные и невоенные, чины ихъ двора и прислужники; наконецъ, многія лица чуждыхъ національностей, какъ тюркскихъ, такъ и не-тюркскихъ племенъ — монголоиды, венгры, семиты, арабы, неизвѣстныя темнокожія дикія племена.

Мѣсто дѣйствія всѣхъ этихъ сценъ—свободныя пространства на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Ни единаго разу монгольскіе ханы, ихъ други и недруги, не представлены здѣсь среди монгольскихъ дворцовъ, домовъ, внутри жилыхъ помѣщеній: всѣ событія происходятъ здѣсь вдали отъ какихъ бы то ни было построекъ и сооруженій (нерѣдко изображенныхъ на рисункахъ разныхъ другихъ джагатайскихъ рукописей). Исключеній всего лишь два. Одинъ разъ, мы видимъ изображеніе «палатки» или «шатра», да и то лишь съ внѣшней, наружной стороны,—притомъ палатки не монгольскаго, а палатки какого-то вражескаго народа: ее разрушаетъ Батыевъ военачальникъ, Шейбани-Ханъ, ударами сабли по веревкамъ, скрѣпляющимъ основу палатки, составленную изъ перекрещивающихся тонкихъ жердей (листъ 45-й); другой разъ, дѣй-

[1]) Картинка на листѣ 139-мъ: „Праздникъ по случаю побѣдъ Шейбани-Хана": здѣсь одинъ музыкантъ, изображенный на переднемъ планѣ полулежа, полусидя, играетъ на какомъ-то струнномъ инструментѣ въ родѣ мандолины.

ствіе происходитъ внутри роскошнаго зданія обсерваторіи, но монголовъ тамъ нѣтъ, все только одни арабы на сценѣ.

Костюмы и оружіе на 15-ти рисункахъ рукописи «Теварикъ-Гузидэ» очень разнообразны, такъ какъ рисунки эти представляютъ не только монголовъ изъ періода четырехъ столѣтій (XIII-го—XVI-го), но также и разныя другія азіатскія національности. Что же касается утвари, посуды, мебели и другихъ предметовъ домашняго обихода и всей вообще орнаментики, всѣ они, конечно, монгольскіе, такъ какъ дѣло происходитъ на рисункахъ всегда въ средѣ монгольской. Единственное исключеніе—обсерваторія, упомянутая уже выше, да и тамъ, кромѣ мебели спеціально магометанскаго арабскаго склада, вся орнаментистика—монголо-тюркская.

Не имѣя возможности воспроизвести въ приложенныхъ мною таблицахъ всѣ 15 рисунковъ «Теварикъ-Гузидэ», я принужденъ былъ ограничиться двумя, воспроизведенными въ мастерскихъ А. И. Вильборга, безъ красокъ, но въ необыкновенно вѣрныхъ фототипическихъ снимкахъ, въ величину подлинниковъ. Мною избраны были двѣ очень важныя и интересныя сцены: 1) «Чингисъ-Ханъ съ сыновьями» и 2) «Осада Самарканда».

Первая картина (наша таблица V) представляетъ двѣ, соединенныя художникомъ вмѣстѣ, но, въ дѣйствительности, разныя сцены изъ жизни Чингисъ-Хана.

Первая изъ этихъ двухъ сцена произошла за пять лѣтъ до смерти Чингисъ-Хана († 1227 г.), т.-е. въ 1222 году. Послѣ лѣта, проведеннаго въ Перуанѣ, Чингисъ-Ханъ поворотилъ зимою назадъ въ Монголію; лѣто онъ провелъ въ округѣ Бакаланъ; осенью пошелъ опять далѣе, перешелъ Оксусъ (рѣку Аму-Дарью) и двинулся къ Бухарѣ. Здѣсь онъ потребовалъ отъ магометанскихъ учителей, чтобы они объяснили ему свою вѣру, и онъ ее одобрилъ, за исключеніемъ только паломничества въ Мекку: онъ сказалъ, что весь міръ—домъ Божій, и что молитвы достигнутъ Его, откуда бы онѣ ни исходили [1]).

Вторая сцена относится къ послѣднему времени жизни Чингисъ-Хана. «Чингисъ-Ханъ состарился,—говоритъ Рашидъ-Эддинъ, — и ему было извѣстно и истинно, что близокъ моментъ перехода (въ иной міръ); тогда онъ созвалъ дѣтей, бековъ и ближнихъ и окончилъ завѣщаніе и разсужденіе, которое имѣлъ относительно государства, государя, короны, престола, арміи и завѣта дѣтямъ...» [2]).

Разсказъ объ этой сценѣ, въ текстѣ лондонской рукописи, слѣдующій: «Чингисъ-Ханъ, собравъ четырехъ сыновей своихъ, преподалъ имъ свои словесныя наставленія. Давъ своимъ сыновьямъ по одной стрѣлѣ, онъ сказалъ: «Переломите!» Они переломили всѣ четыре. Затѣмъ онъ далъ имъ четыре стрѣлы вмѣстѣ, и они не могли ихъ переломить. Чингизъ-Ханъ сказалъ: «Ежели вы будете единодушны подобно этимъ четыремъ стрѣламъ, то противникъ ничего не можетъ вамъ сдѣлать; если же будете въ одиночку, то, подобно отдѣльнымъ стрѣламъ, будете переломаны и сокрушены...» [3])

Двѣ эти сцены соединены художникомъ «Теварикъ-Гузидэ» въ одной картинѣ, съ большимъ умѣньемъ и мастерствомъ. Дѣло происходитъ въ саду, на небольшой полянкѣ, усѣянной кустиками очень колоритныхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Самъ 66-лѣтній Чингисъ-Ханъ изображенъ посрединѣ, осѣненный изящными яблочными деревьями въ

[1]) *Howorth*, History of the Mongols. London, vol. I. p. 92.

[2]) Рашидъ-Эддинъ, Исторія Монголовъ, перев. *Березина*, Спб., 1858, стр. 121.

[3]) „Tevarikh-Gusideh“, p. 43 (переводъ, рукописный, по моей просьбѣ, написанный профессоромъ В. Д. Смирнова)

цвѣту [1]). Онъ сидитъ на очень низенькомъ диванчикѣ, котораго нижняя рама расписана по черному лакированному фону тонкими цвѣточными гирляндами, а высокая спинка представляетъ вырѣзную, идущую вверхъ остріемъ, волнообразную форму въ родѣ китайскихъ фигуръ. На диванѣ, подъ Чингисъ-Ханомъ, подостланъ небольшой узорчатый коврикъ въ средне-азіатскомъ стилѣ, а подъ рукой у него—подушка, покрытая цвѣтными орнаментами. Передъ диваномъ, у ногъ Чингисъ-Хана, золотая скамесчка на тонкихъ ножкахъ; напереди картины, посрединѣ, низенькій золотой столикъ на тонкихъ ножкахъ, съ фарфоровой росписной вазой китайской формы и бѣлой фарфоровой широкой чашечкой—тутъ сласти, обычное угощеніе восточниковъ.

Костюмъ Чингисъ-Хана—монгольскій. На немъ длинный, узкій кафтанъ безъ рукавовъ, сѣроватаго цвѣта, украшенный золотыми вышивками около шеи, по борту и на краю рукавовъ; изъ-подъ этого верхняго кафтана видѣнъ другой, нижній, также узкій кафтанъ, гороховаго цвѣта, штаны свѣтло-голубого цвѣта; высокіе сапоги свѣтлой кожи, съ загибающимися вверхъ носками. Но самая замѣчательная часть костюма это—монгольская войлочная шапка, высокая и закругленная вверху, съ околышемъ изъ чернаго (бараньяго) мѣха. Такія шапки были издревле въ употребленіи въ нашемъ отечествѣ: таковыя надѣты на голову всѣхъ пяти сыновей великаго князя Святослава Ярославича Кіевскаго (въ «Святославовомъ Сборникѣ»), и постоянно употреблялись русскими до самаго почти XVIII-го вѣка (примѣровъ множество). Но у монгольскихъ шапокъ есть одна особенность: широкій выдающійся козырекъ, черный кожаный и съ цвѣтною подкладкою: онъ простирается горизонтально позади затылка подъ прямымъ угломъ и назначенъ для защиты шеи и плечъ отъ дождя, снѣга и сабельныхъ ударовъ [2]). Надъ лбомъ, на тульѣ, укрѣплена полукруглая металлическая бляха, изъ средины которой выходитъ черное перо, небольшой дугой вверхъ, съ бѣлой жилкой посрединѣ. Отъ бляхи спускается внизъ къ шеѣ узенькая ленточка, ярко голубая. Надо полагать, что это перо—отъ филина или совы. Григ. Ник. Потанинъ сообщалъ мнѣ лично (что, впрочемъ, высказано имъ и печатно [3]), что филину приписывается у монголовъ свойство оберегать человѣка. Если въ семействѣ мрутъ дѣти, буряты ловятъ филина и кормятъ его; они думаютъ, что тогда ребенокъ не будетъ плакать въ люлькѣ. Филинъ отпугиваетъ отъ ребенка духа «анахай» [4]). Въ Баятъ-аульскомъ округѣ, киргизскія дѣвицы носятъ на шапкахъ филиново перо «уку»; навязываютъ его также дѣтямъ. Особенно распространенъ этотъ обычай въ Кокчетавскомъ округѣ, гдѣ носятъ

---

[1]) Можетъ быть, здѣсь надо видѣть указаніе на симпатію Чингисъ-Хана къ изящной растительности. Рашидъ-Эддинъ разсказываетъ, что въ самые послѣдніе дни своей жизни Чингисъ-Ханъ пріѣхалъ съ войскомъ своимъ въ страну Урянхитовъ, въ большую рощу Бурханъ-Халдунъ; на томъ полѣ росло чрезвычайно зеленое дерево: ему крайне понравилась свѣжесть и зелень этого дерева. Онъ просидѣлъ часъ подъ тѣмъ деревомъ, у него обнаружилось внутреннее наслажденіе, и онъ сказалъ бекамъ и старшимъ: „Должно, чтобъ здѣсь было послѣднее наше мѣсто". Послѣ того какъ онъ скончался, такъ какъ это слово отъ него слышали, большой его шатеръ устроили въ томъ мѣстѣ, подъ тѣмъ деревомъ, и говорятъ, что въ томъ же году то поле, отъ множества выросшихъ деревьевъ, стало большимъ лѣсомъ, такъ что никакъ нельзя узнать то первое дерево..." Эту рощу сдѣлали потомъ заповѣдною. *Березинъ*: „Рашидъ-Эддинъ", Спб., 1858, стр. 145.

[2]) По изустнымъ разсказамъ, слышаннымъ мною отъ уроженцевъ Самарканда и Ташкента, такіе козыри существуютъ и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ киргизскихъ племенъ. У русскихъ высокихъ шапокъ монгольской формы такихъ козырьковъ на затылкѣ никогда не бывало.

[3]) *Г. Н. Потанинъ*, Очерки сѣверо-западной Монголіи, т. IV, стр. 28.

[4]) Тамъ же, стр. 674, примѣчаніе 4; о томъ же см. журналъ „Миссіонеръ", 1878, № 29, стр 231.

«уку» не только дѣвицы, но и джигиты. Полезно оно, по мнѣнію тамошнихъ людей отъ сглазу: первый взглядъ упадаетъ на «уку», и только второй, уже безвредный, на самого человѣка [1]). Ко всему этому Г. Н. Потанинъ прибавлялъ мнѣ, также изъ личныхъ воспоминаній, что во время киргизскихъ перекочевокъ, тамъ, гдѣ еще сохранились старые обычаи, первымъ верблюдомъ «въ связкѣ» идетъ верблюдъ, несущій на спинѣ, поверхъ вьюка, деревянный шкапикъ (служащій буфетомъ), поставленный вверхъ ногами, а на каждой его ножкѣ прикрѣплены пучки перьевъ, вставленные въ металлическія трубки, и эти перья имѣютъ, вѣроятно, «оберегательное значеніе». Г. Н. Потанинъ не помнитъ хорошенько, какія это перья, филиновыя-ли, или иныя, но упомянутыя имъ трубки съ перьями называются «каркарà» — имя, напоминающее монгольское имя «цапли» (=«харкирà»), а цапля имѣетъ длинное перо или косичку на затылкѣ. И дѣйствительно, необходимо замѣтить здѣсь, что перья цапли, также, какъ и перья совы или филина, давно уже носились монголами. Въ «Запискахъ Бабера» говорится, что «перья цапель, носимыя на головѣ, вывозятся изъ Кабула въ Иранъ и Хорасанъ» [2]). Перьевъ русскіе на своихъ шапкахъ не носили.

Пояска на тальѣ у Чингисъ-Хана не видать—за руками.

Лицо Чингисъ-Хана также монгольскаго типа: продолговатое, блѣдное; глаза узкіе и длинные, прорѣзанные накось, внизъ по направленію къ носу; брови очень выгнутыя, также направленныя по косой оси внизъ къ носу; усы тонкіе и небольшіе, согнутые запятой внизъ, борода очень малая и рѣдкая. По сторонамъ лица спускаются изъ-подъ шапки два локона волосъ, идущіе до плечъ.

Сыновья и вельможи Чингисъ-Хана, изображенные на этой джагатайской картинкѣ, представляютъ тѣ же самыя племенныя и національныя особенности типа и костюма, которыя мы видимъ у Чингисъ-Хана; только подробности костюма проще и менѣе наполнены украшеніями. Три сына Чингисъ-Хановы еще *юноши* (старшаго, Уджи-Хана, уже не было въ живыхъ), и потому у нихъ нѣтъ ни бородъ, ни усовъ. Они сидятъ по-средне-азіатски, на корточкахъ, и держатъ въ рукахъ каждый по стрѣлѣ. Стрѣлы ихъ — красныя. Костюмы, разныхъ цвѣтовъ, состоятъ изъ нижняго длиннаго, узкаго кафтана и верхней безрукавки, также длинной, доземли. У всѣхъ черные сапоги. Сыновей Чингисъ-Хановыхъ здѣсь *три*, какъ выше сказано, старшаго, Уджи-Хана, уже не было въ живыхъ; четвертая личность, направо, вѣроятно, одинъ изъ внуковъ Чингисъ-Хановыхъ, всего скорѣе Менгу-Ханъ, бывшій впослѣдствіи и самъ на престолѣ, а потому помѣщенный въ числѣ монарховъ, предковъ Шейбани-Хана, заказчика рукописи. Пояса у сыновей Чингисъ-Хановыхъ, на нашей картинкѣ, тонкіе кожаные, съ большими золотыми бляхами, въ видѣ розетокъ, на небольшомъ разстояніи одна отъ другой. Оружія на этихъ молодыхъ людяхъ нѣтъ никакого. Напротивъ, у трехъ человѣкъ, стоящихъ на ногахъ на лѣвой сторонѣ картины, у всѣхъ оружіе въ рукахъ. Надо полагать, что это царедворцы и почетные оруженосцы хана. Первый отъ трона, молодой и безусый, держитъ, во-первыхъ, длинную трость въ лѣвой рукѣ, онъ, вѣроятно, нѣчто въ родѣ джагатайскаго церемоніймейстера или камергера, а въ правой — саблю, въ ножнахъ, своего владыки; второй, также молодой и безусый — его колчанъ со стрѣлами; третій, уже человѣкъ постарше и съ усами, держитъ также вторую саблю въ ножнахъ, своего хана.

[1]) *Г. Н. Потанинъ*, Очерки сѣверо-западной Монголіи, томъ IV, стр. 131.

[2]) Mémoires de Baber, traduits par *Pavet de Courteille*, Paris, 1871, p. 314.

Всѣ семеро слушаютъ рѣчь Чингисъ-Хана, раздающуюся съ высоты трона и сопровождаемую оживленной жестикуляціей ихъ верховнаго повелителя. Никто изъ нихъ не обращаетъ уже никакого вниманія на мусульманъ-арабовъ, сидящихъ на корточкахъ, посерединѣ картины, но всего далѣе отъ Чингисъ-Хана. Они, совершенно одинокіе здѣсь, рѣшительно всѣмъ отличаются отъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ сцены. У нихъ и физіономическій складъ другой, и костюмъ, и общій характеръ, и дѣятельность. Лицо у нихъ, хотя и продолговатое, какъ у тюрковъ-джагатаевъ той же картины, но совсѣмъ иного сложенія: оно не имѣетъ одутловатости къ низу щекъ, противъ рта, какъ у тѣхъ, а, напротивъ, нѣсколько сухо и костляво. Глаза продолговатые, но не узкіе, и не косо, а прямо поставленные; брови—не дугой, а идущія плавнѣе, горизонтальнѣе, и притомъ же онѣ нѣсколько толще и пушистѣе, чѣмъ у тюрковъ. Борода далеко не рѣдкая, а у старика длинная и густая, хотя совершенно старческая, бѣлая. На головѣ, вмѣсто войлочной шапки съ перомъ, бѣлая большая чалма, съ красной шапочкой подъ низомъ. Одѣты эти семиты-арабы въ длинный узкій кафтанъ, застегнутый посерединѣ спереди; поверхъ нижняго кафтана надѣтъ на этихъ людяхъ другой кафтанъ, длинный же и довольно узкій, безъ пояса или кушака, и съ цвѣтнымъ бортомъ вдоль всего передняго разрѣза, отъ верху и до низу. Держатъ они, оба вмѣстѣ, книгу въ голубомъ переплетѣ, небольшихъ размѣровъ, въ 8-ю долю листа; это, конечно, тотъ коранъ, изъ котораго они читали Чингисъ-Хану правила своей вѣры. Такимъ образомъ все въ этихъ личностяхъ совершенно отлично отъ джагатаевъ.

Замѣчательную особенность костюма всѣхъ монголовъ, какъ на этой картинкѣ, такъ и на прочихъ, представляетъ то, что кафтанъ всегда запахивается *слѣва на право* у всѣхъ монголовъ. Вслѣдствіе моего запроса о «запахиваніи полъ у монголо-тюркскихъ народовъ» Гр. Ник. Потанинъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: «Теперь повсюду у монголовъ и примыкающихъ къ нимъ тюрковъ, обитающихъ на Алтаѣ и въ Саянахъ, запахивается лѣвая пола на правую, какъ у современныхъ китайцевъ, но на каменной плитѣ, найденной мною въ долинѣ рѣки Богдэнъ-Гола, выше Улясутая, изображены фигуры, кафтаны которыхъ запахнуты справа налѣво; голова у нихъ не покрыта шапками, они съ длинными волосами. Главная фигура сидитъ съ сосудомъ въ рукахъ на коврѣ. Изображенія эти представлены въ моихъ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи», II, таблица X, рисунокъ № 37, а описаніе плиты въ текстѣ, на стр. 68...» Запахиваніе той или другой полы является признакомъ очень характернымъ у разныхъ народовъ средней и сѣверной Азіи. У всѣхъ монголоидныхъ народовъ, а также у тѣхъ народовъ, которые, не принадлежа къ этимъ племенамъ, очень многое заимствовали у нихъ (какъ, напр., персіяне и русскіе), запахивается лѣвая пола кафтана сверхъ правой; у тѣхъ же народовъ, которые не принадлежатъ къ числу монголоидныхъ, запахивается правая пола поверхъ лѣвой, и эта подробность часто можетъ служить признакомъ для распознаванія и опредѣленія народности въ древнихъ рисункахъ и скульптурахъ. Я это не разъ испыталъ, разсматривая множество рисунковъ въ персидскихъ «Шахъ-Намэ» разныхъ европейскихъ коллекцій. Въ этой поэмѣ, какъ извѣстно, почти постоянно являются сцены, гдѣ чередуются или представлены вмѣстѣ личности иранскія и тюркскія, а иногда и другихъ еще азіатскихъ народностей. Тюрки представлены здѣсь если не

94.
Восточный кафтанъ запахнутый справа налѣво.

всегда, то въ большинствѣ случаевъ, съ запахнутою справа налѣво полою кафтана, иранцы—наоборотъ [1]).

Вл. Павл. Черевански́й, проведшій много лѣтъ въ Средней Азіи и изучавшій множество сочиненій, касающихся этихъ странъ, сообщаетъ мнѣ изъ своихъ прежнихъ «замѣтокъ», что въ одномъ сочиненіи, котораго заглавіе онъ не можетъ, къ сожалѣнію, сообщить теперь, онъ нашелъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, слѣдующее извѣстіе: «За два вѣка до Р. Х. Китай надвинулся на Среднюю Азію и прислалъ сюда своихъ правителей. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ цивилизовалъ на свой образецъ народы нынѣшняго Кашгара. Одинъ изъ этихъ цивилизаторовъ, князь Бо-я, издалъ воззваніе къ народу слѣдующаго содержанія: «До сего времени, обитая въ пустынныхъ предѣлахъ, народъ распускалъ волосы и носилъ лѣвую полу наверху. Нынѣ домъ Суй единодержавствуетъ, и вся вселенная соединена въ одно его царство. Принявъ обычаи просвѣщеннаго народа, я требую, чтобы и мои подданные заплетали косы и запахивались не лѣвою, а правою полою...» Ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ нашихъ ученыхъ по части китайской и средне-азіатской исторіи и древности не могъ дать мнѣ разъясненій по этому вопросу, особенно на счетъ разногласія между «выпискою» В. П. Черевансillustrative скаго и фактами, существующими на Алтаѣ, по указанію Г. Н. Потанина. Но у знаменитаго русскаго китаиста, отца Іакинѳа, встрѣчается слѣдующее очень важное извѣстіе. Отцомъ Іакинѳомъ переведено на русскій языкъ китайское историческое сочиненіе, носящее названіе «Ганъ-Му». Китайскій авторъ, излагая событія одной войны Чингисъ-Хана, 1218 года, восклицаетъ: «Ахъ, и лѣвополые умѣли умирать за своего государя!» Отецъ Іакинѳъ къ этому мѣсту дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Кочевые народы, смежные съ Китаемъ, всѣ носятъ лѣвую полу наверху, отчего китайцы называютъ ихъ «лѣвополыми», т.-е. варварами. Но нынѣ и сами китайцы, употребляя манчжурское одѣяніе, носятъ лѣвую полу наверху» [2]).

На тѣхъ двухъ картинахъ изъ «Жизни Чингисъ-Хана», которыя я имѣю возможность издать теперь на прилагаемыхъ таблицахъ V-й и VI-й, почему-то не встрѣчается одной очень любопытной и важной подробности монгольскаго костюма, которая, между тѣмъ, изображена на нѣсколькихъ другихъ рисункахъ этой же самой рукописи. Это какіе-то непонятные, на первый взглядъ, мѣшочки, привѣшенные на затылкѣ у многихъ дѣйствующихъ лицъ изъ числа вельможъ или царедворцевъ Чингисъ-Хана и царствовавшихъ послѣ него разныхъ сыновей его. Объясненіе этихъ загадочныхъ мѣшочковъ мы получаемъ изъ разныхъ восточныхъ текстовъ [3]).

Въ «Запискѣ» о монголахъ Мэнъ-хунъ говоритъ, что «всѣ монголы, начиная отъ Чингисъ-Хана и до простолюдина, брѣютъ, подобно какъ у китайскихъ дѣтей, окружность головы, оставляя три пучка, изъ которыхъ тотъ, который виситъ надъ лбомъ, подстригаютъ тотчасъ, какъ нѣсколько подрастетъ, другіе же два, по бокамъ, свиваютъ

---

[1]) Нашъ рисунокъ № 94: изъ „Шахъ-Намэ“ XIV в. № 329, л. 339. См. также нашъ рисунокъ № 79, представляющій кафтанъ, запахнутый на человѣкѣ справа налѣво, изъ той же персидской рукописи „Шахъ-Намэ“ XIV в., № 329

[2]) *Отецъ Іакинѳъ*. Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисъ-Хана. Спб., 1829 г., стр. 96.

[3]) Многими изъ приводимыхъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ настоящей статьи, свѣдѣніями о монголахъ я обязанъ Гр. Ник. Потанину и Конст. Алекс. Иностранцеву, указавшимъ мнѣ такіе восточные источники, гдѣ я могъ искать нужныя для настоящей моей работы извѣстія.

въ два небольшіе рога и спускаютъ на плечи»[1]). Эти два рога, очевидно, тѣ два локона, про которые говорено выше, при описаніи фигуры Чингисъ-Хана на V-й нашей таблицѣ.

Въ «Запискѣ» Юй-вэнь-мао-чжао: «Цзинь-чжи», т.-е. «Извѣстія о Цзинь» (Чжуръ-жешахъ), XII-го вѣка напеч. въ XIII-мъ вѣкѣ, говорится, между прочимъ, что у этого племени волосы спускаются до плечъ (въ чемъ они отличаются отъ племени Киданей; на затылкѣ носятъ золотой мѣшокъ для волосъ; волосы же перевязываютъ цвѣтнымъ шнуркомъ...»[2]).

Племя джурджешей, какъ мы сейчасъ видѣли, не носитъ волосъ, спущенныхъ до плечъ локонами, но, какъ указываетъ Ѣ-Лунъ-ли-Ляо-Чжи, китайскій путешественникъ X-го и XI-го вѣка (котораго сочиненіе напечатано въ XII-мъ вѣкѣ), носили на затылкѣ также, какъ чистые монголы, тканый узкій мѣшочекъ съ золотыми узорами: въ него вкладывали пучокъ волосъ (малороссійскій оселедецъ)[3]).

Старые восточные лѣтописцы довольно кратко разсказываютъ о томъ, какъ четвертый сынъ Чингисъ-Хановъ, Тулуй, пошелъ, въ 30-хъ годахъ XIII-го столѣтія, войной на Китай (Kahalkah) и попалъ въ такіе морозы, что и самъ онъ, и все войско его погибли. На листѣ 52-мъ нашей рукописи это событіе представлено въ очень художественной и драматической формѣ. Представлена почти совсѣмъ голая степь, на которой лишь изрѣдка является нѣсколько тощихъ, словно общипанныхъ, деревецъ, безъ зелени, погибшихъ отъ мороза. На землѣ валяются монголы, уже умершіе, или умирающіе. Они всѣ безъ оружія, корчатся отъ холода, стараясь спрятать замерзающія руки въ длинные рукава своихъ верхнихъ кафтановъ; у нѣкоторыхъ свалились шапки съ бритыхъ головъ, но они уже этого не чувствуютъ и погибаютъ ужасною смертью. Одна лошадь ихъ лежитъ тоже въ предсмертныхъ судорожныхъ корчахъ. Такую драматическую картину наврядъ-ли встрѣтишь гдѣ-нибудь еще въ средѣ тюркскихъ миніатюръ. Облака на небѣ изображены совершенно въ стилѣ китайскихъ миніатюръ и рисунковъ на вазахъ, въ видѣ продолговатыхъ горизонтальныхъ завитковъ и клубовъ, синихъ съ бѣлыми прожилками.

Военныхъ сценъ въ «Теварикъ-Гузидэ» довольно много. Первою среди нихъ является, на листѣ 45-мъ, сраженіе монголовъ съ башкырдами и урусами подъ предводительствомъ внука Чингисъ-Ханова, Шейбанъ-Хана. Шейбанъ-Ханъ былъ младшій братъ того Батыя, который съ своей ордой обрушился въ 1236 году на Россію, покорилъ ее монголо-татарской власти, наполнилъ ее неисчислимыми бѣдствіями и основалъ Золотую Орду на Волгѣ. Ни онъ, ни его варварскіе сподвижники, ни ихъ подвиги не были намъ до сихъ поръ извѣстны по изображеніямъ. Лондонскій «Теварикъ-Гузидэ» даетъ намъ полную картину всего сюда относящагося. Дикари-военачальники ничѣмъ не отличаются отъ остальной своей орды, кромѣ бо́льшаго богатства вооруженія: у нихъ все золотое, и шлемы, какъ у древнихъ русскихъ князей, еще XI-го вѣка[4]), только

[1]) Труды восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, т. IV, *В. П. Васильевъ:* „Исторія и древности восточной части Средней Азіи“, стр. 230.

[2]) Труды, VI, 1858 г., 201—3.

[3]) Тамъ же, томъ IV, стр. 183—5.

[4]) „Слово о полку Игоревѣ“: „Тамо Туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая“; „Не ваю-ли злачеными шеломы по крови плаваше“; „Вступи Игорь въ златъ стремень“; „Олегъ вступаетъ въ златъ стремень во градѣ Тмутораканѣ“; „Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата“. Замѣтимъ мимоходомъ, что древне-русское выраженіе „Буй-Туръ“ происхожденія тюркскаго. „Буй“ по-тюркски значитъ ростъ, слѣдовательно „Буй-туръ“ значитъ „рослый волъ“.

нѣтъ у него ни на одной изъ всѣхъ картинокъ тѣхъ золотыхъ гривенъ и ожерелій на шеѣ, которыя русскіе князья носили въ мирное время дома и съ которыми шли въ битву [1]); но за то всѣ кони у нихъ подкованы серебряными подковами съ серебряными гвоздиками, какъ это всегда упоминается также и во всѣхъ тюркскихъ поэмахъ и былинахъ [2]). Черты лица и физіономіи у нихъ ровно ничѣмъ не отличаются отъ чертъ лица и физіономіи прочихъ монголоидныхъ войскъ—такія же дикія, равнодушныя и безстрастныя. Въ настоящей картинѣ военачальникъ Шейбанъ-Ханъ съ такою же жестокостью и запальчивостью, какъ и тѣ, влетаетъ въ толпу враговъ и рубитъ саблей головы въ желѣзныхъ шлемахъ враговъ и веревки ихъ узорочныхъ красивыхъ палатокъ. Онъ войску примѣръ подаетъ, но вмѣстѣ и свое собственное азіатское сердце тѣшитъ.

Но при всемъ этомъ великою странностью является то, что въ рисункахъ джагатайскихъ вполнѣ отсутствуетъ оружіе, принадлежащее къ числу самыхъ примитивныхъ, всегда и вездѣ (начиная съ самыхъ дикихъ народовъ), бывшее въ огромномъ употребленіи: копье. Копье было всегда извѣстно и древнимъ, и новымъ народамъ, азіатскимъ, африканскимъ и европейскимъ, было постоянно во всеобщемъ употребленіи у племенъ монголо-тюркскихъ, такъ что даже тюркское названіе копья «джидъ» или «ийда» [3]) считается первоначальнаго происхожденія монгольскаго [4]), и, однакоже, этого, можно сказать, всесвѣтнаго оружія не встрѣчается въ рисункахъ монголо-тюркскихъ (джагатайскихъ), тогда какъ въ рисункахъ персидскихъ копье постоянно является и въ сценахъ охоты, и въ сценахъ войны. Щитовъ, булавы и плетей равнымъ образомъ не видать на монголо-тюркскихъ рисункахъ, не взирая на великую распространенность ихъ въ дѣйствительности.

Нѣкоторые оріенталисты считали, что упомянутые въ описаніи походовъ Батыя «башкырды» — башкиры, а «урусы» — русскіе, и, въ числѣ другихъ, признавалъ это и Ріё. Въ каталогѣ тюркскихъ рукоп. Брит. Музея онъ говоритъ о «покореніи Болгаріи и Руси Батый-ханомъ» (стр. 278), но это признано впослѣдствіи утвержденіемъ невѣрнымъ, и подъ этими его «урусами» «башкырдами» нынче разумѣютъ венгровъ [5]).

На листѣ 130-мъ лондонской джагатайской рукописи представлена осада Самарканда монголами въ 906 году гиджры (т.-е. въ 1568 году по Р. Х.) Шейбани-Ханомъ (наша таблица VI-я).

Цѣлыхъ 300 лѣтъ отдѣляютъ время Батыя отъ времени Шейбани-Хана, однакоже въ изображеніи монгольской войны, монгольскихъ воиновъ, монгольскаго вооруженія незамѣтно разницы. Тѣ же шлемы, панцыри и сабли, тѣ же луки, стрѣлы и колчаны, тѣ же металлическія латы и матерчатыя покрывала на коняхъ, то же отсутствіе копій, щитовъ, плетей и знаменъ, или бунчуковъ. Но что очень замѣчательно, это стараніе изобразить особенности чужихъ національностей, съ которыми монголамъ случалось сражаться—особенности типа, костюма, вооруженія и разныхъ военныхъ деталей. Въ картинкѣ «Осада Самарканда» это особенно ярко и подробно выражено, безъ сомнѣ-

[1]) Тамъ же: „Единъ же изроня душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье".

[2]) Серебряные подковы.

[3]) *Vambery*, Die primitive Cultur des türko-tatarischen Volkes, Leipzig, 1879, S. 118. —*Банзаровъ*, „О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій", стр. 3: „Джидъ—метательное копье".

[4]) Словесное сообщеніе П. М. Меліоранскаго и К. А. Иностранцева.

[5]) *Березинъ*, Рашидъ-Эддинъ, стр. 217 примѣчаніе 3-е

нія, потому, что осада и взятіе Самарканда принадлежали къ числу самыхъ важныхъ событій между дѣяніями Шейбани-Хана, заказчика рукописи «Теварикъ-Гузидэ».

Самаркандъ представленъ здѣсь, конечно, далеко не весь, мы видимъ только *одну* его стѣну, ту, со стороны которой происходилъ главный приступъ. Стѣна крѣпости очень высока и сложена изъ небольшихъ правильныхъ кирпичей, нижніе четыре пласта изъ кирпичей гораздо болѣе крупныхъ. Вершина стѣны увѣнчана рядомъ зубцовъ, служащихъ нѣкоторой защитой воинамъ, отражающимъ врага сверху. Передъ крѣпостью ровъ глубокій, судя по утопающимъ, но на столько не широкій, что переходомъ черезъ него служитъ дверь крѣпости, выдвинутая съ своего мѣста и переброшенная черезъ пропасть.

Нельзя не замѣтить съ удивленіемъ той разницы, которая существуетъ между вооруженіемъ монголовъ и защитниковъ Самарканда. Монголы всѣ въ желѣзныхъ шлемахъ и желѣзныхъ панцыряхъ. У нѣкоторыхъ изъ защитниковъ Самарканда есть шлемы на головѣ, другіе въ чалмахъ и ермолкахъ (тебетейкахъ), но панцырей у нихъ нѣтъ; исключеніе составляетъ одинъ только воинъ, наверху налѣво, у котораго на груди желѣзный панцырь. Можетъ быть, это какой-нибудь военачальникъ осажденныхъ: онъ даже самъ не дѣйствуетъ оружіемъ, не стрѣляетъ изъ лука, а только, повидимому, глядитъ внизъ, какъ идетъ штурмъ, и распоряжается. На ногахъ у всѣхъ монголовъ сапоги, у осажденныхъ сапогъ нѣтъ, они всѣ босоногіе: у нихъ до икры, изъ-подъ ихъ безрукавокъ, спускаются короткія штаны до икры, далѣе идутъ голыя ноги. У монголовъ—луки, стрѣлы и сабли; у осажденныхъ—только луки и стрѣлы, сабель нѣтъ, но за то есть щиты, маленькіе, круглые, съ загибающимся, внутри, раздѣленіемъ полукруглыми дугами на лопасти, какъ у индійцевъ; но нѣкоторые бросаютъ съ вершины внизъ тяжелые камни въ осаждающихъ. Быть можетъ, въ лицѣ этихъ плохо и скудно вооруженныхъ защитниковъ Самарканда изображены самые жители той страны, люди невоенные, сельскіе. Изъ китайскихъ лѣтописей мы знаемъ, что въ тѣ времена этихъ «сельчанъ» иногда заставляли сражаться для подкрѣпленія настоящихъ бойцовъ войска. Такъ, напр., въ китайской «Всеобщей исторіи», носящей названіе «Ганму», разсказывается, что во время одной изъ безчисленныхъ войнъ монголовъ, когда Чингисъ-Ханъ изъ Монголіи повернулъ, въ 1213 году, къ Пекину, то въ разныхъ мѣстахъ по его дорогѣ уже не было манчжурскихъ войскъ, «потому что они со всѣхъ дорогъ были отозваны въ Чжуань-юань, а крестьяне всѣ взяты были въ ополченіе и поставлены на стѣнахъ городскихъ для отраженія непріятеля» [1]).

Рѣшить, къ какимъ національностямъ принадлежатъ осажденные въ Самаркандѣ, кажется, невозможно. Но ихъ нѣсколько, и всѣ они, должно быть, монголоидныя, судя по бритымъ головамъ, по глазамъ, поставленнымъ вкось, по бровямъ, выгибающимся внизъ дугою, по направленію къ носу, и по рѣдкимъ небольшимъ бородамъ. Нѣкоторые изъ осажденныхъ имѣютъ совершенно темную кожу лица. Вообще, можно полагать, что въ числѣ осажденныхъ находятся нѣкоторыя киргизскія племена.

Среди придворныхъ и военныхъ картинъ, образующихъ главный составъ иллюстрацій «Теварикъ-Гузидэ», очень замѣчательное исключеніе представляетъ картинка на листѣ 105-мъ. Она изображаетъ астрономическую обсерваторію въ Мерагѣ. Въ составленной, по моей просьбѣ, замѣткѣ объ этой обсерваторіи, Пл. Мих. Меліоранскій говоритъ: «Мерага—городъ въ персидской провинціи Адербиджанъ, близъ Тавриза, верстахъ въ 30-ти къ востоку отъ озера Урміи. До Ислама онъ носилъ названіе Афразху-

[1]) *Отецъ Іакинѳъ*, Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова. Спб. 1829, стр. 66.

рудъ; отъ арабовъ онъ получилъ названіе Мераги (отъ корня «марага»=пастись), за свои пастбища. Онъ былъ въ древности главнымъ городомъ Адербиджана, потомъ вторымъ городомъ послѣ Ардебиля: нѣкоторые географы, какъ Макризи (Bibl. Georg. Arab., III, 374), причисляютъ его къ Арменіи. Въ 1258 году этотъ городъ былъ занятъ монголами подъ начальствомъ ильхана Хулагу, Чингисъ-Ханова внука; въ 1259 году Хулагу велѣлъ астроному Насиръ-Эддину-Туси построить обсерваторію, предоставивъ ему выбрать для этого мѣсто. Насиръ-Эддинъ выбралъ холмъ къ сѣверу отъ Мераги. Зданіе было окончено только въ царствованіе слѣдующаго ильхана, Абаки (1265—1282). Въ куполѣ было сдѣлано отверстіе, черезъ которое проникали лучи солнца и обозначали на полу высоту меридіана и часъ дня. Въ обсерваторіи былъ великолѣпный глобусъ, съ обозначеніемъ семи поясовъ, на которые, по арабской географіи, дѣлилась вселенная. Въ библіотеку обсерваторіи было включено много книгъ, унесенныхъ изъ Багдада. Одни астрономическіе инструменты обошлись въ 20,000 динаровъ. Кромѣ Насиръ-Эддина, здѣсь работали еще четыре великихъ астронома: Муайядъ-Эддинъ Ирзи дамасскій, Неджмъ-Эддинъ Кятибъ казвинскій, Факръ-Эддинъ мосульскій и Факръ-Эддинъ тифлисскій; кромѣ того, китайскій астрономъ Фао-мунъ-чти, болѣе извѣстный подъ именемъ Синъ-Сина (ученаго), отъ котораго Насиръ-Эддинъ заимствовалъ свои свѣдѣнія по китайской астрономіи. Въ царствованіе Абаки здѣсь были составлены знаменитые «Ильхановы таблицы» (Зиджъ-и-Ильхани). Въ 1289 году обсерваторію посѣтилъ ильханъ Аргунъ, въ 1300 году—ильханъ Газанъ, въ 1307 году—ильханъ Ольджайту, который назначилъ директоромъ обсерваторіи Асыль-Эддина, сына Насиръ-Эддина.

И вотъ, такое знаменитое мѣсто и учрежденіе изображено, въ числѣ другихъ, на одномъ изъ рисунковъ нашей джагатайской рукописи. И самый фактъ, и его художественное изображеніе—какое отрадное явленіе, свидѣтельствующее о томъ, какъ самая глубокая порча нравовъ варварствомъ и войною, дикими азіатскими понятіями и дѣлами, все-таки не исключали у азіатскихъ деспотовъ интересовъ къ знанію и заботы о культурѣ. Въ художественномъ отношеніи эта картинка изъ «Теварикъ-Гузидэ» есть одно изъ очень замѣчательныхъ произведеній азіатскаго искусства. Она воспроизводитъ, во всей полнотѣ, всѣ факты и подробности исторіи: и самое зданіе, котораго до сихъ поръ никто не зналъ, въ Европѣ, впродолженіе 600 лѣтъ, и его внутреннюю залу, и громадный его глобусъ (золотой), и тутъ же заключавшуюся библіотеку изъ награбленныхъ въ Багдадѣ книгъ, и самихъ ученыхъ, тутъ занимавшихся, наконецъ, и всѣ касавшіяся тогдашней науки подробности, орудія и мебель: *маленькій* глобусъ, на которомъ ученые, держа его въ рукѣ, изучаютъ *большой*; и ихъ указки, и ихъ кисти, и ихъ таблички для писанія, и ихъ поставцы для книгъ, и изящные цвѣтные переплеты ихъ книгъ и тетрадей. Въ художественномъ же отношеніи этотъ рисунокъ высоко замѣчателенъ и интересенъ по чудеснымъ формамъ персидско-тюркской архитектуры, съ прелестно выгибающимся куполомъ, съ пестрыми цвѣточными изразцами и узорами повсюду, съ прекрасными фигурами самихъ ученыхъ, изъ которыхъ одни, помоложе, кто съ бородою, а кто и безъ бороды, сидятъ на полу на корточкахъ и слушаютъ своихъ учителей, а тѣ, съ длинными и пушистыми своими бородами, въ обширныхъ тюрбанахъ, въ широкихъ халатахъ, стоятъ и поучаютъ младшихъ, своихъ учениковъ, взирая на нихъ серьезнымъ, задумчивымъ и благосклоннымъ взоромъ своихъ длинныхъ, какъ миндали, восточныхъ глазъ. Все вмѣстѣ это—прелестный тюркскій tableau de genre.

VI.

Изъ рисунковъ рукописи «Теварикъ-Гузидэ» мы получили не мало свѣдѣній, иллюстрирующихъ монгольскую средне-вѣковую жизнь и исторію. Мы имѣли здѣсь передъ глазами сцены ханской и придворной жизни, потомъ жизни боевой, наконецъ, имѣли даже одинъ изъ примѣровъ культурной жизни этихъ племенъ, въ лицѣ Мерагской обсерваторіи и школы. Мы видѣли, въ этихъ прекрасныхъ картинкахъ, и монгольскихъ хановъ, и ихъ сыновей, и сподвижниковъ, и ихъ придворныхъ, и воиновъ ихъ войска, и ихъ ученыхъ, и ихъ простой народъ, въ лицѣ слугъ и рабовъ. Во всемъ этомъ недоставало только одного элемента—элемента женскаго, и это былъ недочетъ очень странный и значительный. Въ монгольско-тюркскихъ лѣтописяхъ, поэмахъ и повѣстяхъ, женщины всегда играютъ очень значительную роль, въ походахъ-ли или въ лагеряхъ, въ мирной-ли, въ военной и боевой ли жизни; безчисленное множество разъ разсказывается о выдачѣ ихъ замужъ, по причинамъ политическимъ, или по пріязни къ царю, князю или воину, воспитаніе ими молодыхъ монголовъ и тюрковъ, ихъ покорность или самостоятельная дѣятельность, ихъ преданность или сопротивленіе, ихъ помощь или вражда въ политическихъ событіяхъ, наконецъ, ихъ участіе иногда и въ бояхъ. Поэтому, очень удивительно было не встрѣтить, въ числѣ иллюстрацій «Теварикъ-Гузидэ», столько разностороннихъ и многообразныхъ, изображенія женщинъ, ихъ дѣятельности, ихъ облика, ихъ костюма.

Но чего недоставало въ лондонской джагатайской рукописи, то́ мы нашли, въ значительной долѣ восполненнымъ, въ одной персидской рукописи, хранимой въ Парижской Національной Библіотекѣ. Эта рукопись есть знаменитая «Исторія персидскихъ монголовъ», Рашидъ-Эддина, сочиненная въ XIV-мъ вѣкѣ и переписанная, съ богатыми иллюстраціями, въ концѣ XIV-го или началѣ XV-го вѣка [1]).

---

[1]) „Исторія монголовъ“ составляетъ часть обширнаго сочиненія Рашидъ-Эддина, состоящаго изъ нѣсколькихъ томовъ и носящаго заглавіе: „Джами-альтаварихъ“, т.-е. „Собраніе лѣтописей“. Все касающееся личности Рашидъ-Эддина, его жизни и сочиненій его изложено очень подробно во введеніи знаменитаго французскаго оріенталиста Катрмэра къ его переводу Рашидъ-Эддина, въ великолѣпномъ изданіи „Bibliothèque Orientale, т. I, Paris, 1833. Относительно же иллюстрированнаго экземпляра „Исторіи монголовъ“, находящагося въ Парижской Національной Библіотекѣ, см. Revue des bibliothèques, vol. IX, 1899: *Blochet,* Inventaire et description des miniatures des manuscrits orientaux conservés à la Bibliothèque Nationale. *Supplément Persan*, № 1113, p. 46. Одинъ изъ важнѣйшихъ рисунковъ этой драгоцѣннѣйшей рукописи, мною тщательно изученной по части миніатюръ, -находится на листѣ 227, а на нашей таблицѣ VII. По моей просьбѣ, этотъ рисунокъ, къ несчастію, довольно много пострадавшій отъ времени, былъ снятъ въ Парижѣ фотографически съ оригинала, подъ надзоромъ консерва-

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой рукописи и ея составѣ вообще.

«Это сочиненіе,—говоритъ проф. И. Н. Березинъ,—въ ряду восточныхъ произведеній Востока занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и посему постоянно привлекало извѣстнѣйшихъ европейскихъ оріенталистовъ...» «Рашидъ-Эддинъ жилъ въ эпоху процвѣтанія монгольскаго владычества (род. въ 1247 году, † въ 1318 году), весьма близкую ко времени выступленія монголовъ на историческую дѣятельность, когда еще живы были дѣти сподвижниковъ Чингисъ-Хана и въ устахъ ходили разсказы о первыхъ подвигахъ монгольскаго завоевателя: можно сказать, что Рашидъ-Эддинъ имѣлъ возможность заимствовать свои повѣствованія чуть не изъ первыхъ рукъ. Во-вторыхъ, обширное и глубокое образованіе нашего автора придаетъ его произведеніямъ особенную цѣну: кромѣ отличнаго знанія арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, Рашидъ-Эддинъ основательно былъ знакомъ съ разными науками, а также съ монгольскимъ и еврейскимъ языками. Въ-третьихъ, какъ министръ гулагидскихъ государей, какъ оффиціальный исторіографъ этой династіи въ цвѣтущую ея пору, Рашидъ-Эддинъ пользовался огромнымъ вліяніемъ и имѣлъ обширное знакомство съ учеными людьми всѣхъ націй и съ монгольскими аристократами. Въ-четвертыхъ, получивъ оффиціальное порученіе написать исторію монголовъ, Рашидъ-Эддинъ, одаренный замѣчательною добросовѣстностью и авторскимъ талантомъ, употребилъ всѣ усилія выполнить свой долгъ честно. «Я могу засвидѣтельствовать,—говоритъ онъ самъ о своей книгѣ,—что я не пренебрегъ никакой предосторожностью, никакимъ стараніемъ, чтобы узнать истину и не писать ничего ложнаго или на авось. Я собиралъ безъ малѣйшей перемѣны все, что заключали самые подлинные памятники каждаго народа, самыя достовѣрныя преданія и свѣдѣнія, которыя были доставлены мнѣ ученѣйшими людьми каждой страны» [1]). Все это—важныя свѣдѣнія по части научной, но они еще ничего не говорятъ объ отношеніяхъ Рашидъ-Эддина къ иллюстраціямъ его и къ художникамъ-иллюстраторамъ, которымъ эти иллюстраціи были поручены.

Мнѣ кажутся несомнѣнными два факта. Первый тотъ, что иллюстраціи парижскаго Рашидъ-Эддина рисованы не одновременно съ сочиненіемъ текста сочиненія, а позже, и либо безъ особаго при этомъ участія самого Рашидъ-Эддина, если эта копія была выполнена еще при его жизни, либо безъ участія его замѣстителей, если рукопись была переписана послѣ него, и совершенно безъ его вѣдома. Второй фактъ тотъ, что исторія иллюстрированія этой рукописи имѣетъ нѣчто однородное съ исторіей иллюстрированія «Манассіиной лѣтописи». Всѣ тѣ старанія, хлопоты, усилія узнать настоящую истину про разсказываемое, чѣмъ такъ отличалась работа Рашидъ-Эддина, ихъ-то именно и недостаетъ въ иллюстраціяхъ. Авторъ или его замѣстители были очень озабочены научной стороной дѣла и ничуть не озабочены художественной его стороной. Какъ и при иллюстраціи «Манассіиной лѣтописи», здѣсь не было произведено всѣхъ тѣхъ развѣдокъ и справокъ со стариной, которыя происходили при составленіи текста. Художники (ихъ, навѣрное, было нѣсколько) были предоставлены самимъ себѣ, собственнымъ свѣдѣніямъ, рисовали, что знали и видѣли современнаго около себя, и никто съ

тора восточнаго отдѣла рукописей Парижской Національной Библіотеки, г. Блоше, при благосклонномъ содѣйствіи директора этой библіотеки, г. Делиля; воспроизведенъ же онъ въ превосходной фототипіи въ мастерскихъ А. В. Вильборга въ Петербургѣ.

[1]) Исторія монголовъ, сочиненіе *Рашидъ-Эддина,* переводъ съ персидскаго *И. Н. Березина.* Спб., 1858 г., предисловіе, стр. VI—VII

нихъ не требовалъ, повидимому, чего-нибудь большаго. Они могли рисовать что хотѣли, а такъ какъ они были даровиты и принадлежали къ хорошей и высоко развитой художественной школѣ живописи, то рисунки ихъ вышли очень талантливы и изящны, очень интересны и важны, но далеко не могутъ почитаться вполнѣ достовѣрными источниками въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Они въ этомъ много уступаютъ рисункамъ подлинно монголо-тюркскимъ, джагатайскимъ, такимъ, напр., какъ рисунки въ «Теварикъ-Гузидэ».

Рисовальщики Рашидъ-Эддиновой лѣтописи явно были персіяне и, прежде всего, рисовали на своихъ картинкахъ все «современно-персидское», точно также, какъ рисовальщики «Манассіиной лѣтописи» рисовали, прежде всего, все «современно-болгарское», среди чего жили. Все остальное, на сколько-нибудь иностранное, чуждое, либо изображалось утѣхъ въ формахъ персидскихъ, а у этихъ—въ формахъ болгарскихъ, либо являлось лишь до извѣстной степени въ формахъ настоящей своей національности. Отъ этого-то въ рисункахъ «Манассіиной лѣтописи» преобладаетъ антропологическій типъ болгарскій, въ рисункахъ «Рашидъ-Эддиновой исторіи»—антропологическій типъ персидскій. Въ этихъ послѣднихъ рисункахъ всѣ лица монголовъ и тюрковъ являются точно такими же, какія существуютъ во всѣхъ персидскихъ рукописяхъ, начиная съ наидревнѣйшихъ извѣстныхъ — XIII-го вѣка; при изображеніи персіянъ они широки, совершенно почти круглы, щеки полныя, подбородокъ круглый, глаза небольшіе, продолговатые, но поставлены по прямой, а не по косой оси наклонно къ носу, какъ и брови [1]). Все это очень далеко отъ настоящихъ лицъ и физіономій монголо-тюркскаго племени: мы видѣли выше, какія они были въ дѣйствительности и въ правдивыхъ изображеніяхъ рисунковъ джагатайскихъ: лица продолговатыя, щеки впалыя, суховатыя, подбородокъ довольно костлявый, борода и усы жидкіе, тощіе и рѣдкіе, глаза и брови поставленные косо по направленію къ носу. Въ персидскихъ рисункахъ нѣтъ болѣе, даже при изображеніи монголовъ, монгольскихъ войлочныхъ высокихъ шапокъ, съ перомъ впереди, съ кошелькомъ и горизонтальнымъ козырькомъ на затылкѣ, нѣтъ сапогъ, обычныхъ у монголовъ и тюрковъ, но вовсе отсутствующихъ или довольно рѣдкихъ у персіянъ: эти послѣдніе обыкновенно обуты, на рисункахъ миніатюръ, въ башмаки (=папуши). Все это составляетъ значительную и очень существенную разницу.

Всего вѣрнѣе изображены на рисункахъ «Рашидъ-Эддиновой исторіи», между чужеземными народами—китайцы, которые въ дѣлѣ искусства были главными учителями средневѣковыхъ персіянъ, и отъ которыхъ эти послѣдніе такъ много заимствовали и по формамъ, и по краскамъ своихъ лучшихъ произведеній: ковровъ, тканей, фарфора, фаянса, стекла, металлическихъ, деревянныхъ и костяныхъ издѣлій. Въ изображеніи китайскихъ личностей и предметовъ, мы замѣчаемъ у персидскихъ рисовальщиковъ особенную точность и тонкость. Для примѣра мы можемъ указать на многосложную и изящную сцену пріема китайскихъ пословъ монгольскимъ владыкой Газанъ-Ханомъ въ началѣ XIV-го вѣка [2])

[1]) Исключенія крайне рѣдки. Могу указать въ этомъ отношеніи, въ видѣ примѣра, на персидскій „Шахъ-Намэ“ XV-го вѣка, принадлежащій Парижской Національной библіотекѣ № 1280 (Supplément Persan), поступившій въ Національную библіотеку лишь очень недавно, а именно 26-го марта 1898 года: изображенные въ этой рукописи тюрки часто представлены съ глазами и бровями, поставленными по косой оси. Такихъ примѣровъ мнѣ извѣстно очень мало у персіянъ.

[2]) Наша таблица VII.

Газанъ-Ханъ сидитъ среди сада на обширномъ золотомъ тронѣ, украшенномъ китайскими драконами, рядомъ съ своею главною женою; передъ ними низенькій столикъ, въ ногахъ — золотая скамья. На головѣ у него вѣнецъ или діадема изъ разсыпающихся кустомъ перьевъ; у него въ ушахъ серьги, какъ у всей его свиты и двора [1]). Кафтанъ у него, какъ и у всѣхъ его окружающихъ, запахивается слѣва направо. Два главныхъ лица китайскаго посольства стоятъ передъ трономъ на колѣняхъ. На нихъ надѣты кафтаны или зипуны съ узкими рукавами и съ драконами, вышитыми на спинѣ; они безъ шапокъ; на затылкѣ волосы заплетены въ три остроконечныхъ пучка, въ родѣ какъ у англійскихъ и американскихъ современныхъ клоуновъ: это была обычная, со временъ древности, китайская прическа, до введенія въ Китаѣ заплетенныхъ косъ покорителями Китая, манчжурами, въ XVII-мъ вѣкѣ. Нѣсколько другихъ лицъ, принадлежащихъ къ китайскому посольству, несутъ подарки, кушанья и питья, и становятъ ихъ на небольшой столикъ посрединѣ картины, на переднемъ планѣ. Эти личности также въ длинныхъ узкихъ кафтанахъ съ узкими рукавами, матерчатыми поручами у кисти рукъ, а на груди вышиты драконы; на головѣ — мѣховыя шапки съ перышками, у другихъ — гладкія китайскія шапочки съ приподнятымъ околышемъ, и шарикомъ вверху. Всѣ они съ серьгами и съ круглыми лицами. Оружія нѣтъ ни у кого во всей сценѣ.

Но что въ этомъ рисункѣ и нѣкоторыхъ другихъ, приблизительно одинаковаго съ ними содержанія, представляетъ особый интересъ и значительность, это—изображеніе женъ Газанъ-Хана. Типъ ихъ — опять-таки китайско-персидскій: лица круглыя, съ широкими щеками, круглыми подбородками, небольшими, по правильной, горизонтальной оси поставленными глазами,—значитъ все это невѣрно и выдумано. Конечно, монгольскіе владыки иногда брали себѣ въ жены и персіянокъ, и китаянокъ: блестящій примѣръ послѣдняго—Тамерланъ. Примѣръ блестящій потому, что прибытіе въ Монголію китаянки съ большою свитою и завязавшіяся вслѣдствіе того сношенія имѣли громадное вліяніе на средне-азіатскую архитектуру, на дворецъ въ Каракорумѣ и на множество другихъ памятниковъ. Но монгольскіе и тюркскіе ханы брали женъ по преимуществу изъ племенъ монгольскихъ и тюркскихъ: чему примѣровъ можно представить безчисленное множество, на основаніи указаній хотя бы одного только Рашидъ-Эддина. Поэтому, трудно себѣ представить цѣлую толпу женъ Газанъ-Хана, составленную изъ однѣхъ персіянокъ и китаянокъ. Значитъ, приданный имъ здѣсь типъ — явная ошибка и неточность. Притомъ же, костюмъ на этихъ женщинахъ, и въ особенности ихъ головной уборъ—спеціально монголо-тюркскій, такой оригинальный и характерный, что составляетъ самую замѣчательную черту во всѣхъ этихъ рисункахъ.

Собственно одежда, платья ханскихъ женъ, мало представляютъ замѣчательныхъ подробностей. На этихъ женщинахъ надѣты широкіе матерчатые халаты, въ родѣ китайскихъ, изъ шелковой свѣтлой матеріи, покрытой цвѣтными узорами, съ цвѣтной каймой и съ широкими же рукавами, изъ-подъ которыхъ выходятъ, немного выше кистей, руки въ узкихъ рукавахъ, съ браслетами на концахъ. Халаты запахнуты слѣва направо. Парча или атласъ ихъ, вѣроятно, китайской работы. Эти рисунки одежды вполнѣ воспроизводятъ то, что разсказываетъ Мэнъ-хунъ въ своей «Запискѣ о монголо-татарахъ»: «Женщины ихъ старшинъ носятъ платья съ вышитыми рукавами, похожія на ки-

[1]) Всѣ монголы носили серьги въ ушахъ еще при Чингисъ-Ханѣ, *Howorth*, I, p. 103.

тайское «хо-чанъ» (платье изъ перьевъ); оно широкое и длинное, такъ что волочится по землѣ, и когда онѣ идутъ, то двѣ невольницы несутъ (шлейфъ)» [1]). Но головной уборъ представляетъ нѣчто совершенно особенное и крайне любопытное. Сначала надѣта на голову небольшая круглая шапочка, въ родѣ ермолки или тебетейки, она плотно охватываетъ черепъ, съ небольшимъ мыскомъ на лбу, и, спускаясь до шеи, закрываетъ виски, уши, часть шеи, иногда волосы, словно наушники. Эта шапочка богато усажена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Но изъ середины шапочки поднимается трубка, въ которую вставлена длинная палка, идущая вертикально вверхъ: она украшена, отъ мѣста до мѣста, поперекъ, звѣздами, кольцами и другими украшеніями.

Этотъ головной уборъ изображенъ на многихъ листахъ парижскаго «Рашидъ-Эддина» [2]). Такой головной уборъ можетъ показаться страннымъ, фантастичнымъ, выдуманнымъ со стороны рисовальщика, но разсказы многихъ средневѣковыхъ путешественниковъ доказываютъ, что онъ существовалъ въ дѣйствительности у разныхъ азіатскихъ народовъ. Мэнъ-Хунъ говоритъ, въ своей «Запискѣ о монголо-татарахъ», что «женщины ихъ старѣйшинъ носятъ шапку «гу-гу», сплетаемую изъ проволоки; она имѣетъ форму бамбука (?), высотой около трехъ футовъ; ее украшаютъ фіолетовой парчой или золотомъ и жемчугомъ; надъ ней еще торчитъ палка, украшенная фіолетовымъ бархатомъ»... [3]) Францисканскій монахъ Плано Карпини, отправленный папой Иннокентіемъ IV, въ 1245 году, въ глубь азіатскихъ степей для проповѣди христіанства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы предложить татарамъ миръ, разсказываетъ, что «татарскія женщины носятъ на головѣ что-то круглое изъ ивы, или древесной коры, длиною въ аршинъ, снизу до верху расширяющееся. Наверху ставится длинный прутъ (палка) изъ серебра, золота, дерева и перьевъ». Но, кромѣ разсказовъ путешественниковъ [4]), подтвержденіемъ дѣйствительнаго существованія этого страннаго головного убора служатъ многіе образцы его, доставленные раскопками профессора Самоквасова, какъ на Кавказѣ, такъ и въ Южной Россіи. Въ одномъ изъ кургановъ Кіевской губерніи, потомъ въ другомъ курганѣ Екатеринославской губерніи, наконецъ, во многихъ курганахъ подъ Пятигорскомъ, были найдены, частью въ полномъ видѣ, частью въ отдѣльныхъ обломкахъ, головные уборы, нѣчто въ родѣ діадемъ или коронъ, состоящихъ изъ металлическихъ или деревянныхъ шапочекъ, съ длиннымъ тоненькимъ верхомъ, такъ что все вмѣстѣ образовало нѣчто похожее на воронку съ очень долгой трубочкой вверху [5]). Всего полнѣе и лучше сохранившійся экземпляръ полученъ изъ кургана подъ Пятигорскомъ, у колоніи Каррасъ, № 40, и изображенъ на нашемъ рисункѣ № 95. По описанію профессора Самоквасова, онъ содержитъ слѣдующія части: головное украшеніе, состоящее изъ деревянной палочки, около трехъ вершковъ длины, съ надѣтою на нее серебряною трубочкой, къ нижнему

95. Тюркскій женскій головной уборъ.

---

[1]) Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, томъ XIII, *В. П. Васильевъ*, Исторія и древности восточныхъ частей Средней Азіи, стр. 231.

[2]) „Рашидъ-Эддинъ", иллюстрированный списокъ Парижской Національной библіотеки, листы: 127 обор., 162, 164, 169, 169 обор., 172, 174, 174 обор., 194, 203 обор., 210 обор., 227, 228, 235.

[3]) Тамъ же, стр. 233.

[4]) Собранія путешествій къ татарамъ, стр. 75.

[5]) *Д. Я. Самоквасовъ*, Основанія... и Каталогъ коллекціи древностей, стр. 78 79, 87, 91, 92, 93.

концу которой прикрѣплена воронкообразная серебряная бляха, расширеннымъ концомъ обращенная книзу; а сверху трубочка кончается конусообразнымъ шишакомъ, подъ которымъ прикрѣплена къ трубочкѣ листовидная серебряная бляха, загнутая острыми концами книзу; при этомъ головномъ уборѣ фрагменты парчевыхъ и шелковыхъ тканей отъ головного убора» [1]). Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, широкая основа этого убора и трубочка, длиною въ 3 вершка, были костяныя; а сама діадема, украшенная парчой, съ подкладкой изъ тонкой шелковой матеріи, была, сверхъ того, еще украшена нашитыми на ней многими бронзовыми полукольцами (числомъ 20), обтянутыми серебряными пластинками, и, сверхъ того, золотыми бляшками (числомъ 30) [2]).

Всѣ эти діадемы имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ, а относить ихъ можно, съ большою вѣроятностью, къ XIV-му вѣку, такъ какъ обломки одной изъ нихъ, найденные въ курганѣ Екатеринославской губерніи, лежатъ, какъ и множество другихъ предметовъ, металлическихъ, костяныхъ и матерчатыхъ, вмѣстѣ съ серебряными золото-ордынскими монетами хановъ Узбека и Джанибека, царствовавшихъ въ этомъ вѣкѣ.

Въ началѣ, когда только-что открыты были (1881 — 1884) эти головные уборы, русскіе археологи не могли опредѣлить съ точностью: для кого они предназначались, для мужчинъ или для женщинъ, и В. А. Прохоровъ считалъ ихъ предметами мужескаго употребленія. Въ своихъ «Матеріалахъ» онъ говорилъ: «Къ числу самыхъ замѣчательныхъ кургановъ, по найденнымъ въ нихъ очень рѣдкимъ предметамъ, принадлежитъ княжескій курганъ, раскопанный профессоромъ Самоквасовымъ въ Кіевской губерніи, Каневскомъ уѣздѣ, у рѣки Россовы (1881 г.). Это одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ славяно-русскихъ кургановъ. Въ числѣ прочихъ предметовъ въ немъ найдены: 1) княжеская шапка; 2) коротенькая рубашка; 3) куски матеріи съ княжескихъ одеждъ. Княжеская шапка это—единственная находка въ славяно-русскихъ курганахъ. Она сшита изъ шелковой матеріи, затканной золотомъ (рисунокъ № 1). Кайма шапки изъ золотого позумента; посреди ея, сверху внизъ, идутъ двѣ полосы, по которымъ нашиты золотыя узорчатыя пластинки; по сторонамъ, въ видѣ роговъ, нашиты золотыя плоскія кольца; сверхъ шапки сдѣлано украшеніе изъ слоновой кости (въ видѣ дна подсвѣчника), въ которое ввинчивалась слоновой кости палочка, по сторонамъ съ четырьмя и сверху съ одной дырочкой, куда, вѣроятно, вставлялось какое-нибудь украшеніе въ видѣ султана». Прохоровъ во многомъ здѣсь ошибся: отрытый въ кіевскомъ курганѣ предметъ назначенъ былъ для женщины, а не для мужчины, и притомъ, не для какихъ-либо личностей славяно-русскихъ, еще языческаго періода, а для личностей монголо-тюркскихъ, приблизительно XIV-го в.; но заслуга В. А. Прохорова была та, что онъ понялъ крупное значеніе этой находки, издалъ этотъ головной уборъ въ краскахъ, съ золотомъ, со всѣми его подробностями, и старался объяснить его другимъ, между тѣмъ какъ никто, кромѣ него, тогда этого не сдѣлалъ, и какъ головной уборъ этотъ, такъ и другіе ему подобные, оставались необъясненными и неизданными [3]).

[1]) Тамъ же, стр. 91, №№ 4806—12, таблица IV, № 1.

[2]) Тамъ же. стр. 79 (головное украшеніе изъ кіевскаго кургана, въ окрестностяхъ села Россовы, Каневскаго уѣзда, урочище „Лучки").

[3]) Отдавая печатный отчетъ о I-мъ томѣ Прохоровскихъ „Матеріаловъ", я говорилъ и объ этомъ головномъ украшеніи. и, основываясь на текстѣ и рисункахъ Прохорова, видѣвшаго оригиналы собственными глазами, тоже называлъ предметъ этотъ „русской княжеской шапкой": „Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.", 1882 г., № 1, статья подъ заглавіемъ: „Замѣтки о древне-русской одеждѣ". Она перепечатана въ „Сочиненіяхъ В. В. Стасова", т. II, стр. 590, изображеніе на табл. 28, № 11. Я находилъ сходство у этой шапки со скиѳскими.

Въ 1892 году профессоръ Самоквасовъ издалъ свой «Каталогъ», и тамъ было уже справедливо и вѣрно опредѣлено назначеніе этого головного убора—для женщинъ, и приведено свидѣтельство монетъ, сопровождавшихъ кладъ, о принадлежности этого предмета—XIV-му вѣку.

Въ настоящее время не можетъ уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что разсматриваемый нами головной уборъ назначался для женщинъ, а не для мужчинъ. Мы имѣемъ теперь, при нашемъ изученіи, во-первыхъ, рисунки Рашидъ-Эддиновой иллюстрированной «Исторіи монголовъ». Этотъ несравненный по красотѣ, богатству сюжетовъ и тонкости исполненія оригиналъ. Эта рукопись поступила въ Парижскую Національную Библіотеку лишь 30-го октября 1889 года, и еще не была подвергнута подробному изученію по части представленныхъ тамъ бытовыхъ предметовъ. Во-вторыхъ, въ одномъ изъ новѣйшихъ путешествій въ восточныя страны мы получаемъ не только взятыя прямо съ натуры изображенія современныхъ восточныхъ женщинъ съ головнымъ уборомъ, именно того склада и вида, какой мы видимъ на картинкахъ Рашидъ-Эддина и на предметахъ изъ раскопокъ профессора Самоквасова въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, но также описаніе и объясненіе этихъ предметовъ. Книга эта—сочиненіе *Lortet*, «La Syric d'aujourd'hui»[1]).

96. „Тантура" восточныхъ женщинъ.

Авторъ, путешествовавшій по Сиріи въ 1875 году, говоритъ: «Женщины у друзовъ сохранили очень оригинальный головной уборъ, повидимому, идущій изъ глубокой древности. Это «тантура», серебряный, полый внутри рогъ, снаружи украшенный множествомъ выпуклыхъ или вырѣзанныхъ орнаментовъ, и имѣющій иногда нѣсколько футовъ вышины. У богатыхъ онъ бываетъ также украшенъ золотыми пластинками и драгоцѣнными неграненными камнями. Эта «тантура» имѣетъ основаніемъ шапочку изъ того же металла, позолоченную и покрытую рѣзьбой, а вверху поддерживаетъ длинное покрывало (вуаль), падающее на плечи. Въ день своей свадьбы молодая новобрачная налѣваетъ на себя «тантуру», и уже никогда болѣе не снимаетъ ее, даже и ночью,—до самой смерти. Она снимаетъ ее изрѣдка только для того, чтобы навести на нее прежній блескъ и освободить отъ излишняго количества гнѣздящихся внутри паразитовъ. Чѣмъ знатнѣе женщина, тѣмъ выше «тантура». Антропологическая галлерея въ Ліонскомъ музеѣ обладаетъ цѣлой серіей «тантуръ», благодаря подаркамъ ліонскаго доктора Сюкэ, бывшаго на французской службѣ въ Бейрутѣ. Прилагаемый рисунокъ, скопированный съ одной «тантуры», принадлежавшей одной ливанской принцессѣ. Онъ имѣетъ 60 сантиметровъ длины. Надо полагать, что «тантура» принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ орнаментовъ Сиріи и Востока. Быть можетъ, это и есть тотъ рогъ, который носилъ Моисей и о которомъ также столько разъ говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ[2]).

---

[1]) *Lortet*, La Syrie d'aujourd'hui, Paris, 1884, p. 85. Этотъ рисунокъ былъ воспроизведенъ также въ сочиненіи *Réclus*: Géographie Universelle, vol. IX, p. 751. Нашъ рисунокъ № 96.

[2]) Псаломъ 74, *ст. 5*: „Рѣхъ беззаконнующимъ, не беззаконствуйте: и согрѣшающимъ, не возносите рòга"; *ст 6*: „Не воздвизайте на высоту рòга вашего и не глаголите на рога неправду"; *ст. 11*: „И вся роги грѣшныхъ сломлю, и вознесется рогъ праведнаго" —Псаломъ 88. *ст. 18*: „Яко похвала силы ихъ ты еси, и въ благоволеніи твоемъ вознесется рогъ нашъ".—Псаломъ 131, *ст. 17*; „Тамо возращу рогъ Давидовъ".—Паралипоменонъ, книга II, глава XVII, *ст. 10*: „И сотвори себѣ Седекія сынъ Хана̀ань роги желѣзны и рече: сія глаголетъ Господь: сими избодеши Сирію, дондеже скончается",—и многія другія еще мѣста (пророкъ Захарія; I-я Книга Царствъ).

Итакъ, главное назначеніе «тантуры»—поддерживать покровъ или вуаль женщины высоко надъ головой, подобно пологу или драпировкѣ. Можно, кажется, именно поэтому предполагать, что коренной родины этого головного убора надо искать не специально только въ одной Сиріи и Палестинѣ, но вообще во всѣхъ древнихъ странахъ, съ наиболѣе жаркимъ климатомъ. Очень можетъ быть, что такой же головной уборъ существовалъ у черныхъ расъ. Но несомнѣнно, что онъ издревле былъ въ употребленіи у различныхъ монголоидовъ Средней Азіи, въ томъ числѣ и у джагатаевъ; вѣроятно, также у уйгуровъ и другихъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, а впослѣдствіи перешелъ и въ Европу: на сѣверѣ—въ страны финскихъ монголоидовъ, на югѣ—въ страны кавказскихъ монголоидовъ. У первыхъ мы встрѣчаемъ головные уборы черемисскихъ женщинъ (нашъ рисунокъ № 34), который является прямымъ воспроизведеніемъ, изъ простѣйшихъ малоцѣнныхъ матеріаловъ, прежнихъ дорогихъ головныхъ уборовъ, гдѣ участвовали дорогія ткани, золотыя и серебряныя украшенія. Подобное же, болѣе дещевое воспроизведеніе, изъ простыхъ матеріаловъ, прежнихъ дорогихъ головныхъ уборовъ мы встрѣчаемъ и у киргизокъ (нашъ рисунокъ № 32[a]); наконецъ, на Кавказѣ мы видимъ, благодаря раскопкамъ, цѣлый рядъ женскихъ головныхъ уборовъ этого рода, въ ихъ первоначальной, дорогой формѣ, въ золото-ордынскихъ оригиналахъ XIV-го вѣка, занесенныхъ татарами на югъ Россіи, даже въ Кіевскую и Екатеринославскую мѣстности.

Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что европейскія средневѣковыя женщины носили также, по наслѣдству отъ древней Азіи (а можетъ быть, даже и Африки) [1]), высокіе головные уборы въ родѣ «тантуры», съ палкой вверху, для поддержанія вуаля, подъ названіемъ «Hennin» [2]). Съ полною вѣроятностью можно предполагать, что такого же происхожденія высокіе, въ видѣ стоймя поставленныхъ палочекъ, уборы, покрытые кружевомъ, которые поддерживаютъ роскошную везаль или фату русскихъ женщинъ въ нѣкоторыхъ коренныхъ русскихъ мѣстностяхъ [3]).

[1]) *Lampert*, Die Völker der Erde. Stuttgart, B. II, 5. 41: Sudan, южная окраина великой пустыни, „Непалъ“ рисунокъ, изображающій головной уборъ женщинъ у каффровъ

[2]) По мнѣнію Расинэ, французскій и англійскій „Hennin“ XIV-го и XV вв. прямо принесенъ крестоносцами изъ Сиріи. *Racinet*. „Le costume historique“, vol. III, текстъ къ табл. 207—208.

[3]) Головные уборы губерній: Тверской, Тульской и др.: „Древности Россійскаго Государства“, Москва, 1853 г., томъ IV, листы: 28, 29, 30, 31; текстъ т. IV, стр. 81.

Таблица I. „Крѫщение Роусомъ“.

Миніатюра изъ Болгарской ркп: „Манассіина Лѣтопись“. XIV-го в.

Ватиканская Библіотека, въ Римѣ.

[illegible] д № 22 СПБ

Таблица II. „Рускый плѣнъ еже на Блъгары“.

Миніатюра изъ Болгарской ркп: „Манассіина Лѣтопись“, XIV-го в.

Ватиканская Библіотека, въ Римѣ.

Таблица III. „Плѣнъ Рускы“. — „Идутъ въ Дръстръ“.
Миніатюра изъ Болгарской ркп: „Манассіина Лѣтопись“, XIV-го в
Ватиканская Библіотека, въ Римѣ.

Таблица IV. „Св. Борисъ“.

Миніатюра изъ Русской ркп. „Поученія изъ Бесѣдъ Іоанна Златоустаго“, XIII го в.

Синодальная Библіотека, въ Москвѣ.

ит К де Кастелли Б О 11 л № 22 С П Б

Таблица V. „Чингизъ-Ханъ съ сыновьями“.
Миніатюра изъ Джагатайской ркп: „Теварикъ Гузидэ“, XVI-го в.
Британскій Музей, въ Лондонѣ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Таблица VI. „Осада Самарканда“.
Миніатюра изъ Джагатайской ркп: „Теварикъ Гузидэ“, XVI-го в.
Британскій Музей, въ Лондонѣ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Таблица VII. „Газанъ-Ханъ, его жены, дворъ и посланники“.
Миніатюра изъ Персидской ркп: „Исторія Рашидъ-Эддина“, XVI-го в.
Національная Библіотека, въ Парижѣ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мьщ. 2.